

**ЖАН АНДОШ ЖЮНО И ЛОРЕТТА (ЛОРА, ЛАУРА)
АДЕЛАИДА КОНСТАНС ПЕРМОН (ДАЛЬНЯЯ
РОДСТВЕННИЦА БОНАПАРТОВ)**

ЗАПИСКИ

ГЕРЦОГИНИ АБРАНТЕСЪ.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

63,3(0)

ИМПЕРАТОРСКАЯ	№ _____
	АВРЪ _____
	ИМЯ _____
	ВЪЗРАСТЪ _____

ЗАПИСКИ

ГЕРЦОГИНИ АБРАНТЕСЪ,

или

ИСТОРИЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ

о

НАПОЛЕОНЪ,

РЕВОЛЮЦИИ, ДИРЕКТОРИИ, КОНСУЛЬСТВЪ,
ИМПЕРИИ И ВОЗСТАНОВЛЕНІИ БУРБУНОВЪ,

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

КСЕНОФОНТОМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

ТОМЪ X.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.

1836.

Электронный архив библиотеки имени А.А. Кулецова

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по оппечатаніи предсданы были
въ Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва,
1 Юля 1836 года.

Ценсоръ Павелъ Щепкинъ.

ЗАПИСКИ ГЕРЦОГИНИ АБРАНТЕСЬ.

Глава I.

Война 1807 года. — Жидаы и великій санхедринъ. — Нѣшъ больше многоженства. — Ворожба картами у Императрицы Жозефины. — Предвѣщаніе. — Великая Герцогиня Бергская. — Необычайное посѣщеніе. — Камергеръ Принцессы Полины. — День св. Іосифа и 19-е Марта. — Комедія. — Г-жа Шампаньи. — Г-жа Барраль. — Г-жа Бреганъ. — Г-жа Шавбодуэнъ. — Дворъ Принцессы. — *Севильскій Цирюльникъ* и праздничный куплешъ. — Лоло Дюбургъ.

Во время эшихъ важныхъ споровъ, дѣлалось многое гораздо поважнѣе: въ Польшѣ сражались. Удино и Сюше отличили себя въ битвѣ подъ Оспроленкой. Эпомъ день, писалъ одинъ офицеръ, раненый въ сраженіи, принадлежишь къ числу самыхъ убійственныхъ во все время похода. Говоряшь, что если Французы имѣли какіе нибудь успѣхи при эпомъ, они одолжены ими искуснымъ манёврамъ Генерала Сюше

и неуспрашимосипи Удино. Впрочемъ, объ арміи оставались одна передъ другою. Я видѣла это на каршѣ, развернушой въ кабинетѣ Жюно и ушыканной булавками, черными и красными, которыя означали Рускихъ и Французовъ.

У меня обѣдали люди, тогда очень любопытные по своимъ политическимъ отношеніямъ : это Жиды.... Великій санхедринъ собрался и открылъ большое засѣданіе въ началѣ Феврала. Онъ окончилъ свои засѣданія 8-го или 9-го Марша. Слѣдствіе совѣщаній его было пакъ любопытно, что свидѣль сказашъ объ эшомъ два слова.... Народъ, страннѣй своею судьбою, какъ-бы предназначенный скипашься подъ пяжесію проклятія въ продолженіе пятнадцати вѣковъ, наконецъ видѣлъ для себя опечество, и изъ признашельности за покровишельство и убѣжище, какія давали ему, охотно подвергался законамъ шой спраны, которая хонѣла приняшъ его... Онъ уничтожилъ многоженство... Одна спашья особенно поразила меня и показала благоразуміе эшого народа, опверженнаго, но досшойнаго уваженія, что-бы ни дѣлали, желая унизишъ его и видѣшъ въ немъ только численную величину.... Въ великомъ санхедринѣ объявили, что въ законѣ ихъ ешъ поспановленія религіозныя и политическія ; что первыя неизмѣнны, но другія, предназначенныя

управляешь Еврейскимъ народомъ въ Палестинѣ, уже не годящаяся для него, съ шѣхъ поръ какъ онъ не сославляешь народнаго шѣла.... Я находила въ этой уступкѣ много мудраго.

Извѣстно, что Императрица Жозефина чрезвычайно любила раскладывать грань-пасьянсъ, ворожить картами, и даже ворожить о себѣ. Всякой вечеръ на столѣ ея лежали двѣ колоды картъ, и эти *пасьянсы* почно были испытаніемъ шершнїя присущихъ Императрица испинно любила Императора, и, я увѣрена, сколько-же безпокоилась о чловѣкѣ, сколько о Государѣ, съ которыми она раздѣляла корону. Она старалась разсѣять свое глубокое безпокойство всѣми средствами, и въ числѣ ихъ карты и *пасьянсы*, разумѣется, были однимъ изъ самыхъ легкихъ; пошому она часно употребляла это средство. Однажды вечеромъ мы были у нея.... Испытавши *la grande — la petite patience, le moulin-à-vent — la patience de quinze* — и тысячу другихъ, которыхъ я не упомяну шеперь, Императрица хотѣла знать, прїдетъ-ли въ эпошъ-же вечеръ курьеръ. Было девять часовъ.

« Я не рѣшусь спать, » сказала Императрица, « не узнавши, получили ли сегодня вечеромъ извѣстія. »

Она снова начала грань-пасьянсъ, и еще не разложила его до половины, какъ уже была увѣрена въ успѣхѣ.... Въ самомъ дѣлѣ, едва

успѣла она положишь послѣднюю каршу, какъ вошелъ Архи-Канцлець, размѣренными шагами по своему обыкновенію, и подалъ Императрицѣ письмо ошъ Императора. Это письмо было особенно пріятно ей пѣмъ, что въ немъ извѣщали ее объ ошдыхѣ всей арміи, во время Марша мѣсяца, и размѣщеніи ея между Вислой и Пассаргой. У меня осшалась въ памяти эша подробность потому, что Императрица никакъ не могла прочишашъ въ письмѣ Императора одной спрочки, гдѣ находились названія двухъ рѣкъ. Она показала ее намъ, думая не прочишемъ-ли мы; но я скорѣе разобрала-бы надпись на Клеопатриной иглѣ. Въ эшу минушу вошелъ Жюно. Онъ привыкъ къ почерку Наполеона еще больше нежели Императрица, и когда ему ошдали прочишашъ неразбираемую спрочку, онъ тотчасъ прочелъ ее. — Въ самомъ дѣлѣ—сказала Императрица—я очень счастлива, что вы вздумали сами пріѣхашъ за Г-жею Жюно: безъ эшого мы не увидѣлись-бы съ вами и я не прочишала-бы, что армія находится между Вислою и Пассаргою.

Императрица говорила съ кропосшью, но въ словахъ ея замѣшно было неудовольствіе прошивъ Жюно, за то, что онъ осшавался для нея шолько пѣмъ, чѣмъ долженъ былъ бышь передъ Императрицей. Смѣясь сказала она ему на ухо нѣсколько словъ. Жюно покраснѣлъ, взглянулъ на ме-

ня, какъ будто спараясь увидѣшь, не наблюдаю-ли, не слушаю-ли я, и отвѣчалъ такимъ голосомъ, что замѣтно было, какъ онъ оскорбился въ свою очередь. И могло-ли бышь иначе? Онъ чувствовалъ себя виноватымъ.

На другой день послѣ этого вечера, Великая Герцогиня Бергская прислала за мною. Въ ту самую минуту, когда ко мнѣ пришли опѣкать меня, у меня въ комнаѣ и даже на моей постелѣ была особа, копорая наряжала ее во всѣ костюмы и во всѣ цвѣта.

Я чувствовала себя очень нездоровою, не зная навѣрное причины своей болѣзни. Я догадывалась однакожь, и это наполняло радостью мое сердце, потому что я надѣялась наконецъ имѣть сына, послѣ пяти дочерей. Нездоровье принуждало меня осматриваться въ постели, хотя было уже довольно поздно. Вдругъ слышу въ гостиной своей слышимый шумъ; дверь открылась обѣими половинками, и мнѣ сказали, что прѣехала Принцесса Боргезе.

— Ну, моя миленькая Лорешпа! такъ ты больна? Я очень вѣрю. У тебя есть печаль; не правда-ли? Расскажи мнѣ это.... Поспой.

И вотъ она вскочила на мою постель, устала на моихъ ногахъ, и едва не изломала ихъ, безпрестанно повертываясь, покуда не нашла для себя спокойнаго мѣста. Я позвонила и хо-

пѣла спросишь подушекъ, хопѣла вснапъ и явисься какъ прилично *придворной дамѣ*, не въ спальномъ нарядѣ передъ шакой высокою особой. Но она не согласилась на это, и у насъ завязался разговоръ, самый спранный, какой полько можеть бытъ между двумя женщинами.

— Ахъ, послушай, Лорешта! для чего эпо вы не дали мнѣ шакже праздника въ вашемъ Ренси?

« Пошому, что Ваше Императорское Высочество не можете ѣздить даже въ карепѣ; а единственый праздникъ, какой могли мы вамъ предложить въ Ренси, была-бы правля оленя.

— А для чего-же не могу я охопничать шакже какъ Каролина? Развѣ полько для нея даеште вы праздники?

« Но Ваше Высочество не ѣздите верхомъ.

— Такъ чтожь? Меня несли-бы за вами въ паланкинѣ. Видѣла-ли ты мой паланкинѣ?

« Нѣтъ. . . . но все равно, въ паланкинѣ не лзя гоняшься за оленемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, эша мысль показалась мнѣ шакъ нелѣпа, что я не могла не засмѣяться.

— Да, да; они шакже захохошали, когда я сказала имъ, что буду на охонѣ съ моими носильщиками. Г. Монбрепонъ сказалъ мнѣ, что

я съ ума сошла. Но, посмотримъ; я хочу поговорить объ этомъ Жюно. Гдѣ же онъ?

Я позвонила и спрашивала гдѣ Жюно; его не было дома.

— А, а! ужъ уѣхалъ! Какъ рано онъ начинаешъ свои посѣщенія. Можешъ бышь, это для праздника Императрицы. Онъ главный директоръ всего, что дѣлають теперь на Елисейскихъ поляхъ. Ты не должна-бы шептѣшь этого! — сказала она, очень забавно принявши важный видъ.

«Я не власна въ этомъ,» отвѣчала я не безъ прискорбія, пошому что знала на что намекаешъ она. «Но о какомъ праздникѣ говорите вы, Ваше Высочество?»

— О какомъ? о 19-мъ Марша, днѣ св. Юсифа.... мы будемъ привѣщивать Императрицу, нашу сесстру.... Мы будемъ играть комедію въ Мальмезонѣ. Вы одна изъ главныхъ актрисъ.... Какъ, развѣ ты не знаешъ этого, маленькая Лорешша?

Въ эту минушу пришли ко мнѣ опъ Великой Герцогини. Я отвѣчала, что немедленно исполню ея приказаніе; но не легко было опдѣлаться опъ шакой особы какъ Принцесса Боргезе. Мнѣ надобно было узнать всѣ подробности о ея нарядахъ, о шомъ какъ она будешъ ѣшь; надобно было выслушать жалобы

ИМПЕРАТРИЦА

КАРТА

БИБЛИОТЕКА

№
Ав. Юф. Мичур

КАРТА

№

1915

1915

1915

1915

1915

1915

1915

1915

1915

1915

1915

1915

1915

1915

1915

1915

1915

1915

1915

1915

1915

1915

1915

1915

1915

1915

1915

1915

1915

1915

1915

1915

1915

1915

1915

1915

1915

1915

1915

на пѣхъ изъ ея дамъ , которыя недовольно почипишельны къ ней. Разговоръ шель самый безсвязный. Она говорила мнѣ о побѣдахъ Императора, пошомъ о ночной кошпчкѣ моей, о костюмѣ своемъ для роли Розины (она хопѣла играшь Розину , какъ *служайную* пьесу). Вмѣсто привѣщивія хопѣли помѣспипь въ музыкальномъ урокъ пѣсню , и эшимъ было-бы сказано все. Наконецъ она обратилась ко мнѣ съ самыми комическими жалобами на то , что Жюно *забыль о ея красоть...* О , смѣшное существо !

Вдругъ , опомнившись , она сказала мнѣ :

« Миленькая Лорешпа , знаешь-ли шы моего новаго Камергера ?

— Нѣшь , Ваше Высочество ; какого ?

« Г-на Форбена.

Брашь мой хорошо зналь его ; я видала его рѣдко , но слыхала , что онъ удивипельно оспроумень , любезень , и самое положеніе его въ свѣшѣ еспешивенно принадлежало онличнымъ его доспоинспвамъ.

« Какъ , моя миленькая Лорешпа ! шы не знаешь моего новаго Камергера ?

Она наклонилась и вдругъ дернула за шришнурка колокольчиковъ подлѣ моей поснели. Камердинеръ и женщины мои прибѣжали всѣ вдругъ.

« Введише сюда господина, который въ госпиной, » сказала она камердинеру.

Такъ назвала она Г-на Форбена.

Не знаю, можешъ бышь у меня болѣзнь всѣхъ спарбьющихся людей, но я скажу, съ чувствомъ глубокаго убѣжденія, что шерерь нѣшъ шакихъ любезныхъ мужшинъ, опличныхъ видомъ и обращеніемъ, какихъ прежде было множесство. Но и между ними, Г. Форбенъ былъ замѣчашеленъ, даже рѣзко. Прекрасный лицомъ, благородный наружносною, онъ опличался даже выговоромъ своихъ словъ, всегда пріяшнихъ, изящныхъ. Сколько зависшъ и ревностшъ хопѣли опняшъ у него доспоинспва! Но эшо не мѣшало ему бышь опличнымъ художникомъ, живописцемъ и липшерашоромъ, шакъ-же какъ самымъ оспроумнымъ человѣкомъ въ свѣшѣ, самымъ пріяшнымъ въ госпиной. Таковъ былъ Г. Форбенъ, когда Принцесса Боргезе привезла его ко мнѣ и велѣла ввеси въ мою комнашу, между пѣмъ какъ я была еще въ постели. Но ей хопѣлось показашъ мнѣ *свогѣ Камергера*, какъ будто она еще не привыкла видѣшъ вокругъ себя прекрасную шолпу, сосшавлявшую у нея почешную услугу.

Ко Двору ея принадлежали люди, которые немного лучше сходились другъ съ другомъ нежели мы у Имперашрицы-машери.

Г-жа Шампаньи (Герцогиня Кадоръ), жена Министра Иностранныхъ дѣлъ, была почтенною дамою. Я немного видала такихъ беззаботныхъ о себѣ женщинъ, какъ Г-жа Шампаньи. Это была самая почтенная и самая скучная особа, самая нѣжная и въ то-же время *всего меньше похожая на женщину*, какую встрѣчала я въ свою жизнь. Правда, она оказывала нѣжность только своему мужу, можетъ быть идеалу добра, подъ какой-бы формой ни потребовали его; но, вѣроятно, имъ обладала какая нибудь злая волшебница, потому что все добрыя качества его приводили наконецъ къ скукѣ. Напримѣръ, лицо и видъ его были довольно непріятны, и конечно никто не желалъ-бы такихъ. Но съ этимъ онъ соединялъ непоспозимое требованіе. Онъ не щадилъ ничего, стараясь найдти женщину *чувствительную*, кошорая сдѣлала-бы его *счастливымъ*.... Онъ одоужалъ, льстилъ, старался правиться, но ни что не удавалось ему. Все попытки его разрушались о скалу собственннй его особы. Пусть говорятъ, что красота *только нравит-ся*, что одно сердце заславляетъ любить; все это хорошо въ волшебныхъ сказкахъ, писанныхъ какимъ нибудь горбунами, или шѣми, у кого не была привива оспа. Знаю, что все это не мѣшаетъ иногда уроду заслужить известность человека *милаго*, и надобно замѣ-

нишь здѣсь, что когда онъ достигнетъ эпого, по всегда обладаетъ дарованіемъ удержаться на занятомъ мѣстѣ, лучше всякаго другаго. Тогда мода на него дѣлается бѣшеною. Но не по было съ Герцогомъ Кадорскимъ. Онъ былъ немножко уродъ, но ни сколько не въ модѣ. Впрочемъ, онъ былъ самый честный человекъ, кромѣ того, что убивалъ оленей своимъ дѣханіемъ.

Г-жа Барраль, нынѣшняя Г-жа Сеппѣль, была высокая, прекрасная и очень пріятная женщина. Красота ея казалась относительною: однимъ она нравилась, другимъ нѣтъ. Голова, слишкомъ маленькая для огромнаго роста, опличалась у нея какими-то дѣтскими чертами и ни сколько не ладила съ вышиной ея. Она оспроумна, и вообще пріятная женщина, съ кошорою могли встрѣчаться охотно.

Маркиза Бреганъ только что вышла за мужъ, когда Императоръ назначилъ ее почетною дамою Принцессы Элизы. Но Принцесса Элиза должна была ѣхать въ Лукку, и Г-жа Бреганъ перешла ко Двору Принцессы Боргезе. Она дочь Г-на Кресси и была хорошенькая, стройная женщина, удивительно благородная видомъ, съ шѣми подробностями, кошорья всегда правящая: шаковы русые волосы ея, ноги истинно Французскія, но ешь очень

маленькія , апласное шѣло и прелестныя зубы. Все это облекало умъ живой , насмѣшливый , но ни сколько не злобный. Всегда мыслящая , всегда гошова кѣ дѣятельности ума , она только увлекается иногда предметами , но ея душа открытая , сердце любящее , характеръ твердый и великодушный , дѣлающъ ея женщиною достойною обожанія. Я сама знаю цѣну ея дружбы. Она изъ числа шѣхъ немногихъ , копоры не пугаются несчастія , и , напрошивъ , твердѣющъ въ немъ , какъ мешаллъ въ горнилѣ. Жюно писаллъ къ Г-жѣ Бреганъ искреннюю дружбу и совершенное уваженіе. Когда онъ увидѣлъ , что она нравишя мнѣ , онъ самъ просилъ меня бышь другомъ ея. Послѣдствія нашей связи оправдали его предвидѣніе.

Я не довольно знаю Г-жу Шанбодуэнь ; къ тому-же она , по своему положенію , шакъ извѣстна въ свѣтѣ , что я могу не говорить о ней. Правду сказашь , она слишкомъ вдавалась въ искреннюю связь съ Принцессой , и ея біографія почти нераздѣльна съ біографіей Принцессы Боргезе.

Дѣвица Милло , бывшая впоследствии Графиня Салюсъ , безспорно была самая замѣчательная особа при Дворѣ Принцессы (я не говорю здѣсь о Г-жѣ Бреганъ : она для меня не принадлежитъ ко Двору Принцессы , что-бы ни говорила я о немъ). Дѣвица Милло , внука или

просто воспитанница Г-на Пужана, получила воспитание, чудным образом совершенное, если можно сказать это, особенно по тогдашнему времени. Природа сделала для нее с своей стороны все. Образованность ее, образованность мужчины, а ум женщины, и женщины любезной. Она говорила о пусыках, о пряжках, о спекнаклях, потом вдруг вмешивалась в разговор о важных предметах, и умела вести его с редким дарованием. Она не была красива. Маленькие глаза ее походили на Кишайские. Ум ее отличался оригинальностью, которая иногда увлекала слишком далеко; а ум женщины не должен быть республикой; пусть, больше нежели где нибудь, необходимы разделение на классы и иерархия мыслей, управляемых неизменными правилами; иначе, безпорядок является во всем, что должно быть правильным, а за тем революция, отречение от здравого смысла.... вечное несчастье. Бедная дэвица Милло доказала это собою. Она умерла, самым несчастным образом, и еще молодая.... между тем как ей надобно было жить, и жить счастливо. Она написала исторический роман, где соединено и то, чего нынче особенно преобладают, воображение, и то, что может доставить насущная ученость: драгоценные сведения. (Это Форкарини или Венецианский практик).

Дворъ Принцессы Боргезе удвоился, когда послѣ Принцъ Камилль былъ назначенъ Генераль-Губернаторомъ Пиемонша.... Но я буду говорить о дамахъ Итальянскаго Двора въ слѣдующемъ томѣ: это Г-жи Ла-Тюрби, Кавуръ, и *Матисъ*, въ кошорую былъ влюбленъ Императоръ Наполеонъ, шакъ влюбленъ, чпо писывалъ къ ней по нѣскольку разъ въ день. Почши въ шо-же время Императоръ показывалъ привязанность къ Г-жѣ Грассини, къ Г-жѣ Газани, и въ эшомъ видно было сильное приспирасіе его къ шому югу, о кошоромъ онъ спарался говорить худо.

Мужчины при Дворѣ Принцессы Боргезе, или вѣриѣ Принцессы Полины (потому чшо она особенно дорожила великою чеспью называвъся *Ея Императорскимъ и Королевскимъ Высочествомъ*, хопя въ сущесствѣ оставалась шолько Принцессою Боргезе), мужчины всѣ были хороши. Я уже говорила о Г-нѣ Форбенѣ. Тамъ былъ еще Г-нъ Клермонъ-Тоннеръ, ошрякъ, каламбуристъ, какого рѣдко встрѣшишь. Онъ конечно не перемѣнился и шеперь, потому я не вѣрю іезуишскому благочесію человѣка хорошаго общества, охотника пожизъ весело, добряка, скромнаго и любезнаго.

Пересмашривая галлерей моей памяти, я нахожу еще человѣка, друга, особенно драгоценнаго послѣ шридцати пяти лѣтъ, потому чшо въ эшо время онъ могъ доказать привя-

занность, непобѣдимую никакими несчастіями, никакими потрясеніями полипическими, ничпожными, когда они спановяпся между вами и шакимъ другомъ. Чеспный, превосходный человекъ!... Я говорю о Г-нѣ Монбрешонѣ, и всегда вспомню о немъ, когда мнѣ надобно будетъ изобразить добраго опца, добраго мужа, добраго брата, и чеспнаго, благороднаго гражданина. Это идеаль чеспнаго человекъ.

Духовенство при Дворѣ Принцессы спило замѣчанія, и не потому чтобы эта часть Двора ея была соспавлена съ особеннымъ вниманіемъ. Г. Санбюсси, Г. Бомбель, вѣрно, изумлялись, что ихъ избрали на такой путь.

Все названные мной были собраны вмѣстѣ (исключая Аббатовъ), для совѣщаній о пьесѣ, какую должно избрать для праздника Императрицы. Разумѣется, что обѣ золовки сполькоже думали о пезоименишствѣ Императрицы, какъ-бы о празднествѣ въ день св. Люціи. Имъ надобенъ былъ праздникъ, гдѣ-бы онѣ играли первыя роли и заслужили много рукоплесканій. Таково было истинное намѣреніе, которое увидѣли-бы, если-бъ, какъ во дворцѣ Истины Г-жи Жанлисъ, могли видѣшь сквозь шѣло, что происходитъ въ сердцѣ.

Напримѣръ, Принцесса Полина хотѣла чтобы играли *Севильскаго Цирюльника*, и на Ипаль-

янскомъ языкѣ. « Потому что , » сказала она ,
« я буду играть Розину и выполню свою роль
не дурно .

— Но , Ваше Высочество , это опера .

« Я говорю не объ оперѣ . Это Французская
пьеса въ переводѣ . Я сама перевела ее , и очень
хорошо .

— Но , Ваше Высочество , это елишкомъ
продолжительно.... Къ тому-же , для шезоимен-
нишества Императрицы нѣтъ ничего ша-
кого , что было-бы прилично....

« Вошь прекрасно ! » сказала она вспыхнувъ
гнѣвомъ . « Надобно чтобы у нея былъ слиш-
комъ дурной характеръ.... Чего можешь она
желать? чтобы веселились? не правда-ли?... Ну,
а мнѣ весело играть комедію , и именно роль
Розины.... Какъ я буду хороша въ черной съ
розовымъ шляпкѣ , въ апласной розовой юпоч-
кѣ.... въ передникѣ изъ черныхъ блондъ!...

Всего любопытнѣе , что Принцесса Кароли-
на , совсѣмъ иначе умѣренная и умная нежели
ея сестра (хотя Г. Талейранъ пошушилъ спран-
нымъ образомъ , сказавши , что у нея голова
Кромвеля на плечахъ хорошенькой женщины) ,
Принцесса Каролина также хотѣла имѣть роль ,
единственно для того , чтобы блеснуть , и роль
длинную , чтобы она стоила труда выучить
ее . Послѣ этого можно было говорить , если-

бы кто осмѣлился, о Женатомъ философѣ, о Мизантропѣ, и подобныхъ пушнякахъ. Великій санхедринъ, только передъ тѣмъ закрывшій свои засѣданія, конечно не съ большею важно- стію разрѣшалъ недоумѣнія свои. Наконецъ, къ счастью, какая-то добрая мысль заспавила посовѣповаться съ Жюпо. Онъ пользовался спаринною довѣренностью у одной изъ сестеръ, и современною у другой. Конечно, эта довѣ- ренность была только слѣдствіемъ дружескихъ воспоминаній дѣтства. Но, что-бы ни было, а онъ имѣлъ столько власти надъ ними обѣими, что убѣдилъ ихъ оставишь намѣреніе играть большую пьесу, и вмѣсто нея сыграшь двѣ, нарочно приготовленныя для дня св. Іосифа. Онъ сказалъ каждой сестрѣ, что ихъ роли можно выснавишь съ такимъ блескомъ, какой только приличенъ имъ. Г. Шазе, охотникъ пѣть на всѣ тоны гаммы, и я не хочу ска- зашь объ этомъ ничего дурнаго, но замѣчу, что онъ могъ-бы оказывашь больше снисходительности, Г. Шазе долженъ былъ сочинишь одну изъ эпихъ пьесъ, Г. Лон- шанъ другую. Г. Лоншанъ, бывший секретаремъ Принцессы Каролины, человекъ оспро- умный, любезный, очаровательный, сочиня- ешь-ли онъ вамъ веселыя пѣсни, рисуешь-ли Теньеровскій очеркъ, самый язвительный, са- мый вѣрный, изображая невыгодныя спороны

спарой дѣвушки, или, перемѣняя тонъ, переходить въ модуляціи опочающей души, когда человѣкъ оставляетъ берегъ опечесива. Онъ хорошъ даже въ прошломъ разговорѣ, передъ каминомъ, когда рассказываетъ вамъ старинную легенду, но съ шюю ещесивенностью ума, съ шѣмъ очарованіемъ сердца, которыя даетъ одна природа, и которыхъ не лзя приобрѣсти шрудомъ. Г. Лоншанъ, авторъ *Тетки Авроры*, долженъ былъ сочинить другую пьесу. Споншини, уже извѣстный своею *Весталкою*, шолько что представленною, или гошвою къ представленію, но уже знакомою музыкальному міру, долженъ былъ написать музыку для пьесы Г. Лоншана.

Назначивши пьесы, занялись раздачею ролей. Здѣсь-шо блеснуло во всей силѣ желаніе первенствовать. Роли были розданы сообразно своему значенію шолько мужчинамъ. Женщины принуждены были управляться съ шѣми лицами, какія назначили имъ представить, хорошо или худо. Но что за дѣло до этого, если шолько Принцессы обѣ исполняли свое желаніе и украшались всеѣмъ, что опымали у другихъ? Намъ опшавалось играть не хуже ихъ, и, надобно признаться, это не представляло большой невозможности. Актрисами были обѣ Принцессы, супруга Маршала Нея, Г-жа Лавалешинъ, и я. Мужчинъ представляли Гг. Бригодъ, д'Ангоссъ,

Монбредонъ, и Жюно. Я забыла имя еще одного изъ нашихъ актеровъ, но попому шолько, что роль его была совершенно ничтожна. Г-жа Ней играла роль старой бабушки, съ обыкновеннымъ своимъ дарованіемъ во всемъ. Въ самомъ дѣлѣ, я не видывала, чтобы она дѣлала что нибудь неловко или дурно. Роль сама по себѣ не была спрашна.

Комедія ушѣшала не пѣхъ, которые послѣ увидѣли нашу игру, но насъ самихъ, въ продолженіе шрехъ недѣль нашихъ репетицій. Надобно сказать однакожь, что эшо было не для всѣхъ одинаково смѣшно. Напримѣръ, мнѣ случалось иногда выходить въ галлерей шого дворца, гдѣ мы репетировали, и фаншасшическое видѣніе было передо мною. Я видѣла карешу, и при ней служишелей, одѣшыхъ въ амараншовую ливрею, съ желтыми ошворонами и золотыми галунами: эша ливрея была моя. Но гдѣ-же шощъ, кто пріѣхалъ въ эшомъ ландо? Его не было въ галлерей, а я видѣла двѣ карешы, и при нихъ людей въ амараншовой ливреѣ.... Ахъ, я понимала наконецъ.... Здѣсь Совѣшъ былъ не шакоевъ какъ во Французской Комедіи... Тамъ всѣ актеры принадлежали къ нему, всѣ имѣли равный голосъ. Они имѣли право присушествованъ въ своемъ Совѣшѣ и подавашъ голоса.... но, въ нашей шруппѣ, мы не имѣли права сдѣланъ возраженіе.

Принцесса Полина занимала небольшую роль и почто играла не дурно. Только она пѣла такъ ужасно фальшиво, что въ самомъ дѣлѣ не было средства выдержашъ эшо, какъ ни рѣшились мы на все, что могло выйдши изъ нашего спектакля. Но самымъ забавнымъ въ нашихъ репетиціяхъ было не пѣніе, а сами эши репетиціи. Принцесса, всегда полубольная, не могла свободно ходишь, такъ что ее выносили на средину театра, и тамъ, съ своихъ кресель, она чинила роль молодой невѣсты, копорая выходишь за мужъ, не помню за какого-то влюбленнаго красавца, а каженся что эшо былъ Г. Бригодъ: во второй пьесѣ онъ превосходно предспавлялъ роль Лоло Дюбурга. Г-жа Ней и Г-жа Лавалешъ также играли въ первой пьесѣ. Г-жа Ней, какъ уже я сказала, была шущъ удивительна. Что касается Г-жи Лавалешъ, то Г. Шазе, у кошораго она была *въ подданствѣ* на эшотъ вечеръ, почши съ гнѣвомъ повшоралъ ей:

— Боже мой, сударыня! не лзя-ли вамъ хошь немножко придши въ волненіе? заклинаю васъ!... хошь немного понѣжнѣ. Право, подумаютъ что вы заснули.

Г. Шазе говорилъ правду. Не лзя говоришь, ходишь, двигашься съ бѣльшимъ однообразіемъ и больше холоднымъ спокойствіемъ. Она выводила изъ перпѣнія. Эшо была статуя ожив-

ленная, но не священнымъ огнемъ сердца, какъ Галадея. И между шѣмъ, эта женщина, по видимому споль холодная, нашла въ душѣ своей весь огонь благородныхъ спрасшей.

Пьеса, гдѣ играла я, ошличалась двумя особенностями: первое, Жюно игралъ въ ней роль влюбленнаго, что совсѣмъ не было въ его характеръ. Онъ превосходно игрывалъ сильныя роли, но въ нѣжныхъ не понималъ ничего. Тупъ, напрошивъ, выражалась любовь, во всей изысканности, во всей свѣжести юныхъ дней. Думаю, что Г. Лоншанъ нарочно вставилъ въ роль Карла *подсказанныя ему* положенія и нѣжныя слова. Я не могу иначе объяснить себѣ этой пьесы и роли Жюно, вмѣстѣ съ ролью Неаполишанской Королевы.

Завязка пьесы была самая простиая. Сцена у Рюэльскаго Мера. *Каролина* и *Карль* любящъ другъ друга; они родились въ одинъ день и должны соединиться. Провинціальный франтъ хочеть разспроить любовь *Каролины* и *Карла*; но добрый геній плачущихъ будеть въ эшошь день въ Мальмезонѣ. Бракъ долженъ заключишься: Имперашрица хочеть удоспоить его своимъ присутствіемъ. Въ ожиданіи, *Карль* и *Каролина* поющъ, на голость: *O ma tendre misette*, слова довольно нѣжныя, шакъ что ихъ можно было сказашъ не сбиваясь съ голоса:

Si le ciel que j'implore,
 Est propice à mes vœux,
 Un même jour encore
 Verra fermer nos yeux.

Жюно пѣлъ съ сердечнымъ движеніемъ: зная душу его, легко было угадать, какія чувства волновали ее. Совсѣмъ иное была ша, которая пѣла съ нимъ. Она хошѣла показаться взволнованною, и не могла. Припворное волненіе ея высказывалось шолько увеличеніемъ гаммы на поль-шопа, и звуки съ дрожаніемъ скользили по розовымъ ея губкамъ, копорья, мимоходомъ сказаць, совсѣмъ не были созданы для выраженія гармоническихъ звуковъ. Гармонія не мирилась съ ними ни сколько.

Принцесса Полина восхищала въ нарядѣ *крестьянки невьсты*. Она въ самомъ дѣлѣ чувствовала волненіе, неизбежное слѣдствие робости, даже для дарованій великихъ, при первомъ ихъ знакомствѣ съ публикой. Ошъ этого красота ея приняла какой-шо увлекашелейный опшѣнокъ. Она казалась совсѣмъ иною женщиною подъ покрываломъ спыдливости. За шо, смѣшно было слышать и видѣть ея игру. Да, шолько свѣтское воспишаніе могло удержанъ меня ошъ смѣха, пошому что объ Принцессы, хошя-бы онѣ были самыя прекрасныя женщины въ мірѣ, являлись самыя дурныя акшрисами, какія

только бывали на театральныхъ подмосткахъ.

Пьеса, въ которой играла я, была оспроумиѣ и лучше могла понравиться. Ее сочинилъ Г. Лоншанъ. Но я занимала роль совершенно не по своей способности, и безъ того не очень большой. Я игрывала только роли субретокъ, или Г-жу Дерваль въ *Соперникахъ самихъ себя*, и другія въ этомъ родѣ. Я представляла на эпошъ разъ молодую дѣвочку, довольно глупенькую, крестницу знашной дамы, которую ожидаютъ въ Рюэль, и приходила просить у Мера привѣтствія для своей крестной матери. Роль Мера занималъ Г. Монбрешонъ, и выдерживалъ ее превосходно. Въ немъ была ловкость и опытность, какую рѣдко встрѣпишь не въ записномъ актёрѣ.

Я никогда не занимала такой роли, какую дали мнѣ, и была увѣрена, что сыграю ее дурно: этого и хотѣли другія; но этого не хотѣла я. Воишь почему я обратилась къ дѣвицѣ Марсъ, съ просьбой, не можетъ-ли она поперяшь нѣсколько мнущъ, почно поперяшь, во всемъ смыслѣ этого слова, и выслушашъ мою роль, шобы я могла по крайней мѣрѣ имѣишь какое нибудь руководство, на пуши совершенно неизвѣстномъ мнѣ. Я не скажу, что дѣвица Марсъ была обязашельна въ этомъ случаѣ, пошому что слово *обязашельна* слишкомъ

слабо для выраженія той доброты, съ которою она выслушивала меня, заславляла повсюду слабыя мѣста, и говорила ихъ сама. Въ двѣ недѣли, пока продолжались репетиціи нашей несчастной комедіи, она съ несравненною доброшею прїѣзжала ко мнѣ по ушрамъ, много разъ, и своимъ восхищительнымъ, единственнымъ дарованіемъ, замѣняла мнѣ, или лучше сказать давала превосходнѣйшіе уроки. Часто, слушая ее, я не помнила, что мнѣ надобно поспорить за нею. Я могла показаться ей душою, когда, сходя передъ нею въ двухъ шагахъ, удивлялась игрѣ мускуловъ ея прелестнаго лица, всегда сколько выразительнаго и непостижимо совершеннаго. Я видѣла ея понкую улыбку, всегда означавшую мысль, и когда открывала она губы, выказывая перлы зубовъ, выразительные глаза ея, въ совершенномъ согласіи съ этою улыбкою, заславляли понимать ее прежде нежели она произносила слова. Эта репетиція не научила меня ничему въ Искусствѣ, пошому что я увлекалась только одною идеею, которую пробуждала во мнѣ дѣвица Марсъ. Но шѣмъ лучше постигла я удивительное ея дарованіе. Все, что шеапрѣ предшавлялъ мнѣ прежде опшическимъ дѣйствіемъ, все, что опносила я къ шеапральному волшебству, было оцѣнено мною по справедливости. Дѣвица Марсъ всегда казалась мнѣ са-

мою превосходною актрисою, какую только я видѣла. Но услышавши ее въ комнатѣ, въ полдень, безъ всякаго обаянія рукоплесканій и освѣщенія, безъ всего блеска, коимъ окружаетъ актрису на сценѣ, я сказала:

— Вотъ первая актриса въ мѣрѣ! Вотъ естественность, взявшая изъ самой жизни! Вотъ какъ должно быть шрудно играть, потому что въ этомъ не видно ни малѣйшаго усиленія.

Послѣ этого я сдѣлалась открытою почитательницей дѣвицы Марсъ. Я глядѣла на нее какъ на бриллиантъ, безъ всякихъ недоспашковъ, или по крайней мѣрѣ незамѣтныхъ шогда. Вотъ мое мнѣнiе о ней. Я почитаю истиннымъ несчастiемъ для Искусства, что она не хотѣла образовываться воспитанницей. Игра ея въ *Донъ Сель* показываетъ, что она равно хороша для всѣхъ школъ, и что прекрасное можетъ быть *романтическимъ* и *классическимъ*.

Свиданiя съ нею показали мнѣ также превосходный тонъ обращенiя и разговора дѣвицы Марсъ, всегда скромной, милой, оживленной умомъ. Словомъ, я нашла въ ней все, что только составляетъ женщину лучшаго и самаго высокаго общесства.... Это было уже давно, но воспоминанiе во мнѣ такъ живо, какъ будто это было вчера.

Напрошивъ она должна была найдти во мнѣ голову очень безполковую и умъ *очень тупой* потому что роль была не по мнѣ, и я только слушала дѣвицу Марсъ, удивлялась ей, но мало заботилась объ урокахъ, при очарованіи, какое она производила на меня. Однако, я хоть немного *прикоснулась* къ ея превосходному дарованію, и на мнѣ оспалась часница ея волшебства. Я говорила свою роль вѣрно и со здравымъ смысломъ, чѣмъ не могли похвалиться всѣ играющія со мной.

Спектакли въ Мальмезонѣ всегда бывали порожественны. Помню, что мы боялись ихъ еще во время консульства; каково-же было играть въ нихъ теперь, когда Имперія, со своею роскошью и чудесами, сдѣлала Парижъ и Императорскій Дворъ фантастическимъ мѣстомъ великолѣпія и величія? Все это говорила я себѣ на завтракѣ у Императрицы, въ споловой нижняго этажа, передъ самымъ кабинетомъ Императора. Намъ было двадцать пять за столомъ, и Императрица являлась при этомъ удивительно мила, какъ хозяйка дома, какъ *дама*, въ своемъ *зѣмкѣ*, самая обыкновенная, просная въ обществѣ. Подлѣ нея за столомъ сидѣла крестница ея, моя старшая дочь Жозефина, которую она велѣла мнѣ привезши вмѣстѣ съ Конспанціею, моею вперую дочерью. Онѣ прѣжа-

ли съ Англійскою гувернанпкою , и изъ всѣхъ окружавшихъ Императорскій шоль , были конечно самыя спокойныя , потому что не думали о заботахъ дня.

Я была тогда беременна сыномъ моимъ Наполеономъ. Беременность моя послѣ была очень тяжёлая, и уже тогда напоминала о себѣ довольно безпокойно. Къ этому присоединилась нервная болѣзнь, слѣдствіе живыхъ, нравственныхъ прискорбій. Впрочемъ, эта болѣзнь никогда не оставляла меня съ нѣхъ поръ. Я была такимъ образомъ очень нездорова, и если бы комедію представляли не для пезоименишсва Императрицы, а по какому нибудь другому случаю, я конечно извинилась-бы, нѣмъ больше, что самый спранный припадокъ присоединился къ другимъ моимъ снраданіямъ.... У меня всегда былъ удивительно высокій голосъ: я выдерживала *ut* верхней октавы, полнымъ голосомъ въ продолженіе цѣлаго часа, и съ такою легкостью, какъ будно *ut* средней октавы. Такимъ образомъ, голосъ мой обладалъ осмнадцатью полными ношами. На репетиціи оперы я должна была пѣшь, и не могла. Голосъ мой вдругъ пропалъ, и я не могла произнести ни одного звука. Такъ оставалась я во время моей беременности. Но еще спранные, что въ продолженіе одиннадцати лѣтъ у меня не было голоса. Очень недавно онъ воз-

врапился ко мнѣ совершенно, и то не больше какъ конпръ-альпъ.

Королева Неаполишанская вѣрно вспомнилъ о другомъ, довольно странномъ случаѣ: она поссорилась со мной, и почти не шутя, за то что я говорила о своей беременности.

— Это право смѣшно, послѣ сполькихъ дѣшей! — сказала она.

Представленіе кончилось очень хорошо. Принцесса Полнна играла лучше сестры своей, не смотря на безконечныя требованія эпой, которыя придають ей увѣренность, что она говоритъ, ходитъ и дѣйствуетъ лучше всякаго другаго.

Г. Бригодъ, Камергеръ Императора, выполнилъ съ истиннымъ дарованіемъ роль Лоло Дюбурга, глупца, провинціального Ловеласа. Это былъ превосходный актеръ для комедіи. Онъ принадлежалъ къ шрушѣ Г-на Булоня, въ Сино, и это одно говоритъ за него все. Бывши въ по-же время ошличнымъ музыкантомъ, онъ сочинилъ музыку и слова куплета, обращеннаго къ Императрицѣ въ общемъ водевилѣ. Они сохранились въ моихъ бумагахъ, и, я думаю, немногіе помнятъ ихъ шеперь.

Лоло Дюбургъ, въ полосатомъ кафтанѣ съ полированными спальными пуговицами, величиною съ пшифранковую монету, въ преогром-

ныхъ голубинныхъ крылышкахъ подъ преугольную шляпою , копорая сродни шляпѣ Пошье въ *Маленькихъ Данаидахъ*, въ жилепѣ шакже полоса-шомъ , съ бахрамой , въ шпанахъ чижиковаго цвѣта , въ башмакахъ съ серебряными пражками , въ шелковыхъ чулкахъ , и съ двумя огромны-ми печаями , я думаю изъ бѣлаго желѣза , въ шакомъ нарядѣ *Доло Дюбургъ* приблизился къ ложѣ Императрицы , на лѣво отъ зрительей , и пропѣлъ куплетъ , съ прелесной музыкой са-мого *Доло Бригода* :

Je souhaite à Sa Majesté ,
 D'abord tout ce qu'elle désire ,
 Ensuite une bonne santé ,
 Et puis toujours de quoi pour rire.
 Elle , étant reine , et ne pouvant
 Lui souhaiter une couronne ,
 Je lui souhaite seulement
 Autant de bonheur qu'elle en donne.

Другой актеръ , шакже превосходный въ своей роли , но совсѣмъ инаго рода , былъ Г. д'Ангоссъ , Камергеръ Императора . Я особен-но радовалась его успѣху , попому что между нами была пріязнь , ушвержденная не только прекраснымъ его обращеніемъ , любезнымъ умомъ , и всѣмъ что составляетъ въ Англіи испиннаго дженплемена , а во Франціи *порядогнаго тело-ствка*, но и знакомствомъ съ его машерью , ко-

порую часпо видала я у Императрицы-машери: она совершенно завоевала меня, съ перваго разговора, какой я имѣла съ нею.

Маркиза д'Ангоссъ была женщина совершенно необыкновенная. Въ первый разъ она испугала меня. Она была шакъ блѣдна, чшо невольню хощѣлось опыскать хощъ розовое пяшнышко на эшомъ чиспо-алебаспровомъ лицѣ. Къ эшому присоединялись еще небольшой роснѣ и худощавость, шакъ чшо она больше скользила, нежели ходила по паркету. Но когда начинала она говорить, когда предавалась желанію говорить ошпрія слова и болшашъ милый вздоръ, кошорый часпо заспавлялъ меня позабывашъ время, погда можно было подумашъ, чшо если эшо шѣнь, то конечно шѣнь самой оспроумной, самой любезной женщины вѣка Людовика XIV, то ешь любезности, пріятности и оспраго ума. Въ ея словахъ, произносимыхъ легко и вѣрно, звучало чшо-то роскошное, и вѣрояшно очень плѣнительное, когда ей было двадцашъ пяшь лѣтъ. Она была насмѣшлива съ шаккою важностью, и слѣдовашельно шакъ смѣшно! Ахъ, сколько поршпрешовъ изобразила она мнѣ въ родѣ рисовки Ингра: черпы ясны, вѣрны, хошя и безъ шѣни. Поршпрешъ Г-жи д'Ангоссъ долженъ былъ-бы нарисовашъ Ингръ.

Она спрешно любила своего сына. Однажды, говоря мнѣ о немъ, она сказала: — Я должна

познакомить васъ съ моимъ Карломъ. Это знакомство будетъ пріятно для васъ обоихъ ; только вы должны увидѣть его въ настоящее свѣтъ.

Послѣ этого , женщина , часно язвительная и всегда насмѣшливая , начала говорить мнѣ восхищенно , изображая первую любовь юнаго сердца , это пробужденіе пламенной души на упрѣ жизни. Прекрасно изображеніе человека , полного счастьемъ , больше нежели могъ онъ желать этого.... Молодая , очаровательная жена наслаждалась съ нимъ въ прекрасномъ жилищѣ , среди величественныхъ Пиренеевъ , и это жилище было наслѣдіе ихъ отцовъ. Тамъ Карлъ нашелъ небо.... рожденіе дышаща удвоило надежды и счастье молодыхъ супруговъ. Политическая буря гремѣла , но вдалекѣ , и д'Ангоссъ , уединенный въ своихъ горахъ , какъ пустынный въ подоблачной хижинѣ , видѣлъ бурю подъ своими ногами. Но бѣдствие должно было постигнуть и его , потому что оно дѣлаетъ только опсрочку , и чѣмъ больше медлило , тѣмъ больше являлся спрогимъ. Несчастный потерялъ жену , дыша , все. О , какъ прекрасна была мать его , описывая горестъ своего сына!... А эта горестъ была ужасна ! Онъ потерялъ все , что только можешь поразить человека. Но возвратившись въ свѣтъ , прибавила мать его глубоко вздохнувши и какъ-бы

желая облегчить тягоспъ своего собственнаго сердца, возврашившись въ свѣпъ, онъ ни кому не далъ замѣпить шой неиспребимой горесши, кошорую пишаепъ какъ змѣю въ своей душѣ. Только я одна понимаю его!...

Несчастная мать сжала свои руки, худыя, бѣлыя какъ слононая коспъ, и подняла къ небу глаза, блиспавшіе невыразимую любовью. Послѣ этого дня я обыкновенно молчала, когда слышала вокругъ себя :

— Г-жа д'Ангоссъ была вчера въ красномъ бархатномъ плашьѣ: вѣрно хошѣла пококешствовапъ бѣлизной своего пѣла.

« О, » сказалъ одинъ очень оспроумный человекъ, злой какъ язва, « это именно шакъ. Посмоприте на нее : она почно прозрачна.

Я не могла вышерпѣть этого, особенно когда увидѣла, что Г-жа Бриссакъ, не смонря на свою доброшу и на свой горбъ, вмѣшалась въ разговоръ, впрочемъ ни сколько не оскорбительный и шолько злой, но гдѣ основаніемъ была неблагосклонность.

— Да!—сказала я окружавшимъ меня.—Правда, что шѣло ея очень бѣло и щеки очень блѣдны ; но въ душѣ подъ этою оболочкой гораздо больше огня, нежели сколько вспыхнешъ его во всѣхъ вашихъ, хошя-бы онѣ цѣлый годъ,

каждый день по часу, старались зажечь себя объ нее.

Я очень любила Г-жу д'Ангоссь, и сверхъшого знала преданность ея къ Императрицѣ-матери, преданность безкорыстную, какой не было въ дюжинѣ другихъ, когорья съ удивительною ловкостью предшавлялись поклонниками ея, спараясь получить порипреть, першень, или даже платье!!.. Я очень любила и уважала Г-жу д'Ангоссь.

Послѣ спектакля, мы побѣхали изъ Мальмезона очень поздно. Возвращеніе это было тяжосино для меня. Великая Герцогиня Бергская, не знаю или лучше сказапъ знаю для чего, вздумала возвращишься въ Парижъ со мною, въ своей каретѣ. У меня была кареша, и, признаюсь, я гораздо лучше желала-бы возвращишься какъ мнѣ хошѣлось; но она распорядилась иначе. Мы съ Жюно сѣли въ ея карешу. Черезъ нѣсколько минушь, Принцессѣ сдѣлалось дурно. Мы были шогда въ Рюэлѣ. Я велѣла останошипсь... опворили карешу.... Принцесса вышла.... Ночь, хотя не холодная, дѣлала неприятнымъ это приключеніе. Еще днемъ у Принцессы былъ нервный припадокъ, такъ что она даже упала въ обморокъ. Императрица Жозефина, забоясь около нея, нашла въ ея платьѣ письмо, и положила его ей въ руку, копорую держала она сжавши во все время ея обморока. Поспу-

покъ превосходный со стороны Императрицы, и его должны знать всѣ... Принцесса опамятавалась и замѣтила это нѣжное вниманіе; но Императрица не сказала ей ничего.

— Это письмо Мюрата—проговорила Принцесса, стараясь скрыть свою досаду и отвѣчая на вопросъ, котораго никто ей не дѣлалъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ, говоря со мной объ этомъ приключеніи, Императрица сказала мнѣ:

« Я очень знала, отъ кого было письмо: почеркъ мнѣ извѣстный.

Что касается до меня, я не могла оказать ей никакой услуги, пошому что въ шемную ночь нельзя было забавляться подавая ей просьбы. Мое дѣло, впрочемъ не шакъ-то легкое, было поддерживать Принцессу, во время волненія отъ припадка нервовъ. Мы возвратились въ Парижъ въ три часа утра. Я завезла Принцессу къ ней, и Жюно подалъ ей руку, проводилъ ее во внутреннія комнаты, а я поѣхала въ ея карещъ домой, но одна. И пора было успокоиться.

Такова исторія этой комедіи 19 Марта 1807 года. Она занимала весь Императорскій Дворъ, зимою передъ шѣмъ, пошому что, стараясь участвовать въ представленіи, многія вда-

лись въ интриги, въ сплетни, а слѣдствіемъ ихъ были маленькія ненависти и мщеніе. Ахъ, у насъ бывало еще много и больше мѣлочнаго! Но не шакова-ли вообще исторія придворной жизни ?

Г л а в а П.

Походъ 1807 года. — Испанія. — Донъ Евгенію Исквьердо. — Снисходительный хозяинъ. — Слѣдствіе. — Дѣла любви у Герцогини Беррійской. — Ложный разсчѣтъ. — Г. Араухо. — Маркизь Аморна. — Волшебникъ. — Предвѣщаніе. — Убишое дѣло. — Суевѣріе. — Письмо Г-на Араухо. — Списокъ запрещенныхъ Инквизиціею книгъ. — *Чортъ предсказатель.*

Мы приблизились къ эпохѣ чрезвычайно замѣчательной, не только въ жизни Императора, но и въ политической жизни Франціи. Въ 1807 и 1808 годахъ фортуна оказывала ему послѣднія благосклонности, съ преданностью женщины, которая любитъ страшно. И послѣ онъ будетъ еще побѣдителемъ: громъ его будетъ гремѣть надъ главами сильныхъ; онъ облечетъ въ шрауръ многія семейства иностранцевъ, и кинетъ намъ нѣсколько лавровъ, въ награду за наши пошери. Но эти пошери будутъ гораздо огромнѣе, и лавры больше запятнаны нашею кровію. Гдѣ-же первая причина

эного измѣненія въ судьбѣ его славы? Ошъ чего побѣда, всегда вѣрная его приказанію, не спановишся больше подѣ наши орлы съ прежнею готовностію? Побѣда шакже женщина; она упомилась эшою непрерывно бродячею жизнью; сверхъ того, она прихотлива: она хотѣла покровительствовашь и нашимъ врагамъ.

Несчастія его начались съ 1807 года, въ Испаніи. Долго пригошовлялось первое кольцо эшой цѣпи, но, ясно, особенно для меня, что Испанія сама шла на встрѣчу желаніямъ Наполеона. Я совѣмъ не думаю извиняшь его; я говорю о событіяхъ, во всей ихъ простотѣ, потому что знаю большую часть ихъ, довольно мало извѣстныхъ. Я должна показашь ихъ: эшо моя обязанность.

Я уже говорила о Донѣ Евгеніо Исквьердо. Эшошъ человекъ, впоследствии споль значительный въ дѣлахъ Испаніи, пріѣхалъ въ Парижъ въ 1780 году, учинься Естественной Испоріи. Онъ былъ человекъ совершенно неизвѣстный, ничтожный, и мало уважаемый пѣми, кшо зналъ его. Но онъ былъ одаренъ умомъ, или лучше сказашь смѣшливостію и хитростію. Довольно обыкновенный случай засшавилъ его возвратишья въ Испанію. Онъ пришелъ въ довѣренность у одного просшаго чиновника, Графа Кампоманеса, и вошъ первое начало его

форшуну. Посланный въ одну изъ самыхъ малонаселенныхъ деревень Испаніи, кажешся въ Андалузіи, онъ не нашелъ шамъ сносной *посады*. Какъ чиновникъ Правительствъ, онъ помѣстился у одного изъ богачѣйшихъ жишелей округа, что значить совсѣмъ немного, пошому что хозяинъ его не могъ приспавить къ нему для услугъ никого, и предложилъ для исполненія должности *сгiада* свою дочь. Исквiердо согласился. Слѣдствиемъ шакого образа гощепримства было рожденіе Графини ^{***}, бывшей нѣкогда при Герцогинѣ Беррійской. Не знаю какъ Исквiердо успроилъ эпошь романъ, но шакова исторія его. Вскорѣ Исквiердо сдѣдался довѣреннымъ челоукомъ Князя Мира.

Довольно странно ослѣпленіе Князя Мира, для шого кто видѣлъ и наблюдалъ поступки Исквiердо во Франціи. Я сказала эпо прежде и повшоряю шеперь. Если Донъ Евгенію хранилъ молчаніе предъ Королевскою Испанскою фамиліею, то онъ былъ или дуракъ или безчешный челоукъ: надобно выбрать одинъ изъ энихъ двухъ эпипешовъ. Онъ не могъ не слышать шого, что говорили у насъ въ эпошн отношеніи. Скажу больше: онъ часто ѣзжалъ ко мнѣ, разговаривалъ о многомъ съ Жюно, спрашивалъ шаже о многомъ меня, и никогда разговоры его не были безплодны. Онъ приваживалъ ко мнѣ свою дочь, Евгенію, играшъ

съ моими дочерями, хотя она была гораздо старше ихъ. Но это также своего рода дипломатія, и Донъ Евгеніо Исквьердо, со своею ошврашишельной, свирѣпой физіогноміей, привозящій ко мнѣ свою дочь, *дитя любви*, прикидывающійся самымъ добрымъ человѣкомъ, увѣреннымъ въ *моей добротѣ* и снисходительности, чнѣ всегда лестно женскому самолюбію, вопнѣ одно изъ самыхъ безобразныхъ воспоминаній, какое я могу вызвать, особенно соображая, чнѣ эшонѣ человѣкъ могъ сдѣлать такъ много добра, и сдѣлать такъ много зла!.. Его измѣна или глупость были пагубны не только для Испаніи, но и для Франціи... четыреста тысячъ Французскихъ пиратовъ, кошорыхъ коспи зарыны въ поляхъ Испаніи, отъ Барселлоны до Кадиксаи отъ Байонны до Картагены, возсѣпають обвинителями его. Вскорѣ буду я говорить объ эскѣй скорбной исторіи Испаніи, и Донъ Евгеніо по достоинству явится шамѣ въ первыхъ рядахъ.

Я упоминала кажешся, чнѣ послѣ моего отъѣзда изъ Лиссабона, я не пересѣавала переписывашься съ Г-мъ Араухо. Онѣ часто писывалъ ко мнѣ, и всегда письма прелестныя, исполненныя того пріятнаго ума, кошорый для писемъ тогда мы справедливо присвоивали исключительно себѣ. Въ его письмахъ видѣла я только извѣщенія о Лиссабонскомъ обществѣ; но они

были очень любопытны для меня, пошому что говорили о моихъ друзьяхъ. Однажды, черезъ курьера, прѣбывшаго изъ Португаліи, я получила отъ него вдругъ нѣсколько писемъ. Въ нихъ описывалась самая ужасная, прагическая исторія, какую шолько можно вообразить, гдѣ героемъ и вмѣстѣ жертвою былъ девятилѣтній ребенокъ.

Въ Парижскомъ обществѣ конечно всѣ знали въ 1809 году Маркиза Алорну, бывшаго Главнo-командующимъ Португальскихъ войскъ, посланныхъ во Францію, какъ вспомогапельный опрядъ или какъ залогъ. Въ описываемое мной время онъ находился почти въ немилосни у Лиссабонскаго Двора, и жилъ уединенно въ Виллависіозѣ, въ Эшрамадурекoй обласпи, съ Маркизою Алорна и своимъ сыномъ Дономъ Мигуэлемъ, Графомъ Ассюмаромъ, получившимъ эшошъ шишулъ послѣ преждевременной смерти старшаго брата, случившейся за нѣсколько мѣсяцевъ.

Маркизь Алорна былъ человекъ удивительнo спранный. Съ опличнымъ умомъ, онъ соединялъ суевѣріе, замѣчательное даже въ Португаліи, гдѣ конечно оно власивуешъ порядочно. Онъ былъ извѣспенъ какъ человекъ самый легко-вѣрный на всемъ Полуостровѣ, особенно послѣ шого, когда одинъ ничшожный монахъ предсказалъ ему, что опецъ его умретъ въ такой-то

мѣсяць, въ шакое-шо время, и случайно предсказаніе эшо исполнилось. Монаха сдѣлали Епископомъ, и Маркизь осыпаль его подарками, благошвореніями, считаль за свяшаго. Эшошъ человекъ, вѣрояшно плуншъ, продолжалъ свой планъ, и имѣлъ надъ Маркизомъ и Маркизою Алорна совершенную власнь.

Я жила въ Лиссабонѣ, и пріѣхавши къ Маркизѣ, изумилась красосѣ двухъ ея сыновей, молодого Графа Ассюмара и Дона Мигуэля. Оба они были дѣши: снаршій лѣшъ двѣнадцати. Къ нему привязалась злая горячка, и черезъ нѣсколько дней бѣдный ребенокъ умеръ ошъ нея.

Маркизь обожаль своего сына. Эша потеря поразила его сердце. Не смотря на шо, что другой сынъ могъ служишъ ему ушѣшеніемъ, онъ долго не могъ слышать объ имени наслѣдника своего дома, эшого дшяши, кошорый въ шакомъ нѣжномъ возрастѣ показываль самыя счастливыя расположенія. Маркизь былъ благочеспивъ. Онъ искаль ушѣшенія въ религіи, но вмѣшо того чтообы излить цѣлишельный бальзамъ на его рану, ее шолько увеличили и сдѣлали гораздо болѣзненнѣе. Маркизь, преслѣдуемый ужасающими образами, слѣдспвіемъ тѣхъ безразсудныхъ спрогосшей, какимъ подвергали его, воображалъ наконецъ, что онъ часшо разговариваль съ мершвыми и еще больше со свяшыми. Впрочемъ, эши видѣнія ни сколь-

ко не помрачали его ума: я знала его въ Лиссабонѣ, въ то время какъ онъ былъ окруженъ своими ужасами (это сказывалъ мнѣ Г. Араухо), и не замѣчала въ немъ ничего особеннаго.

Я уже упомянула, что Дворъ Лиссабонскій оказывалъ ему въ это время неблаговоленіе, и онъ съ своимъ семействомъ жилъ въ Виллавиціозѣ. Тамъ проводилъ онъ дни въ молитвѣ, въ изъясненіи предвѣщаній, или игралъ въ шахматы.

Однажды, около вечера, Маркиза сидѣла подлѣ постели Мигуэля, кошорый оснавался у нихъ одинъ. Онъ немного проспудился, и она, какъ заботливая мать, принудила его успокоиться, не смотря на то, что ребенокъ хотѣлъ играть.

— Пей лучше свое питье, Мигуэль, а не бѣгай — сказала ему Маркиза. Она позвала одну изъ своихъ женщинъ. . . . но никто не приходилъ. Зовешь еще. . . . нѣтъ отвѣта. Между тѣмъ, какъ всѣ знатныя дамы въ Португаліи, она имѣла вокругъ себя пятнадцать или двадцать служницъ. Въ неперпѣтніи, она встала и вышла изъ своей комнаты. Всѣ галереи, всѣ залы пусты: пажи, лакеи, дуэинны, камариспы, всѣ были во дворѣ, кругомъ человѣка, замѣчательнаго наружношью, въ мундирѣ легіона Алоرنны. Онъ ворожилъ имъ о будущемъ, или, по

выраженію Португальцевъ, говорилъ предсказанія. Маркиза была суевѣрна, по крайней мѣрѣ не меньше своего мужа. Видя, что эшопъ человекъ предсказываетъ въ толпѣ ея слугъ, она почла его чѣмъ-то необыкновеннымъ, способнымъ повелѣвать стихіями, чинать въ будущемъ. . . . Она велѣла извѣстить Маркиза. Узнавши, что въ домъ его пришелъ человекъ, удивительный по описанію, Маркизь, по какой-то спранныи, похожей почти на сумасшествіе, началъ благодарить Бога, и сѣлалъ приказанъ, чтобы къ нему привели эшого человека.

Приказаніе велѣли исполнить немедленно, и когда предвѣщатель услышалъ о немъ, онъ пошчасъ понялъ, чего могъ онъ надѣяться, и на что осмѣлился, пошому что онъ зналъ домашнюю жизнь эшого семейства и направленіе ума Маркиза и Маркизы. Введенный въ особенный кабинетъ Маркиза, онъ пошарался придать своему лицу, своимъ словамъ, и всей своей особѣ такой видъ, что эшо могло внушить довѣріе. Что будетъ онъ говорить? Онъ еще не зналъ и самъ. Онъ зналъ очень хорошо только то, что все семейство было чрезвычайно суевѣрно. Слышавши напередъ много спранныго о Маркизѣ, онъ пошчасъ сославилъ свой планъ. Онъ уже пригатовилъ себѣ жертву, обреченную ему съ шой минушы, когда Маркизь вы-

слушалъ эшого человѣка, посланнаго къ нему самимъ адомъ. . . . Маркизь долго говорилъ съ нимъ. . . . Послѣ эшого разговора, онъ привелъ его къ Маркизѣ.

— Вы можете спрашивать—сказалъ онъ ей— онъ будетъ отвѣчать вамъ.

Маркиза обратилась къ нему съ вопросами, на которые онъ въ самомъ дѣлѣ отвѣчалъ шакъ, что испребилъ все сомнѣнія, если они оспавались еще у шѣхъ, которые слушали его. Но вскорѣ онъ не хотѣлъ больше говорить.

« Я пришелъ въ Виллависіозу выполнятъ не шѣ высокія обязанности, для которыхъ живу на землѣ, » сказалъ онъ съ выраженіемъ какой-то спранной скромности. « Мнѣ велѣли дышать роднымъ воздухомъ. Я Каспилаецъ. Проходя подлѣ вашего дома, полковникъ, я не могъ вопрошивишься желанію увидѣть и услышать васъ, пошому что, видите-ли, мы соединены неразрывною цѣпью.

Маркизь и жена его не только не удивились эшимъ спраннымъ и фигурнымъ выраженіямъ, но повѣрили ему еще больше.

— Пойдемше со мной! — сказала ему Г-жа Алорна. Она взяла его за руку и увлекла въ ближнюю комнапу, гдѣ лежалъ ея сынъ.

— Видите-ли эшого ребенка? — сказала Маркиза. — Надобно размошрѣть его и сказать мнѣ будущій его жребій.

Испанецъ какъ будто успрашился, покачалъ головой.... долго смотрѣлъ на ребенка не говоря ни слова.... потомъ объявилъ, что онъ не хочетъ сказать ничего.

— Но почему-же не хотите вы говорить о его будущности?—сказала бѣдная мать въспревожившись...—Вы уже такъ много сказали теперь, что молчанье не лъзя. Изъ жалости, скажите мнѣ, что предвидите вы для моего сына?

« Принуждаешь меня бесполезно... я не скажу ничего. О, для чего зашелъ я въ этошь домъ !

Маркизь испугался, шакъ-же какъ и его жена.

— Вы должны говорить — сказалъ онъ Испанцу. — Что значить ваше упрямство? Какой жребій ожидаетъ этого ребенка.

Мигуэль пробудился, услышавши что вокругъ его постели говорятъ. Онъ сѣлъ на своемъ ложѣ, и успавилъ свои прекрасные голубо-фіолетовые глаза на Испанца, какъ будто самъ прося несчастнаго объявить свою будущность. Русыя, шелковистыя кудри его упали по обѣимъ сторонамъ лица и служили рамою бѣлымъ, розовымъ щекамъ его. Онъ совершенно походилъ тогда на прекрасный порфиретъ свой, который Пеллегрини снялъ съ него и бѣднаго брата его, Графа Ассюмара.

« Нѣтъ, » сказалъ наконецъ Испанецъ, можетъ быть самъ побѣжденный ангельскимъ ви-

домъ прелестнаго ребенка. « Я не хочу говорить о судьбѣ этого ребенка.... она слишкомъ ужасна.

— А! — вскричала Маркиза. — Теперь вы должны говорить все.... вы уже сказали такъ много, что не лзя не окончить этого.

« Вы хотите? » сказалъ Испанецъ. « Хорошо. Знайте-же будущее вашего ребенка.... Оно.... оно будетъ очень кратко!... Да, счастье его связано съ тѣмъ, чтобы онъ прожилъ девять лѣтъ, по есиъ день, когда исполнятся эти годы... Но этотъ день будетъ пагубенъ ему... и всѣ ваши усилія, вся заботливость, можешь быть, не отвращающъ минувши бѣдствій, которыя уже пригосовляются. Ошныиъ я молюсь Богу за васъ!.... и за него! ...

Послѣ этого предвѣщанія, сказаннаго поржесшвеннымъ пономъ, незнакомецъ удалился. Отецъ и мать, пораженные спрашными словами его, подошли къ ребенку, который самъ испугался, и, залившись слезами, бросился въ объятія своей матери.

Мигуэлю было тогда восемь лѣтъ и четыре мѣсяца. Слѣдовательно ему оставалось еще семь мѣсяцевъ до пагубнаго срока. Съ слѣдующаго дни была учреждена особая система, для того, чтобы ребенокъ непрерывно находился въ безопасности отъ какого нибудь нечаяннаго событія. Вѣрный камердинеръ и одинъ Бра-

зильскій Негръ были присоединены къ наставнику молодого Графа, съ приказаніемъ, никогда не шеряшь его изъ виду, даже во время сна.... Такъ прошекли восемь мѣсяцевъ, назначенныхъ Испанцемъ. Ни что, по видимому, не смущало семейства. Все оно жило въ Виллавиціозѣ.... Маркизь, счастливый шѣмъ, что наконецъ насталъ день, когда нечего было спрашиться за его сына, въ совершенномъ разувѣреніи послалъ больше двухъ сотъ приглашеній, ко всѣмъ благороднымъ жишелямъ обласши, и хотѣлъ на другой день дашъ большой и прекрасный праздникъ, для шоржесства рожденія своего Мигуэля.

На другой день погода была удивительная. Маркизь вспалъ рано, сошелъ въ общую госпипую, и велѣлъ позвашъ Г-на Калье де Женъ, бывшего кавалерійскаго офицера въ службѣ Франціи, убѣжавшаго въ Поршугалию во время первой эмиграціи Французскаго дворянства. Дружеское для него семейство Алорна приняло его. Онъ былъ тогда шакоевъ-же какъ и шеперь: человекъ истинно порядочный, любезный, привязанный къ своимъ друзьямъ. Подошедши къ Маркизу, онъ увидѣлъ его въ безпокойствѣ и шревогѣ.

«Какъ?» сказалъ онъ. «Можете-ли вы еще думашъ о бредняхъ эшого человека, котораго я велѣлъ-бы спрого наказашъ, а не подарилъ-бы

ему кошелька съ золопомъ, бывши на вашемъ мѣстѣ!

— Не могу побѣдить себя! — сказалъ Маркизь. — Во мнѣ еснѣ какое-то непріятное ощущеніе, котораго не въ силахъ прогнать мой разумъ. Я охотѣлъ-быдесять лѣтъ своей жизни, чѣобы эиошъ день уже прошелъ.

« Полноше, любезный другъ! день пройдетъ очень весело, и вечеромъ вы сами будете спидишься нелѣпости вашихъ спраховъ. Но, поспойше, вопъ чшо разсѣпъ ихъ совершенно.

Эио былъ Мигуэль. Онъ шелъ поздравить своего опца, поцѣловать его руку и попросить благословенія. Отецъ глядѣлъ на него нѣсколько секундъ, потомъ взялъ на руки и поцѣловалъ его съ нѣжнымъ чувствомъ. Въ эио самое утро Мигуэль въ первый разъ надѣлъ мундиръ легіона Аморны, котораго отецъ его былъ Полковникомъ. Мундиръ эиошъ, точно такой-же какъ Англійскій, былъ очень красивъ: свѣтло-голубой съ золопомъ, съ черными бархатными опворошами... каска такая-же какъ у легко-копныхъ Англійскихъ войскъ. Ребенокъ въ первый разъ надѣлъ свой мундиръ, и молодое сердце его прыгало отъ радости.

« А гдѣ-же маменька? » спросилъ онъ поцѣловавши своего опца, и въ нешерпѣни показаться ей.

— Она еще спитъ — сказалъ ему Маркизь. — Поди, прогуляйся въ паркѣ, а между тѣмъ она проснешся. Я что-то чувствую себя лѣнивымъ, и сыграю партію въ шахматы съ Калье.

Ребенокъ побѣждалъ съ восхищеніемъ; за нимъ ношли камердинеръ и Негръ, никогда не осмѣлявшіе его.

«Какое милое дитя!» сказалъ Калье глядя на уходившаго Мигуэля, котораго свѣжее личико блистало опроческою красотою при утреннемъ солнцѣ. «Какое милое созданіе!... И какъ вы счастливы, что у васъ есть такой сынъ.

Маркизь пожалъ руку своего друга, не отвѣчая ничего.... Онъ былъ въ такомъ волненіи, что не могъ говорить.... Въ глазахъ его блистали слезы.... душа страдала.

— Ну, начнемъ нашу партію — сказалъ онъ наконецъ. — Я думаю, теперь вамъ будетъ легко побѣдить меня.... Разскажемъ шахматы.

Друзья сѣли къ шахмашному столу и начали партію. Но послѣ нѣсколькихъ ходовъ, Маркизь османовился и провелъ рукою по лбу.

— Мнѣ ужасно дурно — сказалъ онъ (*). — Не

(*) Все, что относится къ чудесному этой исторіи, ни сколько не выдуманно. Все ужасное съ сыномъ Маркиза Алорны случилось точно такъ, какъ я рассказываю.

знаю, что со мною дѣлается, но я почти го-
шовъ упасть въ обморокъ.

Онъ оподвинулъ онъ себя шахматную доску.

— Если-бъ мы пошли къ Мигуэлю — сказали
онъ Полковнику Калье. — Мнѣ кажется, онъ
что-то долго не возвращается.

«Что за мысль!... Едва-ли полчаса есть какъ
онъ ушелъ. Впрочемъ, погода прекрасная; бе-
рете шляпу и пойдѣмъ къ нему на встрѣчу.

Только переспалъ онъ говоривъ, какъ глу-
бокій, раздирающій стонъ послышался въ глу-
бинѣ рощи. Маркизь поблѣднѣлъ и хотѣлъ сбѣ-
жати съ крыльца, къ шой померанцевой рощицѣ,
гдѣ былъ его сынъ, какъ полагалъ онъ; но его
ноги подкосились и онъ принужденъ былъ ос-
таться въ госпиной. Между шѣмъ, изъ чащи
земляничныхъ деревьевъ, освѣщенныхъ въ эту
самую минушу золотыми лучами упреннаго
солнца, выходила тихими шагами шолпа людей,
въ какомъ-то порядкѣ, какъ будто что нибудь
несли въ срединѣ ея. Г. Калье кинулся на-
встрѣчу къ испуганнымъ слугамъ, которые при-
ближались къ нему.

«Что такое сдѣлалось?» вскричалъ онъ.

— Самое ужасное несчастіе, М. Г.—оповѣчалъ
первый камердинеръ Маркиза...—Посмотрите...

Онъ взялъ Г-на Калье за руку и увелъ за
перелѣсокъ земляничныхъ деревьевъ... шамъ ле-
жалъ шрущъ Мигуэля... этого ребенка, за пол-

часа еще споль полного жизни, споль прекраснаго, а шеперь бездушнаго, обезображеннаго!... Богашый мундиръ его былъ напишанъ водой и покрышь шиной!...

Несчастный ребенокъ былъ ушоплень!

Въ концѣ сада была лужа, пошому что не лъзя было назвашь ея прудомъ. Тамъ водились рыбы и лебеди, за кошорыми бѣдный Мигуэль любилъ ухаживашь. Онъ пошелъ шуда, и хощѣлъ чшобы ему принесли хлѣба, покормишь ихъ. Камердинеръ побѣжалъ для эшого въ замокъ. Мигуэль, оставишись со своимъ вѣрнымъ Бразильцемъ, забавлялся пугая рыбъ длиннымъ прушомъ земляничнаго дерева, еще покрышаго своими лиспьями и прелесшными красными плодами. Маркиза шакъ забошилась о сынь, что бо- лясь даже вида опасносши, велѣла окружишь эшу лужу рѣшенкою, въ два съ половиной фуша вышины, чшобы ребенокъ могъ забавляшь и не беспокоишь ея спрахомъ; слѣдовашельно Негръ даже не выступишь изъ предѣловъ благо- разумія, когда послушался нешерпѣливаго ребенка, кошорый не хощѣлъ дожидашься ка- мердинера и послалъ его за шѣмъ, чего шребо- валь. Негръ оплучился едва-ли на пянь минушь. Возвращившись, онъ нашель Мигуэля въ пруду, но въ шакомъ спранномъ положеніи, чшо долго и не безъ основанія почишали невозможнымъ, чшобы ребенокъ самъ упалъ въ эшу лужу.

Ноги его были видны изъ воды, а голова шакъ углублена въ пину, которая соспаляла дно пруда, чпо съ прудомъ могли вынащипъ его изъ нея.

Г. Калье оцѣпенѣлъ увидѣвши прупъ этого ребенка, нѣжно любимаго имъ и почти родившагося при немъ, послѣднюю надежду опца и машери, кошорыхъ вновь поражаль шакой ударъ. Онъ велѣлъ слугамъ оспановишься и не несли пѣла дальше. Онъ самъ былъ безъ ума опъ этого несчастія, ужаснаго и неожиданнаго, не смотря на предвѣщанія Испанца, и оставался безъ словъ, безъ движенія подлѣ шрупа : онъ не имѣлъ силы опойдши опъ него. Вдругъ онъ услышалъ измѣнившійся голосъ Маркиза, кошорый звалъ его.... Г. Калье вышелъ изъ роцицы и вспрѣшилъ несчастнаго опца почти при входѣ въ нее.. Черпы Г-на Алорны исказились... а между пѣмъ онъ еще шолько подозрѣвалъ, шемно подозрѣвалъ несчастіе.

—Гдѣ мой сынъ?—спросиль онъ у Г-на Калье, глядя вокругъ себя съ видомъ, предвѣщавшимъ сумасшествіе.—Гдѣ мой сынъ?... Я хочу видѣшь моего сына!... Мигуэль!... Мигуэль!... Мигуэль!...

«Мигуэль нездоровъ; онъ почувспивоваль чпошно, и возврапился въ свои комнашы. Пойдемше къ нему, любезный другъ.

Маркизь закричалъ ужасно, и, не смотря на усилія Г-на Калье, кинулся въ рошу землянич-

ныхъ деревьевъ: шамъ увидѣлъ онъ свое диня,
на песокъ, блѣдное, и уже охолодѣвшее.... Онъ
упалъ на него, и думалъ, какъ говорилъ мнѣ
послѣ самъ, что все кончилось для него въ
этомъ мѣрѣ.

Часпо видимъ, что ищущъ сильныхъ и про-
гашельныхъ положеній, великихъ несчастій и
живыхъ чувствованій.... Боже мой! Затѣмъ не
описываютъ чего нибудь подобнаго?... Какъ из-
образилъ тотъ прискорбный крикъ, который
вылепался изъ груди машери, пробуждающейся
въ минушу послѣдняго дыханія единственнаго
ея диняши!... Горестъ родителей была ужасна.
Маркиза едва не сошла въ могилу. Маркизь съ
этого времени погибъ для своихъ друзей и
для своего опечесства. Онъ оспавался по преж-
нему добръ и оспроумень, но добраша его
сдѣлалась почти оприцапельною, и не была уже
дѣяпельнымъ, живымъ чувствомъ. Я знала его
прежде этого событія. Увидѣвши послѣ, я
нашла совершенную перемѣну въ одномъ и томъ-
же человекѣ. О немъ-то можно было сказать
справедливо :

*Одинъ общественный человекъ живъ еще: чело-
вѣкъ частный умеръ.*

Я получила въ это время письмо отъ Г-на
Араухо, которому писала, чтобы онъ объяс-
нилъ мнѣ истинную причину этого несчастія.

Онъ отвѣчалъ мнѣ длиннымъ письмомъ, гдѣ нашла я отвѣтъ и на мой вопросъ.

«Что могу я сказать вамъ объ этомъ ужасномъ происшествіи? Оно сбывается во всѣхъ « соображеніяхъ. Только одно средство объяснить его: Виконтъ Анадія (который впрочемъ у ногъ вашихъ), Графъ Новіонъ вашъ « другъ, и вашъ покорный слуга, мы свое дерзали совѣтъ, хотя, правду сказать, не дѣло « Министра Иностранныхъ Дѣлъ и Морскаго « Министра мѣшались во внутреннія дѣла пвердой земли; но когда спорожевыя собаки не « лаяютъ, то надобно хоть намъ, мѣлкимъ собаченкамъ, полаять на мошенниковъ. Но я « скажу вамъ безъ всякихъ шутокъ, потому « что не лзя шутить при такомъ ужасномъ « событіи, скажу, что мнѣніе Г-на Новіона, « мнѣніе Виконта и особенно мое, вошь въ « чемъ: несчастный Мигуэль былъ *убитъ*. Вижу, « что вы содрогнулись и подумали, не сошелъ-ли съ ума Белемскій пустынный. Позволяю « вамъ содрогаться, потому что это въ самомъ « дѣлѣ спрашно, но не считайте меня сумасшедшимъ. Вспомните объ извѣстномъ всѣмъ евѣрїи Маркиза Алоны и его супруги. Вы « знаете все, что сдѣлалъ онъ для человѣка, « который только предвѣщалъ смерть спараго « Маркиза. Неужели-жъ вы думаете, что въ « этомъ мало привлекательнаго для злодѣя, ко-

« торый нашель шупъ пригодное для своихъ
« преснупныхъ замысловъ, и вздумаль добишься
« *новаго* поклоненія, исполнивши *новое* пред-
« вѣщаніе? Человѣкъ, приходившій въ Виллави-
« сіозу, и шакже въ Лиссабонъ къ Маркизу,
« когда начиналь свои фиглярскія сцены, ешь
« не чшо иное какъ мерзавецъ. Онъ скрылся, и
« его не могутъ отыскать, чшо служилъ для
« меня новымъ доказательствомъ. Несчастный
« угадываль конецъ эшого прагического при-
« ключенія, когда полиція занялась имъ дѣшель-
« но, пошому чшо, за недоснашкомъ Перваго
« Министра, Графъ Новіонъ поснупилъ въ эпомъ
« случаѣ превосходно; но видя шщашельность
« изысканій для ошкрытія виновнаго, *только*
« преснупникъ могъ бояшься, и бѣгства его не
« лзя почишашъ случайностью. Если-бъ вы зна-
« ли мѣсно происшешвія, вы не могли-бы по-
« няшь, какъ Мигуэль упаль въ эшомъ прудъ,
« или лучше сказашъ лужу, которая окружена
« довольно высокою рѣшешкою, шакъ чшо она
« досшавала бѣдному ребенку до подбородка.
« Если онъ упаль впередъ, шянувшисъ къ чему
« нибудъ, шо конечно упаль на рѣшешку и она
« могла погнушься ошъ шяжесни его шѣла. До-
« пускаю эшо, но не могу поняшь, какъ могъ
« упасъ онъ въ прудъ и еще головой внизъ....
« Нѣшъ! нѣшъ! бѣдный Мигуэль звитьъ!.... убишь
« шѣмъ преснупникомъ, который шакъ надупо

« предсказывалъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ
 « мнѣмъ , что молодой Мигуэль не переживетъ
 « дня рожденія своего въ девятый годъ.... Эша
 « мысль потрясаетъ сердце. Ахъ, Г-жа Послан-
 « ница! что должны вы сказать, въ вашей слав-
 « ной Франціи, о той странѣ, гдѣ безвѣстный
 « злодѣй умерщвляетъ ребенка, для того что-
 « бы польстить слабости отца, и еще изъ че-
 « столубія!.. Вы должны забыть, что къ вамъ
 « пишеть Португалецъ, и вѣрите, что это
 « извѣстіе прислано къ вамъ изъ Калифорніи.

« Мы съ Г-мъ Новіономъ разсуждали объ
 « этомъ ужасномъ приключеніи со всѣмъ хлад-
 «нокровіемъ, необходимымъ для подобныхъ во-
 «просовъ, и мнѣніе наше одинаково. Храню его
 « для себя, по извѣстнымъ причинамъ.... Боже
 « мой! я однако желалъ-бы, чтобы вы думали
 « обо мнѣ лучше, нежели обо всѣхъ окружаю-
 « щихъ меня, потому что непріятно и невы-
 « годно бытъ *простакомъ* въ глазахъ хорошень-
 « кой и молодой Посланицы, пріятной во всѣхъ
 « отношеніяхъ, и сверхъ того насмѣшливой,
 « которая тотчасъ причислитъ меня къ фана-
 « тикамъ и суевѣрамъ, если только я не оспе-
 « регусь. Знаете-же, Г-жа Посланица (потому
 « что не смотря на вашъ прекрасный шипуль
 « Парижской Губернашорши, я не вдругъ отка-
 « зываюсь отъ своихъ правъ), знаете, что мы
 « изслѣдовали дѣло, но шайно. Если надобно,

«но я скажу вамъ также , что публичнаго
«слѣдствія не велѣли дѣлать, и убійца ребенка
«едва не попалъ во святые.

« Кажется , что эпомъ мерзавецъ рѣшился
«исполнишь свое адское намѣреніе въ самый
«день рожденія Мигуэля , и сидѣлъ въ засадѣ ,
«что очень легко въ саду , обнесенномъ лег-
«кимъ пыномъ. Какъ скоро онъ увидѣлъ свою
«жержву одну , онъ бросился на нее и выпол-
«нилъ свое собственное предвѣщаніе... Повшо-
«ряю, Г-жа Посланица, невозможно вообразить,
«чтобы ребенокъ упалъ самъ. Голова его бы-
«ла углублена въ шипу... онъ былъ задушенъ...
«Этѣ ужасно!... »

Вотъ что писалъ мнѣ Г-нъ Араухо , своимъ
прекраснымъ , чешкимъ почеркомъ , во время
самаго событія. Ко мнѣ писалъ также Графъ
Новіонъ , тогда наспоющій Министръ Полиціи
въ Лиссабонѣ , и конечно гораздо больше Ми-
нистръ нежели какой-то *Маникъ*, если не оши-
баюсь , кошорый считался Министромъ Поли-
ціи. Письмо Графа Новіона было еще яснѣе , и
пріѣхавши во Францію онъ рѣшительно сказалъ
мнѣ , что убійца молодого Мигуэля Аморны
былъ Испанецъ , солдатъ легіона отца его.

Ужасное слѣдствіе суевѣрія!

Говоря объ эпомъ бичѣ Пиренейскаго Полу-
острова , надобно поднять еще одинъ уголокъ

покрывала, брошеннаго на Испанію въ годы передъ нашимъ завоеваніемъ, и поговорить о причинахъ, которыя поддерживали невѣжесиво на степеніи прищупленія ума въ народѣ, и суевѣрнаго фанатизма въ высшихъ классахъ.

Во время разныхъ моихъ поѣздокъ въ Испанію, я знала многихъ просвѣщенныхъ людей, которые оплакивали бѣдствія своего прекраснаго государства и старались уклониться отъ нихъ съ пылкою ревностью, соразмѣрною живости ихъ, удивительной въ этомъ народѣ, способномъ ко всему прекрасному. Но намѣреніе ничтожно, когда оно встрѣчаетъ сопротивленіе, больше сильное нежели всѣ попытки благонамѣренности. Нѣкоторые друзья просили у меня книгъ, потому что книги одинъ изъ главныхъ предметовъ, на который обращаютъ глаза свои Испанцы: одни для того чтобы пріобрѣсти ихъ, другіе для того чтобы запретить. Вѣрно исполняя свои обѣщанія, я заказала ящикъ для книгъ, не только Французскихъ, но и напечатанныхъ въ Парижѣ Испанскихъ, которыя, Боже, проси меня! не были даже извѣсны въ Испаніи, то есть не были извѣсны какъ у насъ, потому что одна изъ нихъ *Донъ-Кихотъ*, а другая избранная пьеса Лопеза де Веги и Кальдерона. Я помѣстила туда же мой переводъ *Чорта повѣдника*, пьесы истинно замѣчательной. Ея

не пропустили, и это удивило меня, потому что я видѣла ее на Мадридскомъ театръ, видѣла самого чорна на сценѣ. Звоняшъ въ колокольчикъ; всѣ актеры спановяшся на колѣни, и брантъ *принужденный* (потому что подъ этимъ именемъ жилъ онъ во Францисканскомъ монастырѣ), брантъ *принужденный*, хотя и пахнетъ немного строй, но спановишся на ряду съ другими. Это одна изъ самыхъ полныхъ нелѣпостей, какія только можно видѣшь.

Но чтобы дать понятіе о книгахъ, запрещенныхъ въ это время, я прилагаю реестръ и съ причинами запрещенія. Этошъ реестръ дошлся мнѣ совершенно случайно. Испанцы, которые прочитають его теперь, вспомяшъ, что въ 1805, 1806 и даже въ 1808 годахъ, сочиненія, означенныя мной ниже, были не просно запрещены. Прибавляю къ нимъ и замѣтки Инквизиціи.

Книги, запрещенныя даже для тѣхъ, у кого
есть позволеніе.

1-е. *О превосходствѣ и преимуществѣ женщины*. Сочиненіе Агриппы; переводъ съ Лашинскаго, съ комменшаріями Рёшига (богохульная, повреждающая нравы и благочеспіе).

2-е. *Философическое разсужденіе объ основныяхъ нагалахъ религіи*. Переводъ съ Нѣмецкаго; сочиненіе Герузалема (это сочиненіе прельспи-

тельное, ведущее къ *толерантизму*, и оскорбительное для религіи).

3-е. *Избранныя сочиненія Петра и Томаса Корнелей. Новое изданіе.*

Любопытно, что для нихъ не показано даже никакой причины.

4-е. *Апология Христіанской религіи, противъ порицанія и клеветъ враговъ ея.*

5-е. *Курсъ Космографіи, Хронологіи и Исторіи Древней и Новой*; сочиненіе гражданина Меншеля — (Наполнено предложеніями неблагочестивыми, богохульными, сокрушительными для вѣры въ истиннаго Бога и во всякую іерархію).

6-е. *Объясненіе, требованное отъ Архіепископа Эскаго.* Сочиненіе Французскаго Капюлическаго священника (возмущительное и разрушающее высшую власть).

7-е. *Истинный другъ людей.* Посмертное сочиненіе Томаса (содержитъ въ себѣ ученія революціонныя и анти-монархическія).

8-е. *Исповѣдь.* Испанская рукопись, начинающаяся словами: *Un anno radge, u nos mas* (богохульное и обращающее въ смѣхъ Инквизицію).

9-е. *Размышленія о покорности гражданина тому Правительству, подъ властію котораго онъ живетъ.* Испанская рукопись (революціонная и неблагочестивая).

Сочиненія, запрещенныя для всѣхъ.

40-е. *Полныя сочиненія Аббата Мабли* (исполнены учений возмущительныхъ и прямо ведущихъ къ расколу и возстанію противъ законныхъ властей).

41-е. *Опытъ о теловѣгескомъ разумнѣи*; сочиненіе Локка (опасное это сочиненіе исчерпываетъ всѣ истинныя свѣдѣнія о добрѣ и злѣ).

42-е. *Разныя сочиненія Попа* (неблагоприснойныя, преувеличенныя, оскорбительныя для Папы).

43-е. *Рѣчь гражданина Порталмса*, произнесенная въ собраніи Законодательнаго Корпуса, 15-го Жерминаля X-го года (ведетъ къ шериимости).

44-е. *Декада философическая, литературная и политическая* (содержитъ въ себѣ предложенія явно ложныя, неблагочестивыя, богохульныя и оскорбительныя для всѣхъ монарховъ Европы, не уважающія даже и Испанскихъ).

45-е. *Сближеніе Теологіи съ Философією*. Переводъ съ Итальянскаго на Испанскій (это сочиненіе было перехвачено въ письмѣ, которое писалъ одинъ священникъ къ своему собрату).

46-е. *Русская книга Христіанина*, содержащая въ себѣ *Книгу псалмовъ, Новый Заветъ и Подражаніе Иисусу Христу*.

17- *Основанія Англіійской Исторіи*. Сочиненіе Аббаши Милоша (оскорбительное для Римско-Католической Церкви и наполненное предложеніями дерзкими, неблагочестивыми, *ведущими къ терпимости*).

Клянусь, что я не выдумываю ни одного слова: это можно легко повѣрить.

18-е. *Сочиненія Петра Николая*. Напечатанныя въ Мадридѣ, въ 1800 году.

19-е. *Новый Катонъ Христіанскій*, для ученія чистаго въ короткое время. Сочиненіе Дона Малиса, священника (на Испанскомъ).

20-е. *Смѣшная проповѣдь*, для препровожденія времени и для забавы (на Испанскомъ).

21-е. *Чортъ-проповѣдникъ*, Испанская комедія (противная здоровой нравственности, е *induciva a vana confanza*).

22-е. *Принцесса Пальмирская*, Испанскій романъ (въ немъ описывается чудо, лишенное вѣроятности, какой требуетъ здравая критика въ дѣлѣ чудесъ).

23-е. *Всеобщій Мониторъ* (исключивъ всѣ статьи *Смѣси*, потому что въ нихъ содержишься ученіе еретическое).

Оспанавливаюсь. Надѣюсь, что изъ этого можно понять нравственное состояніе Испаніи. Прибавлю только фразу, которую Инкви-

зиція оканчиваешъ свой кашалогъ запрещенныхъ книгъ.... Она поражала *большимъ отлученіемъ отъ Церкви, lata sententia*, и сверхъ того налагала двѣсши дукашовъ пени въ свою пользу на всякаго, кто будетъ *читать, продавать и покупать*, какую нибудь изъ книгъ, означенныхъ въ кашалогѣ ея, и особенно кто не объявишь о нихъ Инквизиціи.

Но кто удивлялся особенно? Я, съ эпою комедією *Чортъ-проповѣдникъ*. Я не понимала, какъ можно, что я видѣла представленіе ея на театръ Санпа-Крузъ, а между тѣмъ ее запрещають чипашъ. Одинъ Испанецъ объяснилъ мнѣ эпо, сказавши, что ее совершенно измѣнили и обезобразили для представленія на Мадридскомъ театръ. Эпо показалось мнѣ не меньше странно, и я увидѣла шутъ, какъ и вездѣ, что нѣшъ ничего совершеннаго подъ солнцемъ, и что мои милые Испанцы, любимый и уважаемый мною народъ, были еще далеки отъ истиннаго просвѣщенія.

Глава III.

Посѣщеніе Архи-Канцлера. — Новый Герцогъ. — Двѣнадцать Перовъ Карла Великаго. — Слава и честь нашей прекрасной Франціи. — Народныя награды. — Ложное сужденіе о Наполеонѣ. — Калькрейцъ и 800 пушекъ. — Мусшафа и Янычары. — Революція въ Серальѣ. — Новая Герцогиня. — Швейцарь и прерванныя слова. — Г-жа Фабръ де л'Одъ. — *Двадцать пятое ситя*. — Похищенный брилліантъ. — Г. Крамаель. — Директоріальный Король. — Жена добрая совѣтница и злая шешка. — Племянникъ училель на гитарѣ. — Осужденіе къ смерти Пиренейскаго Полуострова. — Прокламація Князя Мира. — Донъ Евгенію Исквьердо. — Королева Эшрурская. — Генераль О Фарилль. — Королева горбатая и безбокая. — Пяшилѣшній Король. — Прогулка въ карешѣ. — Маркизь Ла-Романа. — Мысль его объ Императорѣ. — Его бѣгство. — Перемешчикъ. — Самоубійца.

Однажды вечеромъ пріѣхаль ко мнѣ Архи-Канцлеръ. Онъ казался озабоченъ, и сѣвши подлѣ моихъ длинныхъ кресель, копорыхъ я уже не оспавляла, пошому чино беременность моя была очень пягоспина, сказалъ мнѣ :

— Я привезъ вамъ спранную новость. Императоръ возспановляешъ не только спаринное

дворянство, но и пипулы. И кто первый в армии украсенъ эшимъ?... Угадайте.

«Маршалъ Ланнъ?»

— Эшо было-бы совсѣмъ просто.

«Маршалъ Массена?»

Архи-Канцлеръ улыбнулся и покачалъ головой.

«Ну, такъ право я не могу угадать.... Кто же эшо?»

— Лефевръ: я сей часъ видѣлъ его жену.

«Но, послушайте, мнѣ кажется, эшо еще не такъ дурно. Я знаю, супруга Маршала не можетъ гармонировать съ достоинствомъ Герцогини или Княгини; однако она добрая женщина, и, сверхъ того, вы знаете, Императоръ почищаетъ насъ за ничто въ своихъ расчетахъ. Слѣдовательно, эшо не было затрудненіемъ при его выборѣ. А Лефевръ человекъ уважаемый въ нашемъ военномъ семействѣ. Я увѣрена, что Императоръ очень обдумалъ эшошъ выборъ.»

Архи-Канцлеръ, всегда столько умѣренный, поглядѣлъ на меня съ улыбкой, и мы поняли другъ друга, не говоря ни слова. Явно было, что Наполеонъ, рѣшившись возстановить высшее дворянство и вновь создать двѣнадцать Перовъ Карла Великаго, хотѣлъ, чтобы его двадцать четыре Великіе Офицера Имперіи

получили новый блескъ единственно оиъ своихъ заслугъ , кошорья оиъ , можно сказать , шолько утверждалъ за ними. Но должно было сдѣлать оиытъ и оспорожно поступать съ людьми , кошорымъ было спрашно одно имя Короля , и кошорые согласились принять *Императора* пошому шолько , что оиъ представлялъ имъ древнюю идею республики. Наполеонъ всегда шелъ съ безчисленными предоспорожноспями , посреди шиссячи подводныхъ скалъ , хощя по видимому его не оспанавливало никакое препяшствие. Оиъ не хощѣлъ раздражать революціонныхъ людей ; надобно было привязать ихъ къ себѣ , а эшо казалось не легко. Обольщеніе начало , природа сдѣлала оспальное. Когда приманка была положена , никшо не ошвергалъ ея , и каждый хощѣлъ идиши къ ней. Тишуль Герцога Данцигскаго былъ однимъ изъ самыхъ обольстительныхъ увлеченій. Наполеонъ зналъ эшо , и хощѣлъ облечь эшимъ пишуломъ челошѣка , неспособнаго упошребить его во зло , вслучаѣ полнаго дѣйствія. Въ эшомъ оиошеніи Маршалъ Лефевръ былъ всего лучше для Императора : его уважала армія , уважали всѣ честные люди , и оиъ могъ заслуживать всѣ награды. Было одно неудобство , правда чрезвычайно большое : окружающіе его. Жена его уже извѣстна ; меньше извѣстенъ его сынъ. Императоръ зналъ эшого молодаго челошѣка

хорошо, и, къ несчастію, оцѣнивалъ справедливо, по естъ очень низко. Воиъ жалкій человекъ! Никогда въ моихъ военныхъ путешествіяхъ не встрѣчала я сущесва, больше ошврапительнаго по привычкамъ и обращенію; и все эшо было въ согласіи съ его лицомъ, испинно ничпожнымъ, и съ наружноспью, ошъ копорой опказался-бы жишель предмѣстія, ѣдущій на мѣщанскій балъ. Въ 1840 году его прислали въ штабъ Массены. Тамъ-шо я имѣла случай увидѣть его и могла судишь о немъ. Чшобы изобразишь его немногими словами, скажу, чшо однажды онъ давалъ балъ, гдѣ дамами были все армейскія маркишаншки. Многія изъ нихъ не согласились ѣхашъ къ нему, и мужъ одной изъ эшихъ дамъ сказалъ офицеру, копорый спрашивалъ, для чего она не поѣхала:

« Охъ, ужъ онъ тамъ слишкомъ много дурится! »

Я часшо замѣчала, какъ многіе сочинители книгъ, написанныхъ за или противъ Имперашора, говорили о немъ не зная его, и шолько по извѣстіямъ, больше или меньше искаженнымъ, какія предспавляли имъ народныя слухи. Наименованіе Герцога Данцигскаго дало поводъ къ одному изъ самыхъ ложныхъ примѣненій. Въ посланіи своемъ къ Сенашу объ эшомъ, Имперашоръ, послѣ справедливой похвалы рѣд-

кимъ военнымъ дарованіямъ, какія показали Лефевръ при осадѣ Данцига, прибавилъ замѣчательную фразу :

« . . . И пусть ни одинъ изъ его попомковъ « не оканчиваетъ своего поприща не проливши « своей крови за *славу* и *гестъ* нашей прекрасной Франціи!... » При этомъ , авторъ *Хронологическаго обозрѣнія Французской Исторіи*, восклицаетъ и говоритъ :

« Какой человекъ ! . . . Искусство испіребляешь подобныхъ себѣ для *славы* и *гести*, спавивъ онъ выше гражданскихъ добродѣтелей! » Если бы сочинитель *Хронологическаго обозрѣнія* вздумалъ освѣдомиться , прежде нежели произнесъ свое мнѣніе , онъ узналъ-бы истинную причину выражений , упошребленныхъ Императоромъ въ своемъ посланіи. Онъ узналъ-бы , что храбрый Маршалъ Лефевръ , въ опчаяніи онъ пошупковъ своего сына , говорилъ объ этомъ Императору , а Наполеонъ , надобно опдать ему справедливоспъ , былъ второй опецъ , второй начальникъ каждаго семейства. Награждая опца , благородно свидѣшельсшвуя ему признапельноспъ именемъ опечесшва , пошому что зналъ какъ награждаютъ заслуги , онъ не хошѣлъ наградишъ пѣмъ-же и сына , когда былъ достоинъ этого одинъ опецъ. Онъ включилъ условіе , какъ было это послѣ для всѣхъ , которое

не давало права наслѣдственности, и слова объ обязанности проливать свою кровь, для славы и чести нашей прекрасной Франціи, были единственно для молодого Лефевра, который въ то время казался такъ-же мало расположеннымъ проливать свою кровь для славы Франціи, какъ и для славы Короля острова Солора. Впрочемъ, эта фраза не ославлялась загадкою ни для кого, и только Г. Монгальяръ исполнивалъ ее какъ ему вздумалось. Онъ ненавидѣлъ Наполеона и такимъ образомъ заславилъ его какъ-бы говорить каждой мащери:

« Я казняю твоего сына для битвы. »

Сколько сужденій объ Императорѣ произнесено по заключеніямъ совершенно ложнымъ!

Осада Данцига принадлежитъ къ числу оплечнѣйшихъ военныхъ дѣйствій въ эпоху похода, когда конечно было много славныхъ военныхъ подвиговъ. Генераль Калькрейцъ почувствовалъ наконецъ въ себѣ огонь времени Фридриха. Пруссаки опять сдѣлались солдатами и одушевились къ войнѣ. Правда, мы не щадили для него ударовъ, но наконецъ онъ отражалъ ихъ. Осада продолжалась около двухъ мѣсяцевъ. Пятьдесятъ два дни прошло послѣ открытія шраншей, и когда Генераль Калькрейцъ сдался на капитуляцію, давши слово за себя и за своихъ не вступать въ военные дѣйствія цѣлый

годъ , онъ явился передъ Французскимъ Генераломъ шолько съ осьмью тысячами и нѣсколькими сотнями человекъ. А вначалѣ ихъ было осмнадцать тысячъ. Мы взяли 800 пушекъ и огромные магазины. Слѣдствія этого завоеванія были также очень важны : оно обезпечивало намъ лѣвый флангъ и шылъ. У Пруссаковъ оспавался при Балшійскомъ морѣ шолько порштъ Пиллау.

Между шѣмъ какъ Наполеонъ воздвигалъ наши орлы на сѣверныхъ столицахъ , спранныя событія происходили на Воспокъ , и наши глаза , ушомленные блескомъ завоеваній , едва замѣчали движеніе , впрочемъ досшойное вниманія , которое возело Мусшафу IV на мѣсто дяди его , Селима III , Сулшана съ 1790 года. Низверженный Янычарами , которые тогда располагали жизнью и судьбою Сулшановъ , онъ былъ сначала удаленъ во внушрренность Сераля... Помню , это извѣстіе сдѣлало тогда на насъ такъ мало впечатлѣнія , что мы совершенно забыли о немъ , на другой день послѣ шого какъ оно было напечатано въ *Монитёръ* , и вскорѣ , говоря о Турціи , упошребляли имя Селима , вмѣсто имени его племянника.

Въ это время важное дѣло занимало Императорскій Дворъ : хощли знать , какъ новая Герцогиня (Данцигская) будетъ носить свое досшоинство. Но она шощчасъ рѣшила это

сама, когда прїѣхала благодарить Императрицу Жозефину за милость, оказанную ей Императоромъ. Императрица была въ Тюльери, въ большой желтой гостиной. Маршальша Лефевръ прїѣхала, и *вводитель* (huissier), привыкшій называть ее такъ, вошелъ принять приказаніе дежурнаго Камергера, попому что Г-жа Лефевръ не просила аудіэнціи. Онъ пошчасъ ворошился и сказалъ ей:

— Г-жа Маршальша можете войти.

Маршальша поглядѣла на него скося, но не сказала ничего и вошла въ гостиную. Императрица всала съ софы, на копорой она обыкновенно сиживала подлѣ камина, сдѣлала нѣсколько шаговъ на встрѣчу къ прїѣхавшей, и сказала ей, съ пою удивительною прелестью, копорую умѣла выражать всегда, когда хощла:

« Все-ли вы въ добромъ здоровьѣ, Герцогиня Данцигская? »

Маршальша, не отвѣчая ей, сдѣлала выразительный знакъ, пошчасъ оборотилась къ вводителю, копорый запиралъ дверь, и сказала ему:

— *Вотъ тебѣ, голубчикъ, вотъ!*

Чья важность могла-бы успоянить пропивъ шакого нападенія? Не думаю чшобы кто нибудь въ мїрѣ вызвался на эшо.

Я часто видала Маршалышу Лефевръ и могла судишь , какъ справедливы всѣ разказы о ней. Но къ концу Имперіи она сдѣлалась несносна и говорила почти какъ Г-жа Фабръ де л'Одъ , копорая опивѣчала однажды Имперашору , на вопросъ его , когда родишь она своего двадцать пятого ребенка :

— Когда угодно Вашему Величеству.

Вошь что хорошо молвлено ! Не лзя сказать послѣ этого , что Г-жа Фабръ де л'Одъ была робка.

Что касается до Маршалыши Лефевръ , или Герцогини Данцигской , какъ вамъ угодно будеть названъ ее , она еще была порядочна въ по время , когда мужа ея сдѣлали Герцогомъ , за годъ прежде всѣхъ другихъ. Г. Крамаель , Префектъ дворца , описалъ въ шупливыхъ спискахъ одно приключеніе объ украденномъ бриллиантѣ , и она нашла стихи его въ шакомъ мѣстѣ , гдѣ конечно не всякой спалъ-бы искашь ихъ. Она рассказывала это приключеніе самыи чудными словами , и всякому кшо хошѣлъ ее слушать. А , правду сказать , мы всѣ хошѣли этого. Она долго оставалась въ шакомъ хорошемъ положеніи , спраннымъ сущесвомъ подѣ Герцогскимъ нарядомъ. Но , какъ уже я сказала , послѣ она образовалась , и перешала бытъ забавною.

Однажды, въ то время когда пять директоріальныхъ королей мѣняли свою директорскую шанку на золотыя монеты, а иногда и на ужасныя изгнанія за морями, въ голову одного изъ нихъ пришло взять себѣ поварища, легкаго умомъ и шажелаго рукой, для защиты Люксанбурга, если-бы на него напалъ народъ-властитель, который сдѣлалъ рабомъ. Объ этомъ написали къ Лефевру въ Самбро-Маасскую армію, предлагая ему директоріальную корону. Добрый человекъ посоветовался съ своею женою. Иногда она бывала хорошая совѣтница, и ясно показала это при такомъ важномъ случаѣ.

«Надобно освѣчать имъ *нѣтъ!*» сказала она. «Что иебѣ дѣлать у нихъ? Оспавайся здѣсь. Вѣрно имъ ужь очень худо, когда они хоняшь сдѣлашь Королемъ шакого дурака какъ ты.»

Въ этихъ словахъ удивительно много истины. Лефевръ послушался, и хорошо сдѣлалъ.

Говорили много о добротѣ Герцогини Данцигской. Я сама слишкомъ долго вѣрила этому, и не могу порицать ихъ, кно такъ думалъ о ней. Эту женщину, спранныю по наружности, не смонря на окружавшую ея пышность и золото, хонѣли освѣпить блескомъ доброты и благодушельности, копорья уменьшали-бы сколько нибудь смѣшное въ ея обращеніи. Но какъ го-

респно изумилась я, узнавши, что племянникъ ея мужа живеть въ Парижѣ, въ самой крайней бѣдности. Я случайно встрѣпилась съ нимъ. Онъ давалъ уроки на гитарѣ моему старшему сыну. Имя его *Вольфартъ*. Онъ лишился жены, обожаемой имъ, которая оставила ему двухъ маленькихъ дѣшей, и бѣдный отецъ съ великимъ трудомъ воспитываешъ ихъ. Онъ добрый малый, и охотно готовъ прудинься. Воспитаніе получиль онъ хорошее, такъ что можешъ занимашъ всѣ должности, приличныя обыкновенному здравому разсудку. Узнавши о близкомъ его родствѣ съ Маршаломъ, я спросила, для чего пешка заперла свой домъ для него (*). Онъ оповѣчалъ, что этому причиной его женишба: онъ женился по любви, и за то былъ изгнанъ изъ дому своего дяди. Признаюсь, я не могла въ этомъ пошупкѣ признашъ женщину, извѣстную своей добротой и своимъ челоуѣколюбіемъ. Если эшошъ челоуѣкъ обманщикъ, для чего не заспавишъ молчанъ его, самымъ простымъ средствомъ, закономъ? Тогда она доказала-бы свою справедливость.

(*) Мнѣ говорили, что Маршалша утверждала, будто Вольфартъ не племянникъ ея мужа; но я видѣла всѣ бумаги бѣднаго малаго, и ни что не можешъ бышъ вѣрнѣ его родства съ Маршаломъ.

Но Маршалыша Лефевръ , какъ многія другія, поддалась удовольствію слышать названіе *Герцогини*, и бѣдный племянникъ , который уже оскорблялъ суешность дяди , приводя къ нему племянницу Богъ знаетъ откуда, былъ отвергнутъ и не признанъ. Послѣ смерти своей жены онъ всячески шарался , чтобы шепка могла ему , по крайней мѣрѣ для его бѣдныхъ малюшкѣ. Онъ могъ полагать , что послѣ смерти пойдѣ , которая была причиной немилости къ нему , его примутъ лучше. Но ничего не бывало : отвергнутый племянникъ остался по прежнему бѣднякомъ. Я также заботилась ошискашь для него какое нибудь мѣсто ; но въ наше время не слишкомъ великая рекомендація бытъ сыномъ или племянникомъ храбраго времени Имперіи.... Мы жалки!...

Между шѣмъ какъ мы въ Парижѣ шанцовали и забавлялись прославляя побѣды , бывшія за пять сощѣ лѣ онѣ насъ , Императоръ двигалъ Европой , подѣ шѣнью своего шапра , и новые планы слѣдовали у него за шѣми , которые исполнились за нѣсколько недѣль. Испанія измѣнила ему , и воображала что обманула его. Но уже першѣ его былъ наложенъ на *гело Полуострова*: онѣ осудилъ его къ смерти. Это дѣло Испаніи неизмѣримо важно въ жизни Наполеона ; пошому я скажу о немъ все что знаю.

Я уже говорила о знаменитой прокламаціи Князя Мира. Употребляю слово *знаменитая* пошому, что она должна бытъ такава (если еще *не есть*): это памятникъ самой великой политики. Съ тѣхъ поръ какъ я написала прежнія главы, я отыскала эту прокламацію въ самомъ вѣрномъ переводѣ съ Испанскаго. Привожу изъ нея нѣсколько строкъ, чтобы могли судить о слогѣ этого рѣдкаго сочиненія.

« . . . На поприщѣ, нынѣ опкрывающемся, всѣ
« Испанскіе чиновники должны показаны *особен-*
« *ную и необычайную* ревность къ возбужденію
« *народнаго энтузіазма*, дабы со славою вступи-
« *пишь на поприще, которое открывается*. На-
« добно имѣть большое число солдатъ, и под-
« *спрекать рвеніе дворянства* (пошому что дѣ-
« *ло идетъ о его преимуществвахъ, такъ-же*
« *какъ о преимуществвахъ короны*).

Кажется, что особенно эти послѣднія слова поразили Императора. Они не были средствомъ призыва къ себѣ *Марокцевъ*, какъ надѣялся Князь Мира. Наполеонъ увидѣлъ, что Испанія, дошоль вѣрная союзница Франціи, дѣлалась клятвопреступною, какъ человекъ, утомленный спаринною любовью. Но должно было лучше знать оставляемую любовницу. Слова прокламаціи сдѣлались ужасны: вскорѣ увидѣлъ это весь Полуостровъ.

Ясно, что Князь Мира, как все боязливые и слабые люди, независимо от совещанья и пагубных наущений Дона Евгения Исквиердо, увлекаемый к гибели, действительствовал с уверенностью истинно жалкою. Он думал, что Пруссия победит Францию. Но когда Император уничтожил Прусскую армию под Иеной, и сделал новый шаг славы в этом баснословном походе нескольких недель, тогда начались пренебрежения страха и выражения покорности. Неужели до такой степени не знали Наполеона, что могли считать его способным к глупой доверности, и еще к глупейшей снисходительности? Он смеялся над покорностью, так же как и над скрытым возмущением. Он потребовал корпуса войск *у своих старых союзников*, и обещал, немедленно по окончании северного похода, придти сам покровительствовать им и защитить от покушений Императора Марокканского.... Он сдержал слово, и послал войска.

Несколько беспокоили Императора войска, расположенные в Тоскане, где Королева Эшрурская, Регентша за своего сына, была сама не безопасна от вторжения, которое вздумалось бы Императору сделать в ее владения. Это беспокойство внушил ему Вице-Король Испанский. Королева требовала войск от Испании, и Генерал О'Фарилль, один из ош-

личнѣйшихъ людей въ Испанской администраціи, военной и гражданской, получилъ начальство надъ ними. Адъютантъ Вице-Короля прѣхалъ спросить у Генерала О'Фарилля, нѣтъ-ли у него какой тайной инструкціи, сходной съ прокламаціею Князя Мира. Генераль О'Фарилль увѣрилъ честно, что нѣтъ ничего; но когда онъ получилъ *приказаніе* опдѣлить свои полки и опослать ихъ въ назначенныя мѣста кваршированія, онъ опвѣчалъ съ благородною швердосцію, что уже далъ истинный опчетъ въ своихъ поскупкахъ; что если не хотѣли вѣрить ему, онъ запрется въ Ливорнской крѣпости, и тамъ рѣшился на все что ему угодно. Такой опвѣтъ, швердый и опредѣленный, сдѣлалъ впечатлѣніе. Ограничились увѣренностию въ его словѣ и повѣрили благородству его, споль извѣстному и уважаемому. Но вскорѣ дивизія, которою онъ командовалъ, сосно-явшая изъ семи или осьми тысячъ человекъ, была пошребована Наполеономъ въ Сѣверную Германію, гдѣ находилась въ это время Большая армія. Опвѣтъ Генерала О'Фарилля былъ однакожь не шакоть, чтобы ему могли дать начальство надъ дивизіею. Онъ опспался во Франціи. Королева Эшрурская хотѣла передать ему Минисперство Иностранныхъ дѣлъ: но онъ опказался. Онъ предложилъ ей свои совѣты, а она имѣла въ нихъ большую нужду. Наполеонъ былъ

гоповъ оставишь ее царствовать въ одномъ изъ нѣхъ небольшихъ владѣній, копорья Альберони называлъ *мѣстечками*, оставишь пошому, что безсмыслие Принцессы и незначительность Короля ни сколько не беспокоили его. Но могло встрѣишься и шакое общояшельство, копорое перемѣнило-бы положеніе небольшого Тосканскаго Двора; а эшо общояшельство могло явишься каждую минушу, и въ шакомъ случаѣ Генераль О'Фарилль былъ весьма важенъ для Флоренціи. Испанія, при всей слѣпощѣ своей, сохраняла еще сполько присущствія ума, что понимала какъ важно поддерживать Инфаншу на Тосканскомъ тронѣ, и посшупки ея, по крайней мѣрѣ въ эшомъ, были разсчитаны хорошо, разумѣется шолько вначалѣ.

Ничто не бываетъ шакъ пагубно для государшва, какъ смѣшное положеніе. Въ прежнихъ шомахъ я дала поняшіе о спранномъ лицѣ и наружности Королевы Эшрурской. Она, уже довольно непохожая на Королеву, со своимъ горбомъ и впалымъ бокомъ, сдѣлалась еще хуже, когда вздумала дашь о себѣ и о своемъ сынѣ высокое мнѣніе Флореншнцамъ.

Она рѣшилась возишь своего сына каждый день, посреди своего добраго города Флоренціи, и показывашь его подданнымъ; но эшо выполнялось съ нѣмъ эникеномъ, копорый въ природѣ Испанской Инфаншы. Помните, какъ показывала

она Его Величество Людовика, впрочем именованъ и пяти лѣтъ съ шестю или чешырьмя мѣсяцами возраспомъ? Во Французскомъ кафтанѣ, вышитомъ по швамъ, съ кружевнымъ жабо и кружевными маншешами, въ коропкихъ шпанахъ, въ шелковыхъ чулкахъ, въ лакированныхъ башмакахъ съ красными высокими каблуками и съ брилліанповыми пряжками.... А голова!... о, голова бѣднаго маленькаго Величества была завипа, перевипа, закушана и укушана шакъ, что на ней было все, даже кошелекъ съ косою. Къ этому прекрасному наряду должно прибавить еще одну необходимую вещь: маленькую шпаженку, привѣшенную на боку и пришивую къ ножнамъ. Но всего любопытнѣе, что бѣдный маленькій Король былъ еще шакая крошка, что не могъ держаться одинъ въ глубинѣ огромнаго берлина. Мать Регенпша придумала какъ пособить и этому: она рѣшилась привязывать бѣднаго Короля къ подушкѣ, шакъ что несчастный ребенокъ ждалъ часа прогулки, какъ другіе дѣши ждуть наказанія. Мать сидѣла впереди карешы, между шѣмъ какъ Его Величество Король держалъ маленькую шляпу свою подъ рукой, и съ зависпью глядѣлъ на сына какого нибудь рыбака или крестьянина. Г. д'Обюссонъ де ла Фейльадъ, бывшій Французскимъ Министромъ при Тосканскомъ Дворѣ, говорилъ мнѣ больше пятидесяти разъ объ этой карешѣ,

тысячу разъ смѣшной, и описывалъ мнѣ ее шакъ живо, что я могла-бы нарисовать ее. Я часто видѣла Г-на д'Обюссона, и, хотя онъ не былъ добръ, любила разговаривать съ нимъ. Я забывала при этомъ, что онъ обвинилъ меня въ кокетствѣ, когда я шанцовала гавошъ при Жюно, прежде нежели онъ былъ моимъ мужемъ. Министръ нашъ рассказывалъ прескверныя вещи о Флорентинскомъ Дворѣ. Но говоряшъ, что, любя шупишъ, онъ дѣйствовалъ съ большою важношью, и надобно сказаши правду, ничшо не могло бышъ важнѣе и даже печальнѣе.

Маркизь Ла-Романа, проѣзжая черезъ Парижъ въ Германію, былъ принятъ съ самымъ милымъ гостепріимствомъ, и казалось чувствовалъ цѣну ему. Мы дали прекрасный праздникъ въ Ренси, ему и всему его штабу. Я находила его совершенно любезнымъ. Лицо и даже наружность его не были ни сколько пріятны. Онъ былъ очень худъ, и не великъ росомъ; цвѣтъ лица его напоминалъ Африку; глаза блисшали умомъ, и вообще дѣятельность ума выражалась во всемъ его подвижномъ лицѣ. Но въ иныя минушы онъ впадалъ въ глубокое размышленіе, которое впрочемъ объяснили намъ дальнѣйшія событія. Въ эти минушы лицо его казалось совсѣмъ инымъ. Мнѣ чрезвычайно нравилось, какъ онъ говорилъ о Франціи и объ Им-

перашоръ. Онъ, по видимому, очень любилъ свою жену. Имперашора хвалили онъ, разумѣясь, меньше, но всегда съ удивительною ловкостію. Однажды, онъ замечтался, глядя на профей, приготовленный моимъ кондитеромъ изъ цвѣннаго сахару. Маркизь долго и пристально глядѣлъ на него. Но такъ какъ эшошь профей надобно было съѣсть, то я предложила его моему гостю, и лишь только прощянула руку изломать сахарное зданіе, Маркизь удержалъ меня съ такою поспѣшностію, что это совершенно завоевало ему Жюно.

— Какъ, сударыня! вскричалъ онъ. Вы, вы хошите изломать профей славы Имперашора Наполеона? Мнѣ кажется, не надобно-бы допускать, чшобы такіе удивительные предметы были столько ломки.

Я взглянула на него съ такимъ признашельнымъ выраженіемъ, что конечно оно показалось ему странно. Онъ поглядѣлъ на меня въ свою очередь съ изумленнымъ видомъ, и прибавилъ:

— Почему-же вы такъ удивились, что я хвалю Имперашора? Но въ Испаніи его обожаютъ. . . . Если-бы шеперь онъ явился посреди Испанцевъ съ шѣми намѣреніями, какихъ можно желать, то я быюсь объ закладъ, что его карешу везли-бы руками.

- Эшошь разговоръ, можешъ бышь ни сколько незанимательный, связанъ для меня съ обстоя-

пелъспивомъ довольно страннымъ. Послѣ бѣгства Ла-Романы, я имѣла случай послать къ нему поклонъ. Я поручила кому-же человѣку спросить у него, былъ-ли онъ числосердеченъ въ Ренси, когда напѣвалъ громкимъ и гармоническимъ голосомъ похвалы Императору, за нѣсколько мѣсяцевъ до своей измѣны.

— Скажите Г-жѣ Жюно — ошвѣчалъ моему посланному Маркизь-дезершёръ — что я высоко уважаю ее и не позволю себѣ шумить съ нею. Я говорилъ не шумя; но тогда я почиталъ Наполеона не виноватымъ.

Маркизь Ла-Романа человѣкъ высокихъ дарований. Говорили, что онъ былъ уменъ. Онъ былъ гораздо больше. Умъ слишкомъ легкокъ и меньше замѣтенъ для вниманія нежели то, что видно было во взглядѣ и въ словахъ Маркиза. Онъ путешествовалъ по всей Европѣ и даже по Америкѣ, онъ говорилъ на многихъ языкахъ; но, главное, онъ воспользовался своими путешествіями, какъ видно очень обширными. Сначала, подобно всѣмъ Каспианцамъ, Маркизь казался холодень; но вскорѣ съ нимъ дѣлались искренни, пошому что онъ говорилъ охотно. Онъ много видѣлъ и хорошо наблюдалъ. Я нашла въ немъ человѣка ошличнаго и совсѣмъ не похожаго на шѣхъ, кошорыхъ мученія Испаніи вывели изъ ничтожества. Онъ поѣхалъ изъ Па-

рижа въ Гамбургъ, и пошчасъ вступилъ подъ начальство Принца Понше-Корво.

Маркизь съ такимъ искусвомъ выполнилъ свою измѣну, что невозможно было подозрѣвать его намѣренія. Онъ просилъ большаго орла Почетнаго легіона, по случаю праздника Св. Наполеону въ 1808 году. Императоръ послалъ ему орла. Ла-Романа, бывшій тогда на островахъ Фіоніи, въ Даніи, написалъ къ Принцу Понше-Корво, чтобы онъ позволилъ ему ославить свои войска, пріѣхать получить большой крестъ изъ его рукъ. Принцъ Понше-Корво пользовался въ это время морскими ваннами, въ небольшой деревнѣ близъ Любека. Тамъ-то получилъ онъ письмо Маркиза, а черезъ два дни узналъ, что Ла-Романа и всѣ его войска оправились на Англійскихъ лодкахъ, копорья были призваны эмиссарами Маркиза и подплыли къ самому берегу. Только пятеро челоуѣкъ, бывшіе въ Гамбургѣ, не могли слѣдовать за нимъ; это былъ отрядъ Алгарвскаго полка. Узнавши объ оплышій своихъ поварищей, они также покусились бѣжать, но уже было поздно: ихъ окружили превосходными силами, и защищаться было-бы безуміе. Офицеръ, начальствовавшій этимъ отрядомъ, Французскій эмигрантъ въ службѣ Испаніи, выѣхалъ къ Бригадному Генералу, посланному преслѣдовать его, и сказалъ:

«Генераль! солдапы шолько повиновались мнѣ; я увлекъ ихъ, и я одинъ виновный.»

Едва договорилъ онъ послѣднія слова, какъ выпуль изъ своего сѣдла пистолешь и про-спрѣлилъ себѣ голову.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Глава IV.

Смерть Принца Людовика. — Сходство физическое и нравственное. — Пожаръ адмиральскаго корабля Востока, описанный Наполеономъ. — Высокая преданность сына Казабланки. — Королева Горшензія въ Пиренеяхъ. — Поршрешы. — Наполеонъ *меньше Корсиканецъ* нежели думаютъ. — Генераль Левассеръ, привезшій мирный прахъ съ Англіею. — Жена его рождаетъ 24000 плашинь.

Большое несчастіе поразило семейство Императрицы Жозефины. Старшій сынъ Королевы Горшензіи умеръ въ Голландіи отъ крупа. Письма Г-жи Брокъ показывали ужасную горячку, копорая могла навсегда разрушить здоровье Королевы. Каковы-бы ни были другія предположенія Императрицы, но ее глубоко поразило это событіе. Казалось, что каждая слеза, копорую проливали на свѣжую могилу молодого Принца Людовика, угрожала ей разводомъ. Какая разниа въ будущемъ ея!.... Быть *бабкою* царствующаго Императора, или невѣсткою Принцессы Каролины, Великой Герцогини Берг-

ской! О, какое несчастіе!... повпоряла она, плача навзрыдь.

Невозможно изобразить молодаго Принца Людовика. Если-бы эшошь ребенокъ оспался живь, онъ сдѣлался-бы опличнымъ человекѡмъ. Онъ удивительно походилъ на своего опца и слѣдовательно на Имперашора. Адская злоба, преслѣдуя Имперашора даже въ самыхъ священныхъ его привязанностяхъ, сдѣлала эшо сходство предметомъ клеветы, сшолько опвращившешной, что я почла-бы неуваженіемъ къ самой себѣ опроверганъ ее. Молодой Принцъ былъ прелестный ребенокъ, добрый и швердый характеромъ, что давало ему шакже нравшвенное сходство съ его дядею... Думаю, что Наполеонъ улыбался за будущее Франціи, глядя на эшо дитя. Однажды, въ Сень-Клу, Имперашоръ рассказывалъ чрезвычайно любопытное событіе, и рассказывалъ съ шною силою взгляда и голоса, какую видала я шолько въ немъ. Молодой Принцъ, сначала сидѣвшій на колѣняхъ Имперашрицы, сползъ пошохонку, спалъ прошивъ Имперашора и усшремилъ на него свои большіе, голубые, одушевленные глаза, съ выраженіемъ удивительно прекраснымъ. Эшо были два блиспашущіе сафира. Маленькая грудь его подымалась, и видно было, что онъ спрашаетъ онъ своего движенія.

Имперашоръ въ самомъ дѣлѣ рассказывалъ

происшествіе, которое могло пронуть сердце ребенка съ счастливыми способностями. Я уже говорила, кажется, что Наполеонъ имѣлъ особенный даръ и любилъ *повѣствовать*. Часто онъ даже измѣнялъ нѣсколько истину, для того чтобы увеличить занимательность и дѣйствіе. Но въ эпоху вечеръ видно было, что онъ не прибавилъ ничего: о томъ могли судить по собственному его волненію... Онъ описывалъ морскую битву, и, какъ Гомеръ, могущимъ словомъ своимъ подымалъ волны, представлялъ гремѣнъ грома и выражалъ крики умирающихъ... Онъ переносилъ васъ на палубу корабля, котораго обогрѣнная кровію доски, усѣянная прутами, начинали разрушаться отъ дѣйствія огня, выходившаго тысячею цѣшмовъ сквозь люки: огонь уже взвивался вдоль мачтъ и снастей. Еще за нѣсколько часовъ, корабль эпоху величественно господствовалъ на Абукирскомъ рейдѣ, и представлялъ больше пѣши-сопъ человѣческихъ лицъ, полныхъ жизни и силы; но шеперь онъ былъ пустъ, и всѣ, кого не поразили ядра непріятелей, спѣшили избѣгнуть вѣрной смерти, кидаясь въ море и плывя къ землѣ... Одинъ человѣкъ, съ лицомъ, забрызганнымъ кровію, почернѣвшимъ отъ пороха и дыму, осматривался на палубѣ, и, скрестивъ руки на широкой груди, мрачно глядѣлъ на другаго человѣка, еще дышавшаго подлѣ большой

мачшы. У эпого опорвало обѣ поги, и онѣ, ишекая кровію, не произносилъ на одной жалобы. Напрошивъ, онѣ благодарилъ Бога, что Онѣ уводишь его изъ эпого міра. . . . Взглядъ умирающаго подымался къ знамени республиканской Франціи, кошорое развѣвалось надъ его головою. Въ нѣсколькихъ шагахъ опѣ него споялъ мальчикъ, лѣпшъ чешырнадцани, въ голубомъ мундирѣ, безъ всякаго знака опличія; небольшая сабля была при бедрѣ его, а въ поясѣ два писполеша. Онѣ глядѣлъ на умирающаго съ выраженіемъ глубокаго опчаянія и въ по-же время преданности судьбѣ: видно было, что и онѣ кончилъ разсчешъ съ жизнію. . . . Эпопшъ корабль былъ *Востокъ*. . . . умирающій человекъ Казабіанка, Капитанъ адмиральскаго корабля въ Египешскомъ походѣ, а мальчикъ сынъ его.

— Возьми эпого ребенка — сказалъ Капитанъ подшкиперу. — Спасайпесь оба . . . еще епшь время. . . . оспавьпеше спараго моряка умерешъ одного. . . . онѣ ужъ шеперь спарый, разспрѣянный папронъ.

« Не подходи! » сказалъ гардемаринъ, успавляя руку прошивъ подшкипера. « Спасайся а мое мѣспно здѣсь: я не оспавлю моего опца.

— Сынъ мой! — сказалъ умирающій, бросивши на благороднаго ребенка взглядъ, въ кошоромъ выражались все радоспши, какія могушь

наполнять сердце челоѣка — сынъ мой! . . . я приказываю тебѣ идти. . .

Въ это мгновеніе страшный прескъ раздался въ доскахъ корабля, и пламя совершенно овладѣло имъ. Ужасный взрывъ показалъ жребій еще одной изъ жертвъ этого несчастнаго дни. . . . Такой-то жребій ожидалъ и Воспокъ. . . Уже доски сдѣлались горячи подъ ногами. . . . Подшкиперъ запрепешалъ на минушу; глаза его оборотились къ берегу, опъ кошораго были они только въ двухъ шагахъ шуазахъ, пошому что, говорилъ Императоръ, Адмиралъ Брюейсъ сражался на шпрингъ, мерзавецъ! Но это движеніе, естественное челоѣку, когда онъ ищешъ спасенія, было мгновенно. Онъ принялъ свое беззаботное положеніе и только мигнулъ глядя на мальчика. По знаку умирающаго опца онъ хошѣлъ схватить его, но молодой челоѣкъ вынулъ одинъ изъ своихъ пистолешовъ, съ угрозой прошивъ моряка, что онъ положишъ его у ногъ своихъ, если опъ еще спанешъ упорствовашъ.

— Я долженъ и хочу оспашься! — вскричалъ онъ. — Пусишь небо спасешъ тебѣ; тебѣ нечего шеряшь времени!

Новый прескъ, вышедшій изъ глубины корабля какъ шажкій вздохъ, засшавилъ моряка со-

дрогнувшись. Онъ бросилъ блуждающій взглядъ на пороховую камеру уже обнимавшуюся пламенемъ. Еще нѣсколько секундъ, и можешь быть уже было-бы поздно. Молодой человекъ понялъ поску этого взгляда, легъ подлѣ своего ошца и обнялъ его.

— Спуйай! — вскричалъ онъ. — Ошець мой, благослови меня! . . .

Это были послѣднія слова, которыя слышалъ морякъ. Онъ бросился въ море и спарался выплыть къ берегу. Еще не оспалось за нимъ десяти сажень проспрансыва, когда *Востокъ* взлетѣлъ на воздухъ съ ужасающимъ громомъ. Онъ плылъ еще такъ близко отъ него, что плеча его были покрыны гвоздями и обломками корабля, раскиданными при послѣднемъ его разрушеніи. На берегу приняли его жиптели. «Онъ пришелъ въ главную кварпширу,» прибавилъ Императоръ, «и рассказалъ о высокой преданности молодого Казабiанки.

— Чтò буду я дѣлать въ этомъ мiрѣ? — говорилъ онъ своему ошцу, когда поинъ умолялъ его спасашься.—Ты умрешь, а флотъ нашъ обезчестилъ себя сегодня.

«Это былъ благородный ребенокъ,» продолжалъ Императоръ. «Тѣмъ больше жаль его смерпши, что, можешь быть, онъ пошелъ-бы еще дальше нежели Дюге-Труэни и Дюкени. Я съ

гордостью думаю, что онъ принадлежалъ къ моему семейству (*).

Любопытна, замѣчательна была въ эту минуту физіогномія молодого Наполеона. Онъ не сводилъ голубыхъ своихъ глазъ съ Императора и глядѣлъ на него съ такимъ вниманіемъ, что этого невозможно описать. Когда его дядя кончилъ, онъ подошелъ къ нему, взобрался на его колѣни и сказалъ :

— Ты рассказывалъ это правду?

« А на что тебѣ знашь это? » спросилъ Императоръ.

— Я буду молишься Богу за этого мальчика и за его папу — отвѣчалъ молодой Принцъ.

Императоръ пришелъ въ умиленіе, поднялъ своего племянника и поцѣловалъ его.

« Ты и самъ будешь добрый и славный мальчикъ! » сказалъ онъ ему.

Онъ поспавилъ его на полъ и слѣдилъ за нимъ глазами съ нѣжностью отца; чувствуя, что этого ребенокъ былъ тогда его надежда. Въ такія минуты, Императрица бывала истинно счастлива. Тогда мысль о разводѣ удаля-

(*) Я много разъ слыхала, какъ рассказывалъ Императоръ эту исторію, и всегда повѣрялъ, что Казабланка былъ его родственникъ; но другіе утверждали, что это несправедливо.

лась опъ нея; а между шѣмъ, въ это время говорили о немъ больше нежели когда нибудь.

Однажды Императоръ ѣхалъ на смогръ, или уже возвратился съ него. Но его шпага и шляпа, знаменитая шляпа, лежали на креслахъ въ гостиной. Молодой Принцъ привыкъ къ баловству Императора, который позволялъ ему прогашъ у себя все. Онъ завладѣлъ его шпагой, повѣсилъ ее себѣ на шею, надѣлъ шляпу на голову и началъ маршировать позади Императора, съ величайшею важностію, подражая голосомъ звуку барабана. Императоръ засмѣялся, но былъ глубоко пронушъ. Жераръ сдѣлалъ прелестную карину изъ этого маленькаго маскарада. Вообще я должна сказать, что хотя въ основаніи характеръ Императора не былъ чувствительнень, но всѣ семейственныя радости производили на него сильныя впечатлѣнія. Можно подумать даже, что онъ только прищворялся равнодушнымъ, или что сердце его ни сколько не участвовало въ этомъ равнодушіи.

Жюно любилъ Принца Людовика горячимъ чувствомъ. Онъ не былъ изъ числа шѣхъ безумцевъ, которые вѣрятъ нелѣпости, и по еще изъ одного удовольствія вѣрять злу, изъ желанія придать Императору видъ человѣка развращающаго, чего Наполеонъ не заслужилъ никогда. Повторяю здѣсь сказанное прежде: сколько прошивно мнѣ, при помъ нѣжномъ и почтитель-

пельномъ чувствѣ привязанности, какое пипала я всегда къ особѣ, о которой идешь рѣчь, опроверганъ Лжи, сказанныя на счетъ ея, сколько-же пріятно намъ всѣмъ, бывшимъ вблизи нея, отдавашъ ей всю должную справедливосшь, со всѣмъ уваженіемъ, со всею привязанностию и любовью. По крайней мѣрѣ шакъ я чувствую, и еще многія изъ насъ, бывшихъ при Дворѣ Императора, громко выражающъ шо-же мнѣніе.

Королева Голландская оставила свои болота и свои влажныя долины: она поѣхала искашь, не ушѣшенія (пошому чшо какое сердце матери ушѣшился въ пошерѣ своего дитяти?), но по крайней мѣрѣ облегченія въ эшомъ ужасномъ опчаяніи, кошорое убивало ее. Она обозрѣвала Пиренеи, была въ Кошере. Тамъ-шо дѣлала она знаменитое пушешесвіе на Виньемаль, пробѣжая чрезъ него изъ Кошере въ Гаварни. Она совершила эшо пушешесвіе съ двумя пушепроводителями, самыми знаменитыми въ Пиренеяхъ послѣ Лоранса, эшого вожашая, прославленнаго даже Г-мъ Рамономъ. Онъ обыкновенно бывалъ въ Баньеръ де Бигорръ, всегда въ гошовности всходишь на Пикъ южный, на Туръ-Мале, и на окружныя горы. Но горы другихъ долинъ, каковы Бергонъ, ле-Муне, Вискошь, и наконецъ Виньемаль, эшомъ царь Французскихъ Пиренеевъ, пошому чшо Монъ-Пердю

принадлежитъ уже къ Испанской цѣпи, эти горы особенно любопытны для обозрѣнія, и ихъ-то хотѣла узнать Королева. Она ввѣрила себя попеченіямъ Клемана и Маршена, двухъ самыхъ искусныхъ носильщиковъ въ Пиренеяхъ, и обозрѣла всѣ окрестности Кошере до нѣкоторой вышины. Она достигала до озера Гобъ. Тамъ почти оканчивается вся образованность. Одинъ человѣкъ, одинъ дикій живетъ въ хижинѣ, сдѣланной изъ земли и прутьевъ на цвѣшущихъ берегахъ этого прелеснаго озера, котораго холодныя и спокойныя воды отражаютъ въ себѣ вѣчные снѣга и льды Виньемала, находящагося во снѣгу шуазахъ. Съ другой стороны озера, прекрасный водопадъ Эсплемусъ, последнее *прости* природы съ человѣкомъ въ этой дикой пустынѣ. . . . Но я не хочу увлекаться теперь описаніемъ, потому что въ 1809 году я сама дѣлала тамъ путешесствіе, и опишу его.

Извѣстно, что Королева Горпензія Сильфида ростомъ, движеніями и прелесною наружностью. Легкая, быстрая, она прыгала въ дикихъ убѣжищахъ Пиренеевъ, и по крайней мѣрѣ могла тамъ плакать, не только на свободѣ, но и съ уничижительною мыслью, что просныя люди, провожаемые ея, *густвовали* и желали-бы облегчить ея горести.

— Бѣдная дама! — сказывалъ Маршенъ. —
Когда по дорогѣ мы встрѣчали одну изъ на-

шихъ женщинъ съ дитенкомъ, краснымъ, свѣ-
жимъ... бѣдная дама! ... мы съ Клеманомъ слы-
шали, какъ она рыдала въ своемъ порпшезѣ...
Когда мы съ Клеманомъ видѣли это, я гово-
рилъ ему, что надобно взбираться скорѣе на
гору, чтобы она не долго видѣла ребенка
Ахъ, она очень сильно плакала! . . .

Ее обожали въ горахъ, и слово *обожали*,
здѣсь справедливо. Это не лезть и не одно
изъ тѣхъ пуспозвонныхъ словъ, копорья
одинокѣ помѣщающся при имени Принцессы. Ее
обожали. Да и могло-ли бытъ иначе? Добрая,
человѣколюбивая, она помогала бѣднымъ и го-
ворила ушѣшипельныя для сердца слова. Она
выкунала конскрипшовъ, выдавала за мужъ мо-
лодыхъ дѣвиць, и благородно обезпечила су-
щеспвованіе своихъ вѣрныхъ двухъ провожа-
ныхъ.... Да, ее обожали, и особенно съ шѣхъ
поръ какъ ея не было у насъ, мы чувспвовали
цѣну ея присупснвія, ея добрѣш, и волшеб-
спва, какое разливала она при Дворѣ своими
разнообразными дарованіями.

Королева Горпензія возврапилась въ Парижъ
въ шомъ-же 1807 году, когда прошло время
пользованія водами, и мы ояпшь наслаждались
милою веселоспью ея. У нея возобновились
очаровашельные вечера, на копорые собирались
опличнѣйшіе артисты во Франціи. Принцесса
могла шѣмъ больше оцѣнивать ихъ дарованія,

что сама была свѣдущая и даже ученая въ ихъ искусствѣ. Сколько пріятныхъ часовъ проводили у нея! какъ незамѣтно пролетало время!... Тогда-то сочинила она: *Partant pour la Syrie! Reposez-vous, bons chevaliers*, и множество другихъ романсовъ, которые мы знаемъ и поемъ до сихъ поръ. Королева Горпензія уже не пребуешь ошь насъ лесни, и шеперь можно опкровенно хвалишь *le beau Dunois, le bon Chevalier, les deux Colins*. Ихъ просподукшная прелестъ можешъ принадлежать только истинному дарованію. Я могла-бы напомнишь еще: *En souriant j'ai vu naître l'Aurore*, и тысячу другихъ, пошому что знаю ихъ всѣ, люблю ихъ, пою, и всегда съ новымъ удовольствіемъ.

Въ другіе дни у нея собирались за большимъ круглымъ столомъ. Тамъ бывалъ Жераръ, со своимъ бессмертнымъ карандашемъ; Изабей, кошорому можно подражанъ, но съ кошорымъ не лзя сравнишь; Гарнерей, долго занимавшійся прелеснымъ рисункомъ для альбома, и сдѣлавшій наконецъ рисунокъ комнаты, гдѣ собирались мы. Опъ очаровашельно изобразилъ всѣ подробности, шакъ что въ рисунокѣ его видѣли даже палочки спульевъ, бывшихъ въ комнатѣ, и, между тѣмъ, ни что не было шупъ мѣлко, ничпожно. Но замѣчашельное дарованіе, безъ всякой лесни, господешвовало надъ многими окружавшими его: эшо благородная хозяй-

ка наша, особенно когда она писала порпремены однѣми чершами. Во-первыхъ, работа въ нихъ оплячно хороша, и, сверхъ того, они имѣють очень рѣдкое достоинство удивительнаго сходства. Въ этомъ отношеніи, у Королевы Горпензіи коллекція, единственная въ мірѣ, если полько, во время неожиданныхъ переѣздовъ своихъ, она не ушла ея; а это можетъ быть. Я встрѣчала въ альбомахъ ея лица, которыя вѣрно изумлялись, видя себя одно подлѣ другаго.

Говоря о Королевѣ Горпензіи, я полько указала на особъ, сославшихъ ея Дворъ. Надобно поговорить о немъ подробнѣе. Этошъ Дворъ былъ замѣчательнымъ украшеніемъ посреди огромнаго Императорскаго Двора, и пошому спобилъ особеннаго вниманія.

Почешная Дама, Г-жа Вири, принадлежала къ числу шѣхъ, которыя дали поводъ къ Итальянской пословицѣ :

E tanto buono che non val niente.

Это была шолстая женщина, съ шолшымъ мужемъ, и съ такимъ ужасно безобразнымъ сьномъ, какого полько Богъ посылалъ когда нибудь на нашу планету. Это былъ настоящій Принцъ Фюрибонъ.

Кшо изъ насъ не вспоминаетъ съ испинно грушнымъ чувствомъ о милой молодой жен-

щинѣ, поглощенной бездною, едва-ли на двадцать-пятью году жизни? Кто не помнишь очаровательной Г-жи Брокъ! Никогда образъ ея не представляется мнѣ безъ прележнаго чувства. Я пакъ хорошо знаю мѣсто, гдѣ она погибла!... Я не могу раздѣлить мысли о ней съ мыслию и водопадъ Муленъ, въ Савойскомъ Э, и всегда жалю объ ужасномъ ея жребіи... Женщина сколько добрая, шхая, прелесная, она погибла какъ цвѣтокъ, порывомъ вѣтра унесенный въ пропасть!... Бѣдная молодая женщина!... Но, по крайней мѣрѣ, она избавилась въ жизни одного: она не видала несчастія своего друга, пошому что Королева Горпензія, *хотя и Королева*, имѣла друзей. У нея и шеперь есть они, когда уже слово и взглядъ ея не больше какъ залого дружбы, возвышающей все, пошому что эта дружба идетъ отъ сердца истинно благороднаго. Да, сердце ея храмъ всѣхъ чувствъ нѣжныхъ и правдивыхъ. Я всегда воображала, что если-бы Королева Горпензія царшвовала, какъ регеншица, какъ владѣтельница, ея царшвованіе было-бы одно изъ самыхъ счастливыхъ. Много добраго, что другіе Государи дѣлаютъ вслѣдствіе здоровой полишки, она дѣлала-бы только изъ желанія общаго блага и уваженія къ своимъ обязанностямъ. Она совершенно постигла-бы, что спокойствіе ея народа зависить отъ спокойствія ея души. Я

думаю напримѣръ, что она часно прощала-бы, имѣя силу наказывать; но мщеніе казалось-бы ей удѣломъ души низкой, испорченной. Говоря объ эпозѣ, я должна помѣснись здѣсь слова, сказанна Императоромъ одному человѣку, который пользовался особенною его довѣренностію и повпорилъ мнѣ ихъ съ недѣлю назадъ. Эпозъ человѣкъ имѣлъ большое управленіе, и принесъ однажды Императору списокъ семнадцати именъ, которыхъ могли превозмочь Наполеона, пошому что принадлежали людямъ важнымъ по своему общественному положенію и богатству, и сославившимъ заговоръ, но шакъ неискусно, что всѣ ихъ дѣйствія были извѣсны при самомъ началѣ. Императоръ улыбнулся и пожалъ плечами. Онъ готовился къ отпѣзду въ Ваграмскій походъ, и внутреннее состояніе Франціи, хотя еще спокойное, могло однакожъ занимать его.

— Что угодно будетъ приказать Вашему Величеству объ эпозѣ дѣлѣ? спросили у него.

« Ничего.

Спрашивавшій поглядѣлъ на него съ изумленнымъ видомъ. Онъ поднесъ ему списокъ; Императоръ повпорилъ, улыбаясь :

« Совершенно ничего, милый Графъ. Я наказываю своихъ враговъ только въ шакомъ случаѣ, когда они посшутками своими пропившяся

добрѣ, которое хочу я имъ сдѣлать. Особенно за это, а не за то что они провинялись мнѣ, я наказываю ихъ. Да, я меньше Корсиканецъ, нежели думаютъ.

Эти слова узнала я нѣсколько дней назадъ. Они кажутся мнѣ превосходны. Тотъ, кто слышалъ и пересказалъ ихъ мнѣ, долго разговаривалъ со мной о взглядѣ Наполеона на окружающихъ его. Онъ чрезвычайно различалъ своихъ друзей отъ шѣхъ, кого награждалъ только за услуги. Онъ былъ гораздо меньше привязанъ къ нимъ, меньше благосклоненъ, но часто награждалъ ихъ щедро. *Фаворитство* не было въ употребленіи при его царствованіи, и рѣдко перевѣшивало оно истинное достоинство. Онъ оказывалъ милости шѣмъ кого любилъ, напримеръ Жюно, Дюроку, Ланну, и многимъ другимъ. И когда эти самые друзья заслуживали высокія награды, онъ осыпалъ ихъ ими. Но эти люди были столпы государства, служа ему перомъ или шпагою, жертвуя здоровьемъ въ кабинетныхъ трудахъ, или проливая за него кровь въ сраженіи. Все это казалось какъ-бы ихъ обязанностью.

Императоръ любилъ порядокъ. Всякій мѣсяцъ Г. Эспевъ подавалъ ему счетъ его часной казны и общую финансовую роспись его дома. Часто бывали сбереженія. Тогда Императоръ дѣлалъ списокъ и награждалъ главнѣйшихъ сво-

ихъ генераловъ. Многіе были молоды, любили удовольствія, можетъ быть даже пышность, и почему-бы не такъ? Роскошная и нѣсколько сибаритская жизнь казалась имъ вдвое сладостнѣе послѣ цѣлыхъ годовъ, проведенныхъ подъ шашромъ, среди песковъ пропическихъ или въ грязяхъ Польши, въ снѣгахъ Сибири, на скалахъ Испаніи. Глядя на прекрасные бархатные занавѣсы съ золотыми кистями, которые укрывали голову, руки, изъязвленные глубокими ранами, и грудь, изрубленную непріятельскимъ желѣзомъ, человекъ, наслаждавшійся эпою роскошною жизнью, повпорялъ себѣ:

— Этимъ обязанъ я моею храбрости, моимъ благороднымъ подвигамъ! — Такъ могли говорить многіе изъ военачальниковъ Наполеоновыхъ: Жюно, Ланнъ, Раппъ, Мармонъ, Бессьеръ, Дюрокъ, и множество другихъ, которыхъ долго было-бы именованъ всѣхъ. Они составляли прекрасный списокъ преданныхъ главъ Наполеоновской династіи. Императоръ превосходно понималъ этихъ людей, проливавшихъ свою кровь за опечесство, потому что какъ ни велика была привязанность ихъ къ нему, Франція всегда оставалась величайшимъ и первымъ двигателемъ ихъ въ этихъ благородныхъ пожертвованіяхъ. Императоръ зналъ, что надобно осыпать наградами того, кто отдаетъ свою жизнь. Человекъ, который умѣлъ *основывать*,

зналъ, что самый дорогой шоваръ, если-бы можно было покупать его — руки, ноги, и все шло. На такой шоваръ трудно назначить шариף. Надобно по крайней мѣрѣ какое нибудь вознагражденіе, и пошому-то онъ не жалѣлъ милоспей для вѣрныхъ, храбрыхъ людей, окружавшихъ шронъ, копорый руки ихъ должны были поддерживать всегда... Но, не смопря на всю недовѣрчивость къ человѣческой природѣ, онъ еще обманулся въ своихъ печальныхъ и подозрительныхъ предвидѣніяхъ!... Недавно я узнала, что при каждомъсячномъ раздѣлѣ суммъ, Удино, Генераль Рейнской арміи, хотя не имѣлъ передъ Императоромъ такихъ правъ, какъ его вѣрные, однако получалъ по осьми и по десяти тысячамъ франковъ каждый мѣсяць, и очень долгое время. Но это *не долго* оснавалось въ памяти Маршала: по крайней мѣрѣ я имѣю причины такъ думать.

Конечно Императоръ говорилъ о Маршалѣ Удино такъ-же какъ о моемъ мужѣ; конечно о немъ онъ размышлялъ такъ-же обидно какъ о Жюно, по словамъ Г-на Ласказеса. Для чего-же не передали намъ этихъ сужденій? Довольно смѣшно, что я могу сказать причину.

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, я шила коверъ, въ своемъ кабинетѣ, и подлѣ меня сидѣла одна знакомая моя, женщина очень спарая, но чрезвычайна умная, и самая пріятная въ своихъ

разказахъ. Эпо наспоющій фейерверкъ, но съ удивительнымъ разнообразіемъ цвѣтновъ. Послушавъ ее, значить провеспи веселый часъ въ жизни. Эпа женщина Графиня Гоцуль, лишне-рашурное имя нашего времени.

Мы не разговаривали больше; мы смѣялись. Я ошдыхала, перебирая въ головѣ своей множесиво испорій, рассказанныхъ ею мнѣ, и смѣшныхъ одна больше другой. Игла моя ходила вверхъ и внизъ. Собесѣдница, мигая глядѣла на меня, и погрузившись въ мягкую бержерку, покачивала маленькой ногой своей, всегда хорошо обушой и напоминающей ногу шеспи-лѣшняго дипяпи. Вдругъ, глядя на меня, она сказала:

— Развѣ вы не будете ошвѣчашъ *ему*?

« Кому?

— Ну, эшому Ласказесу.

Мы не произнесли имени его во весь вечеръ; но мы довольно часшо говаривали о немъ, такъ что я шопчасъ поняла всю ея мысль. И вошъ выгода разговаривашъ съ умными людьми.... Но кшо-же и спанешъ разговаривашъ съ дураками?

— Кшо?

— Да.

— Но, я первая.... къ вѣчному моему сожалѣнію, эшо случается со мной каждый день.... я сержусь.... бранюсь на собсшвенную свою глу-

поспѣ , и на другой день начинается прежнее. Это та-же исторія чпо съ обольщеніями : шепрешь одно, ихъ замѣняютъ десяпъ.

Но говоря съ Г-жею Гопуль, я не могла упрекать себя въ этомъ, пошому чшо она конечно самая любезная , веселая женщина.

—О, конечно—сказала я ей—буду ошвѣчать. Но понимаете-ли вы эту злобу противъ моего мужа? Онъ украсилъ насъ славой, меня и моего мужа , пожеривовавши , а не посвятивши намъ главу съ нашимъ именемъ. Кпò этопъ чело-вѣкъ? вы знаете его?

«О, конечно.... Но какъ вы не знаете его , вы?

—Сообразите , моя милая , чшо при Дворѣ было спо камергеровъ ; это были планешы нисшаго разряда (говорю это не для шого , чшобы сказать глупоспъ : умные люди поймушъ меня). Чшо-же удивительнаго , если я не знала Г-на Ласказеса, кошорый совѣмъ не принадлежалъ къ моему общесшву, и не былъ знакомъ во дворцѣ ни съ кѣмъ , какъ онъ говоритъ самъ , не смощра на свою удивительную суешноспъ. Но шѣмъ больше я удивляюсь его ненависши къ Жюно.

«Ахъ, моя милая, онъ былъ вашъ деревенскій сосѣдъ , и даже очень долго.

—Онъ! Г. Ласказесъ?

«Онъ самъ.

— Боже мой! но гдѣ-же?

« Въ Біеврѣ. Вѣдь подлѣ васъ былъ домъ Г-на Шамиллы? »

— Именно.

« Была Г-жа Моннессонъ, въ большомъ Біеврскомъ замкѣ? »

— Да; но все это не Г. Ласказесь.

« Поспойше, мы дойдемъ и до него. Помните-ли вы Англичанку, Леди Кла***, кошорая наняла замокъ Г-жи Моннессонъ? »

— Безъ сомнѣнія, и по причинѣ самой вѣрной или лучше сказано дурной.

« Но за что вамъ было ссориться съ эпою Анжерскою *Помоною*? »

Я взглянула на мою спарую знакомую съ изумленіемъ.

« Конечно *Анжерскою Помоною*. У мапери ея были удивительные фрукпы въ саду, кошорые она уступала своимъ знакомымъ. Ну, поняли вы? »

— Совершенно. Но я ничего не понимаю шунъ о Г-нѣ Ласказесь.

« Г. Ласказесь зналъ Леди Кла... въ Англии. Она была къ нему добра, какъ не лъзя больше; она привезла его во Францію, и.... »

— Ахъ, Боже мой! что вы говорите? — вскричала я вскочивши такъ поспѣшно, что едва не опрокинула свою рабошу, лампу и споль.

Старая знакомая подумала, не сошла-ли я съ ума.

— Какъ? вы говорите, что Г. Ласказеъ другъ Г-жи Кла... О, шакъ вошь изъясненіе всего шайнаго въ Дневникъ Св. Елены.

«А!... а!...

Г-жа Гопуль закричала въ свою очередь и начала хохотать.

«Да, шакъ вошь почему Герцогъ Абранпешъ путешествуеетъ не иначе какъ съ подставными лошадьми, вошь почему слова о немъ шакъ горьки!... Какъ-же вы не сказали мнѣ объ этомъ ничего?»

— Слишкомъ много было-бы знакомить васъ со *всеми моими родственницами*, потому что шакъ я называю этихъ дамъ, знакомыхъ Жюно.

«Но мы поговоримъ объ этой *кузинѣ*, не правда-ли?»

— Нѣтъ; изъ нихъ были и пріятныя, а она слишкомъ скучна.

Теперь задвинемъ этотъ ящикъ и обратимся къ Королевѣ Горпензи.

Послѣ Г-жи Брокъ, урожденной дѣвицы Огье, которой сестры были супруга Маршала Нея и Графиня Сезаръ Делавиль, при Королевѣ находилась еще одна придворная дама, прелестная Г-жа Вилльнёвъ, дочь знаменитаго Графа Гибера, извѣстнаго шакшикой, дурной шрагедіей Коннешабль Бурбонъ, и описаннаго дѣви-

цей Леспинассъ, копорая изображаетъ его чело-
 вѣкомъ самымъ замѣчательнымъ по уму и об-
 ращенію, когда было такъ много людей въ
 въ эпому родѣ. Дочь наслѣдовала опъ своего
 опца по очарованіе, копорое поражало дѣви-
 цу Леспинассъ. Я находила ее очень пріятною:
 она была не высока ростомъ, совершенно
 спройна, съ черными правильными, съ пре-
 красными черными глазами, съ красивыми бѣ-
 лыми зубами, и все это было еще украшено
 пріятностью и ловкостью. Я любила Г-жу Вилль-
 нѣвъ. Мужъ ея, Г. Рене-Вилльнѣвъ, бывшій Ка-
 мергеромъ Королевы, превосходенъ въ обра-
 щеніи, хорошо говоритъ и можешъ назвашья
 совершенно свѣтскимъ челоѣкомъ. Безъ та-
 кихъ людей, жизнь въ обществѣ была-бы скуч-
 на и даже нягоспна. Г. Вилльнѣвъ владѣешъ
 помѣшьемъ Шанонсо, гдѣ сполько рыцарскихъ
 воспоминаній (*).

Еще была одна знатная дама, Г-жа А.....нѣ.
 Она производила на меня всегда впечатлѣніе
 удивительное, и я очень желала-бы узнать,
 что было причиной тому. Это истинно пре-
 красная женщина, и, казалось-бы, все должно

(*). Не такъ важно, но замѣчательно, что Графиня
 Гиберъ вышла въ другой разъ за мужъ за челоѣка
 довольно извѣснаго. Это *Барреръ*!!

бышь въ ней привлекательнымъ. Она высокаго роста, стройна, и развѣ только въ зломъ расположеніи не скажешь о ней, что она очень красива. Но никто не османившись взглянуть на нее. Общій другъ обѣихъ насъ всегда говорилъ мнѣ много хорошаго о ея сердцѣ и умѣ. Пусть-же объясняшь мнѣ, отъ чего я дѣлалась печальна, какъ скоро видѣла Г-жу А....нѣ? Она внушала мнѣ чувство какой-то боязливой печали. Спранно. Но не меньше спранно, что Г-жа А.....нѣ производила такое впечатлѣніе на всѣхъ. Отъ чего это? спрашивала я однажды у Маркизы Куаньи, которая рассказывала мнѣ, что Г-жа А....нѣ произвела на нее точно такое впечатлѣніе. «Отъ того, объясчала она, что Г-жа А.....нѣ всегда какъ будто *поѣла слишкомъ горячаго супу*.

Это засшавило меня разсмѣяться, не смотря на шоржественное присущество Г-жи А....нѣ; а кажется онѣ были друзья съ Г-жею Куаньи.

Двѣ другія дамы находились при молодыхъ Принцахъ: это Г-жа Бушпорнѣ и Г-жа Буберъ. Первая изъ нихъ была самая хорошенькая при Дворѣ. Особенно шаква была она одно время, но крашкое, какъ для жизни розы. Тогда была она очаровательна. Это свѣжестъ шѣхъ бѣлыхъ розъ, у которыхъ сердце съ розовымъ опшѣнкомъ, а лиснья шакъ свѣжи и зелены вокругъ цвѣшка. Радосшно было даже гля-

дѣшъ на нее. Я ни у кого не видывала такихъ волосовъ , какіе были у нея. Я и знала Г-жу Бушпорнъ шолько у Королевы Горшензиі ; ни гдѣ въ другомъ мѣспѣ я не видала ея , и развѣ шолько иногда , по службѣ , пріѣзжала она во дворець , провожая молодаго Принца къ его дядѣ. Не помню , чшобы я когда нибудъ видѣла ее въ кадрили. Казалось , что мужъ ея боялся придворнаго воздуха для лица смоль прекраснаго и дѣвственнаго. Эшо прелесное и вѣрно доброе сущесшво. Невозможно чшобы подъ эшою оболочкою была злая душа.

Г-жа Буберъ , гувернанпка молодыхъ Принцевъ , была совершенная пропивуположеніе Г-жи Бушпорнъ. О , конечно она самая добродѣшельная , самая почтенная изъ женщинъ. Но лицо ея , какъ у всѣхъ дѣвиць Фоларъ , было украшено носомъ.... Какой носъ!... длина , ширина , глубина , въ немъ было все. Богъ да простишь меня , но я думаю , что , передъ ея роженіемъ , ошець думалъ о какомъ нибудъ басшіонѣ , потому что она была дочь Кавалера Фолара , знаменишаго спрашегика. Въ лицѣ ея все казалось сообразно эшому носу ; она вся была непріятна. Но эшо вознаграждала рѣдка , удивительная доброта ея , всѣ добродѣшели , всѣ совершенсшва души. Впрочемъ , я не знаю , точно-ли все эшо было въ ней ; но вѣрояшно было. Я достовѣрно знаю въ ней

полюко одно : эшо ея носъ , кошорый она носилъ всегда поднявши, опъ чего онъ ни сколько не уменьшаепся.

Королева Горшензія имѣла при себѣ *гтницу*, не прекрасную, но кошорая нравилась своимъ характеромъ, и я любила ее, пошому что она была оспроумна, вѣжлива и всегда весела. Три качеспва, для меня самыя дошойныя уваженія. Эшо дѣвица Кошеле, нынѣшняя Г-жа Паркинсъ, невѣспика знаменишого адвокаша шого-же имени. Она доказала вполсѣдствіи свое доброе сердце и свою признательность. Такихъ людей надобно знать и любить (*).

Мужчины, принадлежавшіе ко Двору Королевы Горшензіи, были шакже очень хороши. Я думаю, что Королева сама управляла выборами Императора, и у нея все было какъ должно. Какая разница съ придворными шпашами всѣхъ другихъ Принцессъ!

Говоря о спранныхъ наружноспяхъ, о носѣ Г-жи Буберъ и особенно о шолщинѣ Г-жи Вирри, я вспомнила маленькое приключеніе, кошорое случилось почти въ эшо самое время. Надобно сохранишь его.

(*) Г-жа Паркинсъ обладаетъ шеперь замкомъ Вольфбергомъ, подлѣ Аріенберга, гдѣ живала Королева Горшензія. Эшо мѣсто очень извѣспно.

Всѣ знаютъ Г-на Роланда де Вил....., самаго оспроумнаго, пріятнаго человѣка, какимъ полько можешь быть Французъ. Но я хочу говорить не о немъ, а о сесирѣ его, пажке очень оспроумной женщиѣ, но испинно спрашной своими огромными размѣрами. Я думаю, она и сама не знала своего вѣса, пошому что никогда не осмѣлилась-бы свѣсипь себя. Впрочемъ, на эшомъ пѣлѣ была испинно прекрасная голова, съ самыми пріятными чертами лица.

Дѣвица Аглая Вил..... вышла за мужъ очень поздно. Она была, что называется, *старая дѣвушка*, хотя вышедши за мужъ не сдѣлалась спарою женщиною. На ней женился храбрый и почтенный человѣкъ, Генераль Левавассёръ, очень уважаемый въ арміи, и досшойный шакой жены какъ она, испинно замѣчательная дочь, сестра и другъ. Но для сходсипва во всемъ, мужъ ея былъ пажке чрезвычайно полспъ, и эшо было для нихъ даже неудобно.... Но эшо не мѣшало имъ жипь счастливо. Они любили другъ друга и Г-жа Левавассёръ умѣла обходипься съ своимъ полспымъ мужемъ..... Однажды Генераль Левавассёръ былъ посланъ въ сѣверныя обласпи, кажешся въ Нанси; но имя города не значипь шупъ ничего. Онъ оставался шамъ нѣсколько времени, и, казалось, былъ спокоенъ, не худѣлъ, хотя былъ одинъ, пошому что Г-жа Левавассёръ оставалась до-

ма. Однажды, онъ попотребовалъ почтовыхъ лошадей, говоря, что у него чрезвычайно важное дѣло, пребывающее присущствіи въ министерствѣ. Онъ велѣлъ заложить чепырехъ лошадей въ небольшую коляску, и отправился въ Парижъ, обѣщая три и даже шесть франковъ на водку почтальонамъ, если они поѣдутъ хорошо. Изумленный эпимъ внезапнымъ отъѣздомъ, старшій Адьюшаннъ его спрашивалъ :

— Развѣ вы ѣдете одни, Генераль ?

« Да, да, прощайте ; заботьтесь здѣсь обо всемъ и пущайте меня ѣхать. Я везу въ Парижъ счастье міра.

Онъ отправился и оставилъ своего Адьюшанна въ отѣмѣніи. Покачавши головой, Адьюшаннъ возвратился къ себѣ, и думалъ, не потерялъ-ли голову его Генераль.

Но пошъ капился по Парижской дорогѣ какъ шаръ. Онъ пріѣхалъ по своему расчету, что довольно спранно : онъ *разсчитывалъ*, и пріѣхалъ въ Парижъ на предній день, въ два часа пополудни. Но онъ узнаетъ, что Императора нѣтъ въ Тюльери : онъ въ Сенъ-Клу.

— Ахъ, Боже мой, какое несчастіе !— вскричалъ онъ. — Я привезъ ему извѣстіе объ окончательномъ мирѣ съ Англіею. Трактатъ наконецъ подписанъ, шесть дней назадъ ; я получилъ его изъ собственныхъ рукъ Перваго Министра, пошчасъ бросился въ почтовую шѣлежку, при-

скакалъ въ Дувръ, нашелъ приготоовленный для меня пакетбошъ, и вошъ я съ вами. Шессть дней какъ я не ложился въ постель, друзья мои!

Все это говорилось въ большихъ сѣняхъ въ Тюльери, куда сбѣжалась толпа. Тушъ были и нѣкопорые офицеры: они видѣли Дивизионнаго Генерала, Командора Почетнаго Легіона, извѣснаго многимъ изъ нихъ, подходили къ нему и слышали подтвержденіе извѣстія. Въ одну минушу весь садъ огласился криками радости и шопчасъ опуснѣлъ, пошому чшо каждый спѣшилъ съ счасливою новоснію. Биржа не была заперта, и вѣрояпно шамъ узнали объ эшомъ не позже чѣмъ въ другихъ мѣспахъ.

Дюрокъ находился съ Императоромъ. Никшо не могъ судишь, много-ли испины въ эшомъ извѣстіи.

—И я долженъ сію-же минушу ѣхашъ къ Императору — сказалъ Генераль одному изъ придворныхъ.— Велише мнѣ дашь лошадей.

Извѣсно съ какою шочноснію все было успроено при Дворѣ во время Имперіи. Придворный подумалъ, прежде другихъ, чшо Генераль-курьеръ сошелъ съ ума.

« О, если только въ эшомъ оспановка, » сказалъ почпальонъ, « по я повезу васъ въ Сень-Клу, хопъ-бы оспашься на шессть мѣся-

цевъ пѣшкомъ!... Миръ! Чоршъ возьми! миръ....
О, мнѣ заплашашъ за эшо Англичане, кошорыхъ
я буду возишь.

— Ты славный малый—сказаль Генераль, почи прослезившись.—Ну, сшегай своихъ лошадокъ и поѣдемъ. Да здравспвуетъ Императоръ, дѣши мои!—Да, да!... да здравспвуетъ Императоръ! вскричали всѣ окружающіе коляску.

Генераль прѣхаль въ Сень-Клу; новое несчасіе: день былъ прекрасный, Императоръ опшправился въ Мальмезонъ съ Императрицею!

— Спупай въ Мальмезонъ! — закричаль Генераль, начиная выходишь изъ перифнїа опъ преняшпшвїй на всякомъ шагу.

Но лошади, уже загоненныя, не выдержали эшого. Онѣ сдѣлали еще половину льѣ и одна изъ чешырехъ пала посреди дороги.

«Чоршъ возьми!» сказалъ почпальонъ. «Да здравспвуетъ Императоръ, да здравспвуетъ миръ! Но лошадь моя пала!... Чшѣ мнѣ дѣлашь?

— Молчи, крикунъ! Велика важность швол лошадь.... Можно-ли говоришь о клячѣ, когда меня ожидаешъ Императоръ, когда онъ въ безпокойспвѣ!... Ахъ, Боже мой, Боже мой!

Въ эшу самую минушу по дорогѣ пробѣжала кареша. Генераль побѣжалъ къ ней и остановиль

кучера. Въ каретѣ сидѣла только одна дама, со своею горничною. Генераль подошелъ къ дверцѣ, ошворилъ ее и просянулъ руку къ дамѣ, кошорая вообразила, что разбойники переодѣваются Генералами и оспанавливаютъ на большой дорогѣ.

— Сударыня!—вѣжливо сказалъ полспый человекъ.—Я Дивизионный Генераль Левавассёръ, Начальникъ седьмой военной дивизіи. Его Величество Императоръ удостоилъ меня послать въ Англію, за окончательнымъ рѣшеніемъ Сентъ-Джемскаго Кабинета. Я былъ шакъ счасливъ, что убѣдилъ Минисперство, потому что дѣло шло уже объ одномъ, очень неважномъ пунктѣ. Я везу извѣстіе объ окончательномъ мирѣ. Вотъ пракшашъ, подписанный Фоксомъ.

Онъ вынулъ изъ кармана огромный пакетъ съ бумагами.

«Вы везете мирный пракшашъ!» вскричала дама. «Боже мой! Какое счасіе, какая радость для всей Европы, для всего міра! . . . Но что я могу сдѣлать для васъ?»

— Лошади не везутъ меня больше, сударыня. Одна пала, другія, кажется, *не хотятъ ѣхать дальше. . . .* Но я знаю что надобно дѣлать.... я....

Дама не ожидала продолженія рѣчи, кошорая, можешъ бышь, сдѣлала-бы ее не сколько обязательною. Она вышла изъ кареты, велѣла впрячь

двухъ лошадей своихъ въ коляску Генерала, взяла прехъ почповыхъ лошадей для возвращенія въ Сень-Клу, и велѣла своему кучеру пошчасъ прїѣхать къ ней, когда онъ отвезетъ Генерала въ Мальмезонъ: она была рада, что могла услужить ему. По спранныму случаю, эта дама была изъ Бордо, и въ погребахъ ея хранилось на двѣсти тысячъ франковъ винъ.

Прїѣхавши въ Мальмезонъ, бѣдный Генераль, можно сказать обожаешь Императора, почувствовалъ слезы въ глазахъ своихъ.

— Миръ, друзья мои, миръ!... гдѣ Императоръ?

Онъ вошелъ въ гостиную, подлѣ билиардной залы: тамъ Императрица слушала Раппа, который, напрошивъ, извѣщалъ о военныхъ новостяхъ. Генераль Левассеръ почти упалъ къ ней въ ноги.

— Миръ, Государыня, миръ!... Но гдѣ нашъ благодѣтельный монархъ?

Императоръ былъ въ галереѣ съ Архи-Канцлеромъ. Услышавши слово миръ, онъ прервалъ разговоръ, начавшій о какомъ-то важномъ предметѣ, ославилъ Архи-Канцлера и быспро вышелъ къ Генералу, который вскричалъ увидѣвши его:—Ахъ, Государь, наконецъ я вижу васъ! Я привезъ миръ: вотъ онъ. — Онъ вынулъ изъ своего кармана множество бумагъ, которые казались ему пражашомъ.

— Вошь , Государь , миръ... какой Ваше Величество приказали мнѣ заключить.

Изумленіе Наполеона , говоряшь , было невыразимо. Въ самомъ дѣлѣ , какъ ни привыкъ онъ не оспаваться врасплохъ , но это нападеніе было слишкомъ необыкновенно. Онъ однакожь пошчасъ оправился , пошому что увидѣлъ естешвенную причину этого пошунка. Онъ зналъ и уважалъ Генерала Левавассѣра. Первое чувство заспавило его улыбнутья ; пошомъ , онъ приблизился къ храброму человѣку и сказалъ ему :

« Мой бѣдный Левавассѣръ ! Я думаю , что этоишь миръ выражаешся шеперь новыми пушечными выспрѣлами въ Ламаншскомъ проливѣ .

Генераль сначала поглядѣлъ на него , какъ будшо спараясь лучше понять шо , что услышалъ ; пошомъ онъ покачалъ слегка головой , какъ человѣкъ увѣренный въ своемъ дѣлѣ , и подвинувшись къ Имперашору , сказалъ съ дѣшскою радостью :

— Да , да , миръ подписанъ... но Вашему Величеству не о чемъ забошиться , если эти безумные Англичане не захошяшь сдержашь своего обѣщанія... о , мы будемъ драшья , и это поидешъ хорошо , пошому что жена моя родила вчера двадцашь чешыре тысячъ плашнѣ .

Какъ ни желалъ Императоръ сохранить хладнокровіе , но въ эпоху разъ не было никакого средства. Онъ захохоталъ , нѣмъ удерживаемымъ смѣхомъ , который похожъ на смѣхъ чревоущипелей. Но это на одну секунду. Тотчасъ прибавилъ онъ довольно серьезно :

« Жена ваша конечно упомянута такими prudentными родами, любезный Генераль; надобно позаболиться о ней. Вы сообщите мнѣ о ней извѣстія.

Онъ сдѣлалъ знакъ дежурному Адъютанту: Генерала окружили, шихо, но *окружили*, и крѣпкая карета перевезла его въ Парижъ, въ больницу. Когда онъ былъ шамъ, объ этомъ извѣстили его семейство. Замѣчательно, что никогда не лзя было пустить ему кровь, или посадить его въ ванну, не приказавши этого именемъ Императора.

— Императоръ приказалъ—говорили ему, и онъ дѣлался послушенъ и позволялъ медикамъ все что было нужно. Онъ спрдалъ не долго. Это былъ истинно почтенный и достойный уваженія человекъ. Жена его, какъ я говорила, также любезная и почтенная женщина.

Это приключеніе, смѣшное, если-бы не такъ печально было его окончаніе, дало поводъ ко множеству происшествій, больше или меньше важныхъ. На Парижской биржѣ оказались все-

ма важныя послѣдствія. Императоръ никогда не любилъ биржевыхъ движеній, и утверждалъ, что всё, кто наживаетъ шашъ богатства, только обманываютъ другихъ. Тѣмъ больше раздражило его это приключеніе, гдѣ самъ онъ казался въ кумовствѣ. Онъ не могъ, сохраняя свое достоинство, обличать все, что говорилось. Долго эта исторія приводила его въ гнѣвъ, а прошивныя партіи рассказывали ее по своему и прибавляли все, что могло сдѣлать смѣшною партію Императорскую. Но это была тогда самая многочисленная и почти единственная во Франціи, такъ что едва замѣчали ее прошивниковъ. Однакожь, я часно видѣла, какъ бывалъ чувствительнъ Императоръ къ такимъ нападеніямъ.

Глава V.

Продолженіе похода въ 1807 году. — Пуля пролетаетъ подлѣ уха Императора. — Слова Наполеона Маршалу Ланну. — Русскіе солдаты мужественны. — Фридландъ. — Императоръ подлѣ деревомъ. — Крестыанскій хлѣбъ. — *Онъ хорошъ*. — Раздѣлъ славы. — Маршалъ Ней, испинно *храбрый изъ храбрыхъ*. — Переодѣваніе на полѣ битвы. — Г. Гро. — Вдова солдаша. — Леонаръ Бондѣ. — Умершій живой. — Бѣдная мать. — Сирота. — Леонаръ Бондѣ, придавленный мертвымъ. — Пльнникъ, садовникъ, влюбленный и мужъ. — Русскіе съ бородами. — Возвращеніе во Францію. — Печаль и сумасшествіе.

Походъ въ 1807 году продолжался блистательно. Императоръ лично пошелъ на Гутшпапъ, съ Маршалами Ланномъ и Неемъ, и взялъ городъ, послѣ жестокаго сопротивленія непріятелей. Въ эпомъ дѣлѣ, одна пуля пролетѣла шакъ близко подлѣ его уха, что опъ, можно сказаць, слышалъ ея свисѣть. Когда Дюрокъ сказалъ намъ эшо, я вскрикнула, но онъ замѣшилъ, что ничего нѣтъ рѣдкаго въ эномъ: Императоръ часно ошваживалъ свою жизнь. О

положеніи Императора въ арміи Дюрокъ разсказывалъ мнѣ шакія подробности, что удивленіе мое къ Наполеону конечно увеличилосьбы, если-бъ это было возможно. Жюно почти шакъ-же предсшавлялъ мнѣ его въ Итальянской арміи, но я воображала Императора не похожимъ на Главнокомандующаго Итальянской арміи, и ошибалась. Онъ былъ почти шопъ-же человекъ: онъ зналъ людей, и умѣлъ господствовать надъ ними; зналъ, что блескъ храбрости особенно необходимъ для побѣды Французамъ.

Въ Польшѣ сражались каждый день. Сраженіе Деппенское слѣдовало за Гушишанскимъ; послѣ него было сраженіе Гейльсбергское, гдѣ мы потеряли ужасное число людей. Особенно офицеры и Генералы потерпѣли въ немъ; а это почти всегда показывается, что солдаты дерутся неохотно. Императоръ сказалъ замѣчательныя слова, въ этотъ истинно гибельный для нашихъ войскъ день, когда мы приобрѣли только безплодную честь, завоевавши поле битвы шагъ за шагомъ, и шо по шрупамъ Французовъ, можешь быть гораздо больше нежели по шрупамъ своихъ непріятелей. Маршалъ Ланнъ находился подлѣ Императора въ самую кришическую минуту дня, и замѣнилъ Наполеону, что Рускіе совершенно перемѣнили образъ поспрое-

ній своихъ, и, въ свою очередь, умѣяющъ дѣйствовать артиллерією, поному чино, какъ видно, въ эпошъ день они поражали насъ своимъ огнемъ и держались въ укрѣпленіяхъ.

— Они дѣлаются лучше — сказалъ Маршалъ Ланнъ.

« Да, » отвѣчалъ Императоръ, « мы даемъ имъ уроки, и скоро они будутъ нашими учителями. »

Сраженіе подъ Гейльсбергомъ было не за много дней до знаменитой битвы Фридландской. Здѣсь кшапи замѣнили неизмѣримую разницу въ войскахъ, съ кошорыми сражались мы. Въ двадцать дней мы завоевали Пруссію. Рускіе, напрошивъ, были достойными противниками нашими, и побѣды наши, совсѣмъ нерѣшишельныя, имѣли по почепное преимущество, что успѣхи оспаривали у насъ мужеспвенно. Фридландъ шолько въ восьми лѣ ошъ Прейсшъ-Эйлау, на Алѣ, впадающей въ Прегель, и въ пинадцати лѣ ошъ Кенигсберга. Такимъ образомъ, съ 8-го Февраля, дня кроваваго дѣла Эйлаускаго, до 14-го Юня, дня битвы Фридландской, мы могли завоевать шолько малое пространство, въ чепыре мѣсяца съ половиной!... И шущъ еще Рускіе могли оспаривать у насъ нѣкошорья побѣды, хоня мы починали ижъ

рѣшипельными и шеряли въ нихъ множесшво людей. Рускіе защищались какъ мужесшвенные солдапы, и какъ люди, рѣшившіесе допусшпшь насъ на свою землю шолько черезъ послѣдняго война, кошорый падешь на границѣ. И когда, послѣ шакой превосходной защиты, видимъ пожаръ Москвы, шо можемъ сказашь, что Русскій народъ предвѣщаепшь себѣ великую судьбу.

Можно замѣшпшь, что Фридландская бипва была 14 го Іюня, день въ день чрезъ семь лѣпшь послѣ Маренгской (14-го Іюня 1800). Тогда сблпженія дней были знаменпшы для насъ. Фридландское дѣло шѣмъ больше радовало Наполеона, что при Эйлау досшалась неприятелямъ большая часпшь славы.... Да, надобно говорить ошкровенно, и не скрываешь извѣспныхъ истинъ. При Эйлау, Имперашоръ не могъ сказашь: я побѣдилъ; но подѣ Фридландомъ побѣда рѣшипельно возврашплась къ своему любимцу. Пошому-то Наполеонъ, въ продолженіе этого дѣла, какъ рассказывали мнѣ шѣ изъ моихъ друзей, кошорые не оставляли его во весь день, былъ веселъ и радосенъ, шакъ, что не могъ скрпшь этого, не смотря на желаніе сохранишь свое *царское достоинство*. Это даже поразило окружавшихъ его, пошому что въ немъ рѣдко видали веселое выраженіе, зависящее ошъ характера веселаго по природѣ. Во

время Фридландскаго дѣла, Императоръ стоялъ на возвышеніи передъ одною фермою. Опшуда обозрѣвалъ онъ обѣ арміи и могъ видѣть все. Успѣхъ предначертаній его, какъ видно, сдѣлалъ его сколько радостнымъ, что онъ вздумалъ дурачиться и говоритъ много смѣшнаго. Онъ былъ голоденъ и попросилъ хлѣба и вина Шамбершенъ.

« Но я хочу хлѣба здѣшняго! » вскричалъ онъ.

Онъ споялъ передъ домомъ мѣльника, и велѣлъ принести себѣ хлѣба пошчасъ; но этого не смѣли сдѣлать вдругъ, потому что хлѣбъ пашоннаго кресстьянина, ржаной, съ опрубями и соломой, дуренъ во всѣхъ отношеніяхъ. Но онъ претовалъ непретбно, говоря:

« Вѣдь солдапы ѣдятъ-же его? »

Когда ему принесли кусокъ этого хлѣба, онъ копорого мы убѣжали-бы, онъ началъ грызть его своими жемчужными зубами. За то, когда солдапы узнали, что любимый полководецъ ихъ ѣлъ солдашскій хлѣбъ и нашелъ его хорошимъ, кто изъ нихъ осмѣлился-бы жаловаться?

Подъ Фридландомъ, Викпоръ, копорого называли солдапы *Прекраснымъ Солнцемъ*, въ первый разъ опличился какъ начальникъ корпуса. Бернадоттъ, раненый за недѣлю передъ шѣмъ, въ сраженіи подъ Шпанденомъ, оспа-

вилъ свой корпусъ безъ главнаго начальника, и Викторъ замѣнилъ его. Но всего больше способствовалъ успѣху битвы Маршалъ Ней.

« Вы не можете представить себѣ, писалъ Бертье къ Архи-Канцлеру, блистательнаго мужества Маршала Ней. Это почитуется баснословіемъ, потому что объ этомъ чинили только про рыцарей. Всего больше ему обязаны успѣхами этого достопамятнаго дня.

Всѣ письма, какія получалъ Жюно, говорили, что никогда еще войска наши не бывали въ такой ужасной битвѣ. Все упрое прошло *съ переговорахъ со смертію*, но къ вечеру, около чешырехъ часовъ, бой сдѣлался убійственъ и кровавъ до такой степени, что самые рѣшительные люди ужасались. Тридцати пушечная батарея, подъ начальствомъ Генерала Сенармона, посланная передъ нашими колоннами, выхватывала цѣлыя ряды непріятелей, и къ вечеру они, свернувшись въ густыя колонны, спустились на правый берегъ Алле.

У насъ въ Ренси жила вдова одного солдата, который вмѣстѣ съ Жюно сражался подъ Назаретомъ, *въ числѣ трехъ сотъ храбрыхъ*, и возвратился умереть подъ Аусшерлицомъ. Жюно любилъ какъ брата всѣхъ, сражавшихся съ нимъ въ блистательномъ дѣлѣ подъ Назаретомъ, и жена этого солдата не

напрасно пришла въ домъ своего Генерала просить помощи, пошому что пенсія была недоспашочна для содержанія ея самой, десятишлѣшней дочери ея, рожденной въ Египтѣ, красавицы, какихъ рѣдко я видала въ жизнь мою, и для большаго семнадцатишлѣшняго мальчика, рожденнаго въ лагерь, не помню гдѣ. Знаю шолько, что онъ родился въ шо мгновение, когда взорвало пороховой магазинъ. При рожденіи его были и другіе случаи, похожіе на эшо несчастіе. Послѣдствія доказали, что шакова была сама природа его, и что онъ жилъ среди пороха и опасностей, какъ щука въ водѣ.

Эшотъ юноша назывался, шакъ-же какъ опецъ его, Леонаръ Бондѣ, и шакъ-же какъ онъ былъ одинъ изъ шѣхъ высокихъ, крѣпкихъ и храбрыхъ солдатъ, копорыхъ щедро далъ намъ 1792 годъ, для пригштовленія къ славі и величію. Наполсонъ послѣ *скрѣпилъ* эшотъ *актъ славы*, а Бурбоны разорвали на при или на чешыре части; но и самыя часши эши хороши. Маленькій Бондѣ слѣдовалъ за своимъ ошцомъ повсюду. Онъ спалъ съ нимъ подъ деревьями Чернаго лѣса, въ долинѣ Фигьеръ, на берегу По, на пустынныхъ пескахъ Африки, и подъ офицерскимъ шашромъ во время новыхъ войнъ на сѣверѣ. Въ его объашіяхъ умеръ старый Бондѣ, и воспоминаніе о минушѣ, копорая лишила его

опца, рѣшило жребій всей оспальной его жизни.

Услышавши громъ новой войны, Леонаръ пришелъ къ Жюно и убѣдительно просилъ оправить его въ Польскую армію. Покуда Франція сражалась только съ Пруссаками, онъ никогда не изъявлялъ желанія идти въ сраженіе. Но какъ скоро услышалъ онъ, что Россія объявила намъ войну, онъ хопѣлъ опправиться, и опправился.

— Можешъ бышь меня убьютъ — сказалъ онъ своей матери, которую сдѣдала я смопришельницей при однѣхъ воропахъ парка.— Не по, я возвращусь къ вамъ съ славною добычею: опомщу за моего опца.

Молодой человекъ только жилъ и дышалъ энциемъ. Жюно далъ ему сильное письмо къ Полковнику гвардейскихъ фузелеровъ, погда Г-ну Вриньи, и рекомендовалъ Леонара, котораго роспъ, видъ и добрая воля заснавли забывашъ его годы. Да Имперашоръ и не любилъ подъ своими орлами спариковъ. Леонара приняли и помѣсили шакъ, что онъ могъ опличить себя: онъ только эшого и шребовалъ. Раненый подъ Эйлау, онъ писалъ къ своей матери, и съ энтузіазмомъ говорилъ объ Имперашорѣ и о счасшіи служить вблизи него. Онъ съ какимъ-то религіознымъ уваженіемъ повто-

рялъ слова, сказанныя Императоромъ его полку, и оканчивалъ свое письмо говоря:

— Я положу голову за этого чловѣка, какъ *положилъ-бы ее за моего отца.*

Видно что отецъ его былъ самою нѣжною привязанностию его въ мѣрѣ. Онъ любилъ свою мать, но я думаю потому, что она была жена его отца. Онъ велъ себя такъ хорошо, что при нападеніи на Гейльсбергъ былъ уже императорскимъ офицеромъ. Такое быстрое повышение придало ему законную гордость, и едва не погубило его. Ему хотѣлось добиться офицерскихъ отличій. Онъ совершенно предался всѣмъ случайностямъ, пренебрегая у нихъ славы за свою жизнь. Положеніе непріятеля было грозно. Императоръ, зная всю опасность этого дѣла, соединилъ большія силы. Корпусы Маршаловъ Сульца, Ланна и кавалерія Мюрапа, копорая одна составляла цѣлую армію, должны были идти въ атаку, противъ укрѣпленій Гейльсберга. Опредѣль гвардіи погибъ весь. Особенно фузелеры понесли величайшую потерю. Полковникъ ихъ, раненый при началѣ атаки пулею въ грудь, не извѣщалъ болѣе Жюно о Леонарѣ, а молодой чловѣкъ не писалъ. Наконецъ насъ извѣстили, что онъ убитъ. Бѣдная мать его узнала объ этомъ въ день своихъ именинъ, 10-го Августа. И теперь еще не могу безъ тяжелаго чувства вспомнить объ опчаяніи этой несчастной женщины.

Жюно положилъ ей пенсію; я обѣщала заботиться о ея дочери Софіи; но ударъ былъ слишкомъ жестокъ и поразилъ сердце уже больное. Бѣдная мать не могла выдержать его, и черезъ три мѣсяца послѣ полученія пагубнаго извѣстія, умерла, оставивши молодую дочь свою сиротою, по крайней мѣрѣ вблизи добрыхъ сердецъ, которыя не хотѣли оставишь ея. Одна женщина въ Ливри приняла на себя попеченія о ней.

Бѣдная дѣвушка плакала однажды на могилѣ своей матери и молилась передъ деревяннымъ крестомъ. Вдругъ она закричала, когда почувствовала, что ее цѣлуетъ человекъ въ солдатскомъ плащѣ: это былъ Леонаръ Бондье... Леонаръ, котораго почтипали мершвымъ, а онъ былъ только илѣннымъ и возвратился во Францію, богатый и счастливый. Это цѣлая исторія.

Французы атаковали Гейльсбергскія укрѣпленія уже поздно вечеромъ, и хоня это было лѣтомъ (10-го Іюня), но погода была ужасная и чрезвычайно затрудняла атаку. Рускіе поражали нашихъ людей своею грозною артиллеріей, и Французскіе солдаты падали передъ ихъ пушками, какъ колосья подъ серпомъ. Леонаръ пришелъ въ бѣшенство отъ гнѣва и опчаянія, когда увидѣлъ, что сначала упалъ его Полковникъ, а черезъ нѣсколько минушь Генераль Руссель...

Онъ вспоминаешъ о смерти своего опца опца, онлакиваемого имъ шакъ-же какъ въ день его смерти... и безумно кидается на укрѣпленія, не зная *можетъ-ли*, но зная что *хочетъ* испребишь сколько можно больше Рускихъ. Позиція непріятелей, какъ изъяснялъ онъ намъ послѣ, была почти неприсупна. Они занимали холмъ, окруженный глубокими ручьями и рвами. Леонаръ кинулся и съ бѣшенствомъ взбѣжалъ на холмъ, но упалъ, не знаю съ какой вышины, въ ровъ, когда пуля поразила его въ ляжку, ударъ сабли въ руку, а нѣсколько конузій въ голову лишили его чувствъ. Опомнившись, онъ почувствовалъ, что при совершенно холодные трупы лежатъ на немъ и задущаютъ его. Семь часовъ пробылъ онъ въ шакомъ положеніи. Но какъ ни одна изъ его ранъ не была шяжекою, а молодыя силы пропились смерти и онъ хощѣлъ жить, то, освободившись отъ хладныхъ шоварищей, онъ, не шмошря на свои раны, закричалъ шакъ, что къ нему пришли на помощь. Рускіе еще не эспавляли своей позиціи и съ радостью взяли Француза, убивши много собратовъ его. Они увели Леонара Бондѣ, и онъ, разумѣется, не больше прежняго полюбилъ ихъ за это. Съ однимъ Русскимъ Полковникомъ, жестоко раненымъ, онъ уѣхалъ въ опдаленную область, и жилъ шамъ въ помѣшьяхъ его. А помѣшья Рускихъ

дворянъ походящъ на небольшія государшва. Но Леонаръ скучалъ плѣномъ. Лучше согласил-ся-бы я, говорилъ онъ, бышь рабомъ у Турковъ, нежели носишь ливрею у Русскаго господина... Развѣ не Рускіе убили его опца, его Полковника, и его Генерала?... Леонару было осмнадцашъ лѣтъ; онъ чувствовалъ живо, и чистая душа его понимала всѣ благородныя и добрыя ощущенія. Но онъ былъ шакже человѣкъ, и не могъ не заплашишь дани человѣчешву. Господинъ его, кажешся Графъ, Князь, опредѣлилъ его въ садъ, пошому что онъ очень хорошо зналъ все что опносится къ садоводешву, и особенно къ огороду; а извѣшно, что Рускіе большія лакомки на эшо. Пошемкинъ заплашилъ однажды 200 рублей за два огурца, и мепрьд'ошели его часшо плашили за цикорный салатъ придцашъ и сорокъ рублей.

Леонаръ вскорѣ зашавилъ своего хозяина полюбишь себя, хошя самъ любилъ его не больше прежняго. Онъ шолько вырощаль ему рѣпу, шпинашъ и проч. Но посреди своихъ грядъ всегда встрѣчалъ онъ одно лицо, которое наконецъ шакъ понравилось ему, что онъ влюбил-ся въ него, какъ шолько влюбляющся девнадцаши лѣтъ. Эшо была дочь перваго графскаго садовника, кошорый, вмѣшпѣ со всѣмъ семейшвомъ, получилъ уже вольную. Садовникъ былъ богашъ, пошому что продавалъ фрукшы и

овоци изъ заведеннаго имъ вблизи графскаго своего сада; а они жили около Кіева, гдѣ много дворянъ. Онъ охотно выдалъ свою дочь за Леонара Бондѣ, который въ эпу минушу не думалъ, что Рускіе убили его опца. Онъ женился на *Катеринѣ Итиловой*, какъ женился-бы на дочери какого нибудь Французскаго кресьянина. Вскорѣ Полковникъ Русскій умеръ опъ своихъ ранъ. Хозяйство его все разрушилось, и Леонаръ Бондѣ вздумалъ возвратиться во Францію. Онъ часпо писалъ къ своей матери и просилъ Герцога вымѣнять его изъ плѣна; но письма его не доходили, и уже прошло восемь мѣсяцевъ какъ былъ подписанъ Тильзинскій миръ, а онъ еще не зналъ о немъ. Узнавши наконецъ, что ему можно возвратиться во Францію, онъ сказалъ женѣ своей, что надобно ѣхать. Спарикъ опецъ былъ очень радъ этому, и все семейство опправилося въ Парижъ, куда пріѣхало оно, когда Жюно находился въ Сарагоссѣ.

Леонаръ Бондѣ пріѣхалъ сначала въ Ренси, который мы только что успунили Имперашору. Но у воротъ парка, гдѣ была смопришельницей его мать, онъ узналъ, что она умерла, и умерла опъ печали, при извѣстїи о его смерти. Онъ побѣжалъ въ Ливри, и нашелъ тамъ молодую сесну свою, какъ уже я сказала, на могилѣ ихъ матери. Бурныя спраспи владѣли

Леонаромъ. Онъ любилъ свою жену; но любовь къ ней должна была уснувшись двумъ другимъ, бывшимъ до сихъ поръ его жизнью: это безграничная любовь къ опцу и къ мамери. . . . И вдругъ находить онъ и эту умершею! . . . Она умерла опъ него... оплакивая, призывая его! . . . Эта мысль сводила его съ ума. Онъ взялъ сестру съ собой и возвратился въ Парижъ. Я очень спрадала тогда жестокою нервною болѣзнию, кошорая мучить меня и до сихъ поръ. Онъ пришелъ ко мнѣ, и мнѣ спало жаль его. Я никогда не подозрѣвала прежде, чшобы можно было имѣть шакую ненависть, какую пишаль онъ прошивъ Рускихъ. Онъ сказалъ это своему шестю съ шакою грубосшью, къ какой не былъ способенъ въ другое время. Бѣднякъ не понималъ ни одного Французскаго слова, но понялъ чшодъ хотѣлъ сказать ему зянь его на дурномъ Русскомъ нарѣчїи, и глубоко оскорбился. Леонаръ писалъ къ Жюно и просилъ доставить ему мѣсто спопришеля за лѣсомъ въ Бонди или въ Рамбульепѣ. Первое напоминало ему машь его, вшорой его опца. Онъ безъ шруда получилъ это, но не хотѣлъ взять съ собой шестя. Несчастный шарикъ былъ принужденъ искашь убѣжища въ домѣ Русскаго Посольства. И между шѣмъ Леонаръ не былъ человекъ злой; напрошивъ, онъ понималъ все благородное и умѣлъ любить. Но всякой разъ, когда глаза его обра-

щались на сестру, видѣли черное плашье ея, напоминавшее сиротство, и когда имя Россіи являлось между нею и имъ, онъ начиналъ бранишься, убѣгалъ изъ дому и осмивался въ лѣсу цѣлую ночь. Однажды онъ бѣжалъ такимъ образомъ до Версали. Его нашли безъ чувствъ, въ самой дикой, пустынной часши парка, гдѣ маленькія дѣши вздумали собирать фіялки. Одинъ изъ поварищей узналъ его по плашью лѣсничаго и привезъ въ Рамбульешъ. Онъ ушибъ свою голову при паденіи. Эпихъ ушибовъ не вылечили хорошенько; къ тому-же, бурная жизнь увеличила прежніе его недуги. Характеръ его сдѣлался нестерпимъ, и шолько сеспра могла говорить съ нимъ и слышать отъ него ласковое слово. Когда она подходила къ нему, все ледяное и желѣзное, окружавшее его сердце, паяло отъ взгляда сироты и исчезало при одномъ ея словѣ: «Леонарь, у меня шолько ты въ мірѣ!»

Онъ плакалъ, прижималъ сеспру къ сердцу и благословлялъ ее, призывая отца и мать своихъ съ тяжкимъ рыданіемъ. Но бѣда, если въ шакую минушу приходила жена его. Однажды, она вошла тихонько и хошѣла приложить свою голову къ головѣ его сеспры. Леонарь жеспоко ударилъ ее и закричалъ:

— Вонъ отсюда, прокляное отродіе! — Съ этого времени не проходило ни одного дня,

безъ него чшобы онъ не преслѣдовалъ своей бѣдной жены, шакъ чшо она наконецъ не перенесла этого, и, меньше нежели черезъ годъ, ея не спало. Леонаръ плакалъ о ней, пошому чшо любилъ ее. Даже оскорбляя ее, онъ только удовлешворялъ своей безумной ненависти прошивъ Рускихъ; но въ этошъ не было никакого личнаго чувствва. Иногда, онъ выпрашивалъ у нея прощенія со слезами, послѣ этого какъ самъ-же прибилъ ее до полусмерши. Я чашо имѣла случай въ это время говорить съ Корвизаромъ, и онъ сказалъ мнѣ, чшо не видавши Леонара, гошовъ биться объ закладъ, чшо это сумасшедшій, такой сумасшедшій, кошораго надобно запереть. Этошъ родъ сумасшесшвїа, хошя очень рѣдкаго, встрѣчается иногда. Мы видимъ людей, кошорые помѣшаны шолько на одномъ предметѣ. Леонаръ Бондѣе, получивши много ранъ въ голову, едва не умеръ ошъ тяжесши шруповъ, придавившихъ его въ день Гейльсбергской битвы. Можешъ бышь, чшо это положеніе, двояко опасное для его нравешвенной и физической жизни, оказало свое дѣйствіе на его разсудкѣ. Я потеряла его изъ виду, послѣ этого послѣдняго несчастія. Не думаю даже чшобы онъ жилъ до сихъ поръ. Но я увѣрена, чшо если въ 1814 году онъ былъ еще живъ, Рускіе встрѣпили въ немъ прошивника ужаснаго. Онъ долженъ былъ местишь за при

смерти и за свое вѣчное несчастіе. Когда я думаю объ этомъ несчастномъ молодомъ человѣкѣ, который, кусая себѣ руки, называетъ себя убійцею, даже убійцею своихъ родителей, и самымъ ужаснымъ образомъ поносишь Провидѣніе, я чувствую шрепешъ.

Глава VI.

Возвращеніе Императора.—Г. Фоншанъ.—Г. Сегье.—Наполеонъ плачешъ подъ шатромъ.—Онъ истинный отецъ народа.—Уменьшеніе налоговъ и подашей.—Герцогиня Ангулемская.—Моя признашельность.—Жюно и Императоръ.—Тягостный разговоръ.—Я предвидѣла его.—Г-жа Мюратъ-дура.—Красная лаврея.—Мюрашъ.—Дуэль на пистолетахъ.—Военный братъ донощикъ.—Старый другъ отъ временъ Итальянской арміи.—Кардиналь Мори.—Прекрасное стадо.—Персидскій Посланникъ.—Цолукафшанье безъ кармановъ.—Надежда, вѣра и благотворительность.—Г. Брокгаузенъ, Прусскій Посланникъ.—Корнель и Расинъ.—Сужденія Императора.—Споръ съ Кардиналомъ Мори.—Великій Конде и Сершорій.—Смушники и спорщикъ.

Французскій народъ привѣтствовалъ возвращеніе Императора въ Парижъ такъ-же какъ послѣ Маренго. Радостныя восклицанія встрѣчали его вездѣ, гдѣ онъ появлялся. Онъ видѣлъ какъ его любили. Да, его обожали шогда во Франціи и онъ заслуживалъ это. Разумѣется, при этомъ не щадили ни рѣчей, ни адресовъ. Онъ слышалъ ихъ изъ всѣхъ частей Франціи; но самыя замѣчательныя рѣчи говорили ему въ

Парижѣ , и изъ нихъ только двѣ заслуживаютъ упоминаніе по своей спранныости. Одна , рѣчь Г-на Сегье , Перваго Президента Апелляціоннаго Суда. Рѣчь Г-на Сегье отличаетъ истиннымъ краснорѣчіемъ.

« Государь!» сказалъ онъ ему. « Только одно
« превышаетъ всѣ чудеса , произведенныя Ва-
« шимъ Величествомъ : это Ваше сопротивле-
« ніе счастью , которое хочешь опдашь вамъ
« власть земную. Вы не столько гордишесь
« побѣдами своими , сколько примиреніемъ. Вы
« даеше чувствовашь своимъ оружіемъ опас-
« ность вашей непріязни только для по-
« го , чтобы поняли , силой Вашего генія ,
« сколько выгодно быть Вашимъ союзникомъ.
« Наполеонъ всегда хотѣлъ только мира ; онъ
« всегда предлагалъ оливную вѣтвь вызывающимъ
« его на бой , хотя они принуждали его рвать
« лавры. Наполеонъ выше Исторіи человѣческой.
« Онъ принадлежитъ къ героическимъ време-
« намъ. Онъ выше удивленія , и только любовью
« можно возвыситься до него. »

Я привела эту рѣчь , потому что Г. Сегье , человекъ благороднаго характера , не умѣетъ ни льстить , ни бояться. Онъ не говорилъ-бы такъ , если-бы не чувствовалъ того что говорилъ.

Другая рѣчь Г-на Фоншаня. Въ ней была фраза , которую разсмащивали , разбирали и сдѣлали

предметомъ непріязненныхъ полковъ всѣ, кто не любилъ Императора. Число этихъ людей было ограничено, но злоспъ причиняеиъ больше вреда однимъ голосомъ, нежели добра пишячью. Г. Фоншанъ обыкновенно бывалъ краснорѣчивъ, немного надунъ, за то человекъ съ мыслию, и слогъ его, на письмѣ и въ разговорѣ, чисиъ и благозвученъ. Но въ эпошъ разъ Императору не понравился смыслъ его рѣчи. Президентъ Законодательнаго Корпуса думалъ сдѣлать чудо, заговоривши о смерти молодаго Принца Голландскаго. Замѣтивши, что Франція должна была глубоко сожалѣиъ о ребенкѣ, подававшемъ прекрасныя надежды, онъ воскликнулъ :

« Но я вижу, что горесиъ и сѣшования про-
« никаюиъ въ побѣдный спанъ, и виѣдряюиъ
« подъ шапѣръ, гдѣ побѣдешель бодрешвуеиъ о
« славѣ Франціи. . . . герой плакалъ! . . . Онъ
« плакалъ о смерти ребенка! » . . .

Но чрезвычайно замѣчательна была рѣчь самаго Императора, произнесенная имъ при открышии Законодательнаго Корпуса, потому что для этого ждали его возвращенія.

« Я желаю, чтобы миръ возшановился на мо-
« ряхъ, » говорилъ Императоръ. « Никогда гнѣвъ
« не будетъ имѣиъ вліянія на мои рѣшенія; да
« я и не могу чувствовать его противъ народа,
« которымъ играютъ и жертвуютъ партіи, разди-

« РАЮЩІЯ ЕГО, ПРЕДСТАВЛЯЯ ВЪ ЛОЖНОМЪ ВИДѢ ДѢЛА,
 « СОБСТВЕННЫЯ ЕГО И СОСѢДЕЙ ЕГО. Но , чѣмъ-бы
 « НИ БЫЛО УГОДНО Провидѣнію окончить эту
 « ВОЙНУ НА МОРѢ, Я УВѢРЕНЪ , ЧТО ВСЕГДА НАЙДУ
 « ФРАНЦІЮ ДОСТОЙНОЮ МЕНЯ; ОНА НАЙДЕШЬ МЕНЯ
 « ВСЕГДА ДОСНОЙНЫМЪ САМОЙ СЕБЯ, И ПРОЧ. И ПР.»

« Слова, произнесенныя Вами,» опивчалъ Фон-
 « шанъ, уже радуясь хижинамъ. Нѣкогда, говоря о
 « Васъ скажутъ, и это будетъ прекраснѣйшая
 « черта въ Истории , уже сколько удивительной,
 « что судьба бѣднаго, крестьянина, трудолюбиваго
 « геловѣка, занимала того, кто управлялъ судь-
 « бою Царей, и что при окончаніи войны , до-
 « рога стоявшей, Вы уменьшили общественныя
 « налоги, между тѣмъ какъ ваши побѣдоносныя
 « руки съ такою щедростью раздавали короны
 « вашимъ сподвижникамъ.... Государь! удосмой-
 « ще принявъ эти слова.... они идутъ отъ
 « сердца челоуѣка честнаго и швердаго , копо-
 « рый всегда былъ сколько-же врагъ безначалія,
 « сколько рабства. »

Низкое ласкашельство шакъ-же поносно для
 самого ласкашеля, какъ и для того, кому про-
 износятся его. Эшого нѣтъ въ прочитанныхъ
 нами опривкахъ ; шуть выраженіе энтузіазма
 Французовъ , доходившаго почти до безумія.
 Боже мой! почему я не могу написать ни одной
 строчки о моихъ привязанностяхъ этой сча-
 стливой и знаменитой эпохи, безъ того что-

бы не страшиться найдши, даже въ самихъ военныхъ бранныхъ Юно, если не враговъ, но по крайней мѣрѣ людей, горювыхъ припяшь съ досадою выраженіе моей души, которое принуждена была я, бѣдная вдова и мать, скрывать сполько лѣпшъ и показывать его только одному ангельскому существу, рожденному для шрона, но увѣчанному короной *не отъ міра сего?* Только она своимъ благороднымъ сердцемъ понимала все, что заключалось въ моемъ.

Эпо Герцогиня Ангулемская. Я даже могла бы и не называть ея, пошому что все узнають ее и безъ имени. Что касается до меня, она съ такою прогашельною доброшю усладилла мое несчасшье, что я починаю за славу объявить о шомъ, и прибавить, что каждый день молюсь за нее Богу. Ея пошупки со мной и съ моимъ семействомъ гораздо важнѣе и драгоцѣннѣе нежели учасшье, которое оказала-бы она Г-ну д'Ошишанъ или Г-жѣ Водрѣиль. Такъ и Наполеонъ имѣеть новое достоинство, когда принимаетъ Маршалшу Мальи. Обращаясь къ себѣ, скажу, что я не переспану во всю жизнь мою чшшь, уважать Герцогиню Ангулемскую, *любить ее* въ душѣ моей. Признашельность шяжела только для сердець испорченныхъ или злыхъ. Прискорбно мнѣ прибавить къ этому, что я не могу желать для нея ничего больше: этому мѣнаеть любовь моя къ опечесшву

мое собственное убѣжденіе. Герцогиня Ангулемская спрадаешъ за ошибки другихъ, но это нераздѣлимо съ ея именемъ.

Я говорила о возвращеніи Императора и радости народа при этомъ, но говорила крашко, безъ всякихъ подробностей. Необходимо однакожь осановишься на такомъ важномъ событіи въ жизни всѣхъ насъ, и поговоришь о немъ подробно.

Императоръ возвратился въ концѣ Юля 1807 года. Это очень естественное событіе должно было имѣть чрезвычайно-важное слѣдствіе для моей домашней жизни. Я предвидѣла это давно, и, къ несчастію, не имѣла ни какихъ средствъ отклонить бурю. Никто не спашешъ сомнѣваться, что я любила Жюно; но я конечно не сдѣлала-бы ему ни какого упрека за его сношенія съ Великою Герцогинею Бергскою, потому что ни сколько не почитала ихъ пресупными. Я однакожь видѣла, на какой нушь выходилъ онъ, и къ чему могло это повести его. Императоръ имѣлъ особенный образъ мыслей о своихъ сестрахъ, и, вслѣдствіе вѣрной мысли, требовалъ онъ ихъ величайшей оспорожености въ поведеніи. Онъ почиталъ дословѣрнымъ, что ни одна изъ Принцессъ не подала повода, даже ни къ какому легкомысленному слову на свой счетъ. До сихъ поръ, для Фуше и для другаго

человѣка, копорого я не назову, пошому чю онъ еще живъ, было все равно, заспавляющъ-ли сесстры Имперашора говорить о себѣ или нѣтъ, и шочно-ли Графъ Фла..., Г. С..., и *progie*, и *progie*, компроменирующъ эшихъ дамъ, или скорѣе сами компроменированы ими. Принцессы были очень милы къ Савари, къ Фуше, ко многимъ другимъ, и одинъ Императоръ не зналъ шого, чю знали всѣ. Онъ думаль, чю Принцесса Полина была хорошенькая въпреница, непослушная Корвизару когда ей хочешся надѣнь красивое платьше и ѣхашъ на балъ, и виновная шолько въ шомъ, чю не оспаешся дома, когда онъ приказываешъ ей. Эшимъ дамамъ еще никогда не измѣняли *бодрствующія власти*. Но увидѣвши, чю прямымъ обвиненіемъ можно погубишь человѣка, не любимаго ими, они шолчасъ рѣшились на эшо, и вошь чю предвидѣла я давно.

Когда Имперашоръ пріѣхаль въ Парижъ, гроза уже была гошова, и ошь самой Польши скоплялись облака ея. Императору писали, чю Жюно вредишь имени Великой Герцогини Бергской; чю его ливрею замѣчаютъ въ неприличные часы во дворѣ Елисейскаго дворца, и чю множесшво обшояпельшешъ подтверждаютъ шо, о чемъ доносили. Обвинишелемъ былъ одинъ изъ шоварицей Жюно, здравешствующій и донишь.

Эта новость задѣла за живое Наполеона, и когда онъ увидѣлъ Жюно, по возвращеніи своемъ изъ Польши, онъ встрѣшилъ его спротивомъ и принужденными словами. Жюно имѣлъ одну изъ самыхъ гордыхъ и прекрасныхъ душъ, какія только облекалъ Создатель смертною оболочкой. Онъ не могъ выдержавъ холодности Императора, и просилъ у него аудіэнціи. Аудіэнція была поспѣшь дана, и самая бурная. Императоръ безпрерывно обвинялъ его, а Жюно, глубоко оскорбленный, не хотѣлъ оспивѣчать, и говорилъ только, что Императоръ долженъ вѣрить заботливости его о чести имени Наполеонова.

— Государь! — вскричалъ онъ. — Когда въ Марсели я любилъ Принцессу Полину, и вы почти гошовой были выдашь ее за меня, я любилъ ее какъ сумасшедшій.... но вспомните, какъ я вель себя? Какъ честный человекъ. Государь! я не перемѣнился съ нѣхъ поръ: я все пошъ-же человекъ, который можетъ сказать, что онъ самый преданный Вашему Величеству и всѣмъ вашимъ. Государь! ваша недовѣрчивость прискорбна для меня.

Императоръ взглянулъ на него съ замѣтнымъ вниманіемъ; потомъ онъ сложилъ руки накрестъ и спалъ ходишь молча, но лобъ его не переставалъ бышь грознымъ.

«Я хочу вѣрить всему, что ты говоришь мнѣ,» сказалъ онъ наконецъ; «но шѣмъ не

меньше ты виновата въ неоспорожности. И ты и сестра моя въ такомъ положеніи, что неоспорожность при этомъ такъ-же прощупокъ, если еще не хуже.... И что значить, напримеръ, все это? ... Для чего Великая Герцогиня Бергская ѣздитъ въ свои ложи въ театр? Для чего ѣздитъ она туда въ своей каретѣ?... А, а.... вы удивляешься, Г. Жюно, что я такъ хорошо знаю дѣла ваши и этой дуры Г-жи Мюрашъ!

Жюно смутился, что Императоръ знаетъ эту подробность, довольно важную въ положеніи ихъ обоихъ, такъ что она могла обратиться на себя вниманіе не только полиціи, но и публики. Одинъ лишь упоительный сонъ довелъ его до того, что онъ былъ изумленъ естественнымъ слѣдствіемъ своихъ поступковъ.

« Да, » сказалъ Императоръ, « да, я знаю это.... и много другаго, въ чемъ гошовъ видѣшь только неоспорожность. Но я вижу въ этомъ и большую вину съ своей стороны. Для чего, повторяю тебѣ, карета и своя ливрея?... Твоя ливрея не должна быть въ два часа упря во дворъ Великой Герцогини Бергской!... Ты.... Жюно!.. ты вредишь имени моей сестры!... А!...

Наполеонъ бросился въ кресла.

Но прежде нежели пойдемъ дальше, я хочу — объявить причины, почему рѣшилась я поднятъ

одинъ конецъ завѣсы, копорую собственною рукой накинута я на часпную жизнь Жюно. Всѣ прежнія связи его дѣйствововали шолько на мое собственное счасіе, а опнюдь не на судьбу его самого. Здѣсь было совсѣмъ другое. Не раздумывая ни минушы, обвиняю эту несчастпную связь моего мужа съ Королевою Неаполипанскою во всѣхъ его несчастпяхъ, и вижу въ ней причину его смерти. Скажу больше: я не хочу обременять этой связи оппѣнками поспыдными и не починаю ея существенно преспупною: довольно печальныхъ послѣдспвій, произведенныхъ наружноспью. Вѣрю даже, если надобно сказать это, что шупь и была шолько наружноспь, но наружноспь ужасная, пошому что она воспламенила гнѣвъ льва.... Послѣ, этошъ Везувій сдѣлалъ изверженіе, вызванное пакже наружноспью.... Въ этошъ-то опношеніи, политическомъ и прямо относящемся къ жизни моего мужа, рѣшилась я говорить обо всемъ, что будушь чипашь далѣе. Это какъ-бы родъ *предисловія*, существенно необходимаго для объясненія того, что происходило съ мужемъ моимъ въ Россіи, въ 1812 году, и трагедіи, копорую окончилось это въ 1813 году. Семейспво, лишенное своего главы, дѣши въ сиропствѣ, знамениное имя, выставленное для нападеній.... о, это конечно можешъ придашь моимъ словамъ всю шоржеспвенноспь, приличную

пакимъ обспояпельспивамъ и удаляющую мысль о ничпожной любовной инспригѣ. Тупь не пужно ни *ревнивой страсти*, ни *романигеской горести* : надобно предспавишь только *событія*.

Теперь, пусть войдушъ со мной во внушренность Тюльери , проникнушъ въ кабинетъ Наполеона , увидяшъ его шамъ не одного , но окруженнаго всѣми , кшо оправлялъ жизнь его донесеніями , не только ежедневными , но еже-часными каждый день. Это былъ не Ланнъ , не Бессьеръ , не Массена , и даже не Сульшъ , копорому ошдаю справедливосшь , хошя и не люблю его , не знаю почему. Это не былъ шакже Дюрокъ , чшѣ-бы ни говорили о внушренной полиціи , кошерую онъ принужденъ былъ поддерживать во дворцѣ , и не Жюно , не смопря на множесство донесеній , копорыя получалъ онъ каждый день какъ Парижскій Губернашоръ , и Губернашоръ *дѣйствительный* , сущесство , шеперь извѣспинсе только по воспоминанію. Нѣшъ , никшо изъ всѣхъ эшихъ людей , знакомыхъ съ чеспью и конечно возненавидѣвшихъ-бы почеспи , если-бы шакія скверности вели къ нимъ , никшо изъ нихъ , шакъ-же какъ не Рапшъ , съ прекрасною душою подъ грубой корой , никшо не измѣнилъ-бы вздорнымъ сердечнымъ шайнамъ своего шоварища , и не напачкалъ-бы двадцати спраницъ неблагсприсшойнаго доноса , копорый не имѣлъ ни какой полезной или политической

цѣли. Самъ авшоръ его не сомнѣвался въ эпомъ, и могъ своимъ доносомъ только на минушу занять Императора, спранныго въ эпомъ отношеніи, попому что онъ находилъ удовольствіе знать кто сколько крупинокъ соли ронялъ на кусокъ хлѣба съ масломъ.

Люди, которые играли эту отвращительную роль, извѣсны. Презрѣніе и общая ненависть наградили по достоинству ихъ гнусные поступки. Особенно на двухъ лежалъ упрекъ общесвѣннаго мнѣнія. Одинъ изъ нихъ умеръ, и какъ Христіанка я просила его за все зло, сдѣланное имъ Жюно; но какъ вдова и мать, я не прощаю ему вознаградимаго зла, сдѣланнаго опцу моихъ дѣшей. Другой, сколько же виновный, еще не явился передъ судомъ Божиимъ, дашь опчешъ въ своемъ поведеніи какъ человекъ и гражданинъ. Онъ не только живешъ, но и дѣлаешъ еще зло, угрожаешъ, дѣйствуешъ, имѣешъ силу. Только недавно узнала я сколько онъ сдѣлалъ зла Жюно и мнѣ. Хорошо: теперь мы на опкрышомъ поприщѣ, досшупномъ равно для меня и для него. О, Боже мой! И такіе-то люди подливали ядъ въ чашу, которую Императоръ заставилъ выпить своего спараго друга! И еще оскверненные клеветой, осмѣлились они... но умолкни, душа! умолкни. Скоро ты можешъ раскрыть свои горести, и опослать въ свою очередь спрѣлу шуда, опку-

да пущена она, опославъ ее больше заоспренною. Повшоряю : *это моя обязанность.*

Непонянное дѣло, какъ Императоръ не зналъ ничего объ истинномъ поведеніи своихъ сестеръ? Но достоверно, что онъ точно не зналъ этого, и я не понимаю какимъ образомъ, пошому что орлиные глаза его проникали много другихъ тайнствъ. Точно, Фуше, Дюрокъ, Жюно, Дюбуа, чепыре челоуѣка, имѣвшіе въ рукахъ своихъ всю любопытную полицію Парижа и Франціи, молчали обо всемъ, что знали они, не желая оскорблять Наполеона, двое изъ привязанности къ нему, а двое другіе спрашась, во-первыхъ, не понравившя ему самому, а потомъ Принцессамъ, что могло-бы имѣть пагубныя слѣдствія, хотя-бы они говорили о вещахъ веселыхъ для нихъ. Императоръ наконецъ узналъ все, но мимоходомъ, и такими необычайными для него средствами, что вѣрилъ весьма немногому. Онъ приписывалъ слухи, часто ходившіе въ обществѣ, неоспорожности молодыхъ женщинъ, и говорилъ Императрицѣ-машери :

« Сньюра Летиція! что это такое! . . . Поговорите вашимъ дочерямъ. Я не хочу чтобы онѣ вредили своему имени съ этими *фрагментами*. Пусть танцуютъ съ офицерами моей гвардіи. Если они и не такъ красивые ребята, то по крайней мѣрѣ славные люди.

Я не спану ошвѣчать на всѣ ужасы, какими спарались окружить нѣкоторыя сношенія Императорской фамиліи. Кто бывалъ въ искреннемъ кругу Наполеона, шомъ знаешь образъ его мыслей и мнѣніе о нравственности. Кровь моя кипитъ, когда я слышу обвиненія, что онъ хотѣлъ *развращать умы*: это шо-же что его желшій цвѣтъ лица, и шабакъ, кошорый онъ носилъ въ своихъ карманахъ! Тысячи подобныхъ вздоровъ были сказаны на его счетъ. Можешъ бытъ мнѣ самой возразить, указавши на сцену въ Мальмезонѣ, описанную мной въ четвертомъ томѣ этихъ Записокъ, и я буду ошвѣчать самою этою сценою. Наполеонъ не употребилъ-бы ни какой хипросши желая увлечь меня. Если-бы я исполнила его желаніе, онъ презиралъ-бы меня, какъ часто видѣла я это, пошому что жена его друга, измѣняющая мужу для Властителя, справедливо казалась-бы ему презрительною. Но онъ не былъ-бы вѣрнымъ свѣтскимъ человѣкомъ. Если иначе поступалъ онъ съ женщинами, кошорыя не могли обезславить его за проступокъ, шо онъ конечно не рѣшился-бы на это съ шѣми, кошорыя могли возненавидѣть его, и непременно возненавидѣли-бы. Да и какъ можешъ клевета споль легкомысленно разливать свой ядъ на всю жизнь человѣка, не имѣя даже ни малѣйшаго признака вѣроятности? Какъ не спросишь здѣсь себя,

могъ-ли человекъ, спрогий во всѣхъ привычкахъ своей жизни, опешуишь онъ эпой спрогоспи для того, чшобы покрыть себя безчестіемъ? Для вѣроятности эшого, порокъ долженъ былъ-бы имѣть для него особенную привлекаемость; а эшого не показываешь ни что, во всю его жизнь.

Наполеонъ узналъ о проступкахъ одной изъ своихъ сестеръ не прежде какъ во время Португальской войны. Первый обвиненный въ шомъ былъ почти изгнанъ въ шпабъ Жуно. Знаю, что эпо назовушь невозможнымъ шѣ, которыя хопяшъ смѣяшся надо всѣмъ. Однакожь эпо правда, а разъ узнавши правду, Наполеонъ конечно вскорѣ былъ увѣдомленъ обо всемъ. Могло-ли бы оспавашья неизвѣстнымъ происшествіе съ господами Сепшѣлемъ и Канувилемъ, если-бы приключеніе съ *лошадью и шубой*, шакъ-же какъ *объясненіе* другаго, не помогли имъ, что увидимъ мы въ 1810 году.

Такимъ образомъ, приключеніе гдѣ Жюнс игралъ роль, надобно сказать правду, поразило слухъ Императора раньше всѣхъ другихъ. Я уже говорила какъ жестоко онъ разсердился за это.

Не пересшавая расшаживашъ по комнашѣ, онъ спросилъ, знаешъ-ли Мюраншъ всѣ эпои прекрасныя испоріи, эпои охошы въ Ренси, и спектак-

ли, куда бздили въ карешѣ Жюно и съ лакеями въ его ливреѣ.

Видно что кареша и ливрея казались ему особенно неприличными. Жюно хопѣлъ еще говорить, что цвѣшъ ихъ у Великой Герцогини гораздо ярче. Императоръ топнулъ съ гнѣвомъ, поглядѣлъ на него молча и наконецъ спросилъ голосомъ сшрогимъ :

« А какого цвѣша ваша ливрея ? »

Жюно пошупилъ глаза и не опвѣчалъ ничего. Въ самомъ дѣлѣ, цвѣша нашихъ ливрей были совершенно одинаковы ; различіе было только въ галунахъ и отворотахъ : бѣлыхъ у Великой Герцогини и желтыхъ у меня ; а галуны у нея были золотые , у меня серебряные ; каштаны изъ амараншоваго сукна совершенно одного цвѣша. Надобно сказать , что этого непременно хопѣла сама Герцогиня. Я всегда полагала , что съ эшимъ соединялась полипитическая цѣль , и послѣ увидѣла положительныя доказательства своей мысли.

« Да , » сказалъ Императоръ , продолжая ходить . « Если-бы Мюранъ узналъ все это , что заговорилъ-бы , что сдѣлалъ-бы онъ ? ... Ты увидѣлъ-бы спрашную бурю . »

Физиогномія Жюно перемѣнилась въ одно мгновение : онъ побагровѣлъ , попомъ поблѣднѣлъ , покраснѣлъ . Вдругъ одушевившись всею силою

своего характера, онъ сдѣлалъ два шага къ Наполеону и сказалъ твердымъ голосомъ :

— Еще недавно мы были съ нимъ равны, и на полѣ битвы и вездѣ. Если-бы теперь онъ почелъ себя оскорбленнымъ, я далъ-бы ему всякое удовлетвореніе, какого-бы онъ ни попребовалъ. Можешь быть онъ пугаетъ теперь Казаковъ, но меня еще не такъ легко испугаешь. *И на этотъ разъ я выбралъ бы оружіемъ пистолеты.*

« Ну вотъ ! » вскричалъ Императоръ съ удивительнымъ просподушіемъ. « Вотъ этого-то я и боялся ! . . . » Онъ прибавилъ еще :

« Но я усмирю все . . . я говорилъ ему . . . теперь это слажено.

— Государь, благодарю васъ, но замѣчу Вашему Величеству, что я не хочу примиренія съ Великимъ Герцогомъ Бергскимъ. Если онъ почищаетъ себя оскорбленнымъ (хотя я утверждаю, что онъ не имѣетъ ни какого права сказать это), но . . . мы живемъ не далеко другъ отъ друга . . . мой домъ подлѣ Елисейскихъ Полей.

« Да, да, » сказалъ Императоръ, « онъ ужъ слишкомъ подлѣ. Кшани объ этомъ : къ чему эти частыя посѣщенія моей сестры къ своей жень ? . . . Правда, онъ были дружны; но дружія

времена, другіе нравы. Это замѣнили, и вошь еще одно, что засшавило говориль о себѣ.

— Государь! моя жена чрезвычайно спрадаешъ; своею беременностію; она не можетъ выходить не взявши множесива особенныхъ предоспорожностей. Ея Имперашорское Высочество Великая Герцогиня была сполько добра, что прѣзжала къ ней раза два или три, нынѣшней весною, и вошь все, чѣмъ ограничивающя эти многочисленныя посѣщенія.

« Не правда, » отвѣталъ Имперашоръ, вынимая изъ ящика большое письмо. Онъ пробѣжалъ его все, и нахмурился. Жюно взглянулъ на письмо и узналъ почеркъ.

— Простите меня Ваше Величество, но если вы судите и обвиняете свою сесшру и своего самого спараго друга, самого преданнаго слугу по обвиненіямъ того, кто писалъ это письмо, я не могу вѣрить вашему безприсрастію.

Наполеонъ, по видимому, изумился, однакожь не сдѣлалъ никакого возраженія на слова Жюно. Казалось даже, что незамѣтная улыбка скользила на губахъ его.

— Это даже не письмо — сказалъ Жюно — пошому что онъ былъ съ Вашимъ Величествомъ; слѣдовашельно это *донесеніе*! Донесеніе его *поллиціи*, переписанное имъ! . . . Онъ долженъ-бы

по крайней мѣрѣ уважить сестру Вашего Величества. . . . Впрочемъ , есть дѣйсвишельныя средства заставить такихъ людей быть осторожными и вѣжливыми. Я и употреблю эти средства съ нимъ.

« Жюно ! » вскричалъ Императоръ . « Я запрещаю тебѣ драться съ С. . . . »

Жюно презрительно усмѣхнулся .

— Вы подозрѣвали меня въ измѣнѣ , Государь , и я не могу требовать въ этомъ опчета у васъ самихъ ; но я попребую его у виновника этого прискорбія , ей Богу попребую ! . . . После , когда захочетъ Мюрашъ , я готовъ перевѣдаться и съ нимъ , если только дрянной солдатъ не посадитъ мнѣ пули въ голову , что очень возможно : я видалъ какъ прусы убиваютъ храбрыхъ людей . Но , если выйду живъ и цѣлъ , я къ услугамъ Великаго Герцога Бергскаго .

Наполеонъ быстро вскочилъ , и подошедши къ Жюно , который опирался на каминъ , повернулъ его къ себѣ съ живосью , схватилъ его руку и прокричалъ какъ съплой :

« Еще разъ , я приказываю тебѣ опасаться смиреннымъ ! . . . ни С. . . , ни Мюрашъ . . . я не хочу чтобы ты дрался съ нимъ или съ другимъ . Общай мнѣ это , » прибавилъ онъ , еще подвинувшись къ Жюно , и сжимая его руку . . . « общай это своему старому другу . »

Такія мгновенія бывали у Наполеона мимо-
летны, но всегда побѣдительны. Онъ всегда
оспаивался послѣ нихъ съ побѣдою. Въ его
взглядѣ, въ его голосѣ было какое-то невырази-
мое волшебство. Онъ зналъ навѣрно, что по-
бѣдитъ самое упрямое сопротивленіе. Жюно
почувствовалъ, какъ исчезъ гнѣвъ его опъ
этого взгляда, опъ этого голоса. Онъ взялъ
руку Императора, сжалъ ее, не поцѣловалъ, какъ
попъ, который писалъ донесеніе, но положилъ
на свое сердце.

Императоръ слышалъ, какъ сильно билось
это сердце, и въ свою очередь почувствовалъ
какое-то волненіе. Но онъ потчасъ превозмогъ
себя, тихо освободилъ свою руку, перенесъ ее
на густыя бѣлокурыя локоны Жюно, и легонь-
ко ударилъ его.

«Объщай мнѣ бышь благоразумнымъ, упря-
мецъ!» сказалъ онъ голосомъ Сирены, то есть
тѣмъ особеннымъ голосомъ, се sotto voce, ко-
торый звучалъ какъ струна Золовой арфы.
«Ты придешь оянь ко мнѣ: мнѣ надобно пого-
воришь съ побой.

Этотъ разговоръ продолжался полпора часа.
Дежурная зала была наполнена людьми, копо-
рые прислушивались, спараясь узнать, тѣмъ
кончится эта продолжительная конференція.
Особенно одному человеку хопѣлось, чтобы
она была короче. Онъ зналъ Императора, зналъ,

что никогда не разговариваетъ онъ долго съ пѣмъ, кого хочешь лишешь своей милости, и физиогномія Жюно, когда онъ вышелъ, утвердила его въ этомъ мнѣніи. Жюно прошелъ мимо него въ двухъ шагахъ, и сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ его.

— Я не удержался-бы сказать ему все, что думалъ о немъ—говорилъ мнѣ Жюно черезъ полтора года послѣ, когда мы вмѣстѣ съ нимъ жили въ Испаніи, дружнѣе нежели когда нибудь въ другое время, и довѣрчиво разсуждали передъ каминомъ объ этой эпохѣ его жизни, которую раскрывалъ онъ мнѣ всю, до послѣдняго покроя. — Можешь бышь я сдѣлалъ-бы и хорошо—прибавилъ онъ — потому что эпохѣ человекъ одна изъ пѣхъ змѣй, которую кусаютъ больнѣе, если жертва ихъ остаешься смиренно.

Черезъ два дни послѣ разговора, описаннаго мной, я сидѣла одна, упрямъ, въ моемъ рабочемъ кабинетѣ, самой уединенной комнатѣ моего дома, куда допускались только искренніе мнѣ люди. Вдругъ сказывающіе о пріѣздѣ Его Преосвященства Кардинала Мори: здѣсь надобно поговорить объ этомъ знаменитомъ человекѣ, искреннемъ знакомцѣ моемъ, потому что въ продолженіе семи лѣтъ, каждый Божій день, онъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ семь часовъ и уѣзжалъ въ десяшь. Никогда, ни малѣйшаго измѣненія

не было въ его постоянствѣ. Слѣдовательно , я довольно хорошо знала его , и спрашно , что не могу однакожь назвашь его *моимъ другомъ*. Впрочемъ, Кардиналь Мори имѣлъ всѣ качества, какихъ можно претребовашь отъ лучшаго друга; по крайней мѣрѣ такъ я предполагаю, и думаю сверхъ того, что онъ хотѣлъ бытъ моимъ другомъ. Но довѣрчивость не приходишь на заказъ , и его жесткія , мало общежительныя формы, спранныя для меня, были, можетъ спашься, первую причиною моего удаленія отъ него. Но, какъ-бы ни было , я видалась съ нимъ каждый день , и, можно сказашь , мы обходились искренно.

Кардиналь Мори, можетъ бытъ больше извѣстный подъ именемъ *Аббата Мори*, возвратился во Францію съ 1806 года. Очень извѣстное письмо его къ Императору открыло ему границы , которыя снова заповорились-было для него. Письмо его неприлично во всѣхъ отношеніяхъ, потому что оно написано только къ власни , и слѣдовательно имѣетъ отпѣнокъ низкій и рабскій, помрачающій краснорѣчіе его. Въ самомъ дѣлѣ, пріѣхавши въ Парижъ, *Аббатъ Мори* увидѣлъ все что *Кардиналь Мори* поперялъ во мнѣніи своихъ парпизановъ , жипелей благороднаго предмѣсія. Топчасъ по возвращеніи своемъ онъ явился во многихъ домахъ , гдѣ принимали его, бывало, даже съ любовью, и

вспрѣшилъ уже только холодную учивость, пошому что въ людяхъ благородныхъ, каковъ-бы ни былъ ихъ внутренній образъ мыслей, всегда находилъся та вѣжливостъ и добрая снисходительностъ, которыхъ безчисленные опшѣнки понятны для знающаго эпошъ успавъ, необходимый для гармоніи общесва и чрезвычайно обширный, по моему мнѣнію. Я думаю, что длинная и крѣпкая цѣпь, но сполько-же гибкая сколько крѣпкая, похожая на сѣпку, обвиваетъ или окружаетъ насъ всѣхъ. Пущъ разрушилъ одно кольцо эпош цѣпи, и потчасъ все придетъ въ замѣшательство, пошому что нѣтъ больше ни для чего препоны. Я хорошо изучила то, что говорю здѣсь, и увѣрена, что величайшее зло нашего времени есть испребленіе прежнихъ обычаевъ, отношеній, и прилічій общесвенныхъ. Грубостъ овладѣла всѣмъ, и опъ эпош люди несдѣлались опкровеннѣе, лучше: они только невѣжливѣе—вошъ все.

Что касается до Аббаша Мори, онъ, не смотря на свое испинно замѣшательное краснорѣчіе, былъ до Революціи шаковъ же какъ въ изгнаніи, и каковъ оставался во время Имперіи: человекъ, больше съ дарованіемъ нежели съ умомъ... священникъ временъ Лиги, больше нежели Аббашъ въ царствованіе Людовика XV. Лицо его было непріятно въ высочайшей степени. Огромная, четыреугольная голова его

—Охъ, о!—сказалъ Кардиналь входя.—У васъ прекрасное стадо..... Я сей часъ опць одного челоука, который конечно желалъ-бы чпобы его снадо было такъ-же хорошо.

Говоря это, онъ разумѣль Персидскаго Посланника, который прѣхалъ въ Парижъ въ 1807 году. Кардиналь, не знаю зачѣмъ, ѣздилъ къ нему, хопя его красная свипка и Алкоранъ казались непримиримыми. Но онъ ѣздилъ туда и узналъ шамъ много сипранныхъ вещей. Особенно одинъ разсказъ о надзирашелѣ гарема былъ очень забавенъ. Кардиналь, по своему обыкновению, усѣлся, шумно высморкался, набилъ свой носъ чипсымъ Испанскимъ шабакомъ, краснымъ и чрезвычайно мѣлкимъ, и опворачивалъ больше десятии разъ свою красную полу : онъ былъ въ это время Парижскимъ Архіепископомъ, занимая мѣсто Кардинала Феша, который не хопѣлъ принять его прошивъ воли Папы, и потому-то, въ знакъ своего достоинства, носилъ длинное и красное полукашанье. Это особенно опличало его въ госипной, посреди черныхъ или синихъ фраковъ, когда онъ съ шумомъ и не совсѣмъ благопристойно, опворачивалъ свою полу, вынимая шабакерку съ Испанскимъ шабакомъ или огромный плашокъ съ голубыми и бѣлыми квадрашами.

« Умоляю, Ваше Преосвященство, » сказала я ему однажды, « велише прорѣзать себѣ карманъ на полукашаньѣ.

Онъ взглянулъ на меня съ изумленнымъ видомъ.

— А для чего ?

«Для чего?... Да для того, что мнѣ кажется нѣтъ ничего страннѣе, какъ это движеніе, которое вы дѣлаете, вынимая табакерку или плашокъ... это конечно очень невинно, но и очень смѣшно. А вы знаете, Преосвященнѣйшій, что заснавивъ смѣяться надъ собой, у насъ по-же что подашь розгу и подснавивъ спину.

Онъ снова поглядѣлъ на меня и засмѣялся, но смѣхъ его никогда не бывалъ веселъ и походилъ на какое-то чрезовѣщаніе. Онъ смѣялся внутрь себя и я пощасъ увидѣла, что онъ глядитъ на меня съ сожалѣніемъ.

— Такъ вы обращаете вниманіе на слова этихъ глупцовъ, которые жужжатъ какъ пчелы вокругъ васъ, хорошенькая пчелка?... О, конечно, если-бы я слушала всѣ дурачества, какія говорятъ въ кулисахъ большаго театра свѣта, я оставался-бы хористомъ и не былъ-бы однимъ изъ первыхъ актеровъ. Если вы хотите сдѣлаться пѣмъ, что общаете : высокою женщиною, зашкните себѣ уши, и ступайте прямо впередъ... Да!... прекрасно, очень хорошо было-бы прорѣзать мое полукашанье и сдѣлать карманъ!... Но къ чему это, ради Бога?... Развѣ думаешь, что у меня колика (повторяю общ-

венныя его слова)? Я увѣренъ, что это изобрѣшаешь пріятельница ваша, Полька... она не любишь меня... она даетъ мнѣ уроки... Да гдѣ научилась она скромности?

Я нахмурилась и Кардиналь могъ видѣшь, что я сержусь. Онъ былъ недогадливъ, однакожь не до шакой спешени. Онъ зналъ, что говорилъ объ искреннемъ моемъ другѣ, пошому что Г-жа Зайончекъ была другомъ моимъ, не смощря на разность лѣтъ. Я любила ее нѣжно, шакъ-же какъ всѣ, кому былъ извѣстенъ удивительно любезный умъ ея. Правда, она не перѣбла слишкомъ *кавалерскаго* обращенія Кардинала, и за шо давала ему уроки при шакомъ многочисленномъ обществѣ, что это не могло нравиться Его Преосвященству. Такъ случилось и за нѣсколько времени передъ шѣмъ. Г-жа Зайончекъ спояла подлѣ меня, передъ каминомъ. По всегдашнему обыкновенію, у нея была опкрыта шея, и коропкіе рукава не закрывали прекрасныхъ, полныхъ плечъ ея, и рукъ, бѣлыхъ и пѣжныхъ. Вѣроятно, это очень понравилось Кардиналу, пошому что онъ взялъ розу изъ фарфоровой вазы, подошелъ шихонько сзади къ Г-жѣ Зайончекъ, кошорая разговаривала со мной, и положилъ ей среди плечъ розу, еще мокрую отъ воды, въ кошорой она спояла. Г-жа Зайончекъ ни сколько не ожидала этого, и шакая грубая шушка, кошорой не пере-

несла-бы она и отъ своего брата , показала ей неприличною выше всякой мѣры. Она покраснѣла совершенно, выхватила розу , кинула ее на полъ съ сердитымъ движеніемъ , и сказала Кардиналу :

« Ваше Преосвященство ! это ни сколько не свято (или не здорово) (*).

Въ госпиной было челоуѣкъ шестидесятъ , и всѣ засмѣялись. Кардиналъ смѣялся вмѣстѣ съ другими , но эшоуѣ урокъ разсердилъ его , и Г-жа Зайончекъ уже не была въ числѣ его друзей. Удивительный вкусъ и проницательность эшой прекрасной женщины бывали мнѣ полезными руководителями. Она-шо , не смотря на отказъ Кардинала, хоуѣла сдѣлать прорѣзъ въ его полукашанѣ.

—Просто , надобно сдѣлать ему прорѣху!— говорила она.—Эшо будетъ испинной услугой для него самого. Тогда не шоолько замѣшны будущъ его огромные башмаки , дурно вычищенные , съ мѣдными позолоченными пряжками , красные чулки , совершенно испшопаные , а иногда и въ дѣрахъ.... Сверхъ шого , ему не

(*) Ce que votre éminence vient de faire n'est pas *sain* du tout ; каламбуръ непереуодимый. *Прим. Перев.*

нужно будешь *подымать своей юпки...* Ахъ, моя милая, для меня это неспернимо!

Но, какъ-бы ни было, а мы не могли добиться чшобы онъ велѣлъ сдѣлать себѣ карманъ, шо есть прорѣху на своей рясѣ. Впрочемъ, онъ шакъ мало понималъ, или по крайней мѣрѣ не хонѣлъ понять, какъ неприлично бывали его пошунки, чшо въ эпошъ самый день, возвращившись онъ Персіянина, хохошалъ не хуже какого нибудь молодаго Прапорщика, только чшо вышедшаго изъ-за завпрака у Беньѣра. Онъ усѣлся въ бержерку, подлѣ моихъ длинныхъ кресель, поглядѣлъ вокругъ себя, и увидѣлъ, чшо съ нимъ были полько женщины. Тогда, обернувши себѣ ноги складками рясы, онъ поправился въ своихъ креслахъ и сказалъ намъ:

—Ну, вѣдь здѣсь *нѣтъ двницъ*, шакъ я расскажу прекрасное и забавное приключеніе.

Онъ шотчасъ началъ испорію, кошорую, можешъ бышь, шеперь похвалили-бы мои сыновья, за мужскимъ завпракомъ. У меня въ комнашъ были полько молодья женщины, двадцати одного и двадцати прехъ лѣшъ: онъ ондѣлался смѣхомъ. И не лзя было не смѣяться надъ самой испоріей, шочно забавной, а пошомъ и надъ Г-мъ Кардиналомъ. Но онъ и не подозрѣвалъ, чшо говорилъ неприлично и не кшани, хонъ это случалось съ нимъ довольно часно. Впрочемъ, не лзя сказать, чшобы у него не

было вѣрнаго и иногда слишкомъ логическаго ума; но онъ глядѣлъ въ какія-то очки, кошорья слишкомъ часто обманывали его.

Кардиналь Мори произнесъ изящный панегирикъ Святому Людовику, но онъ не годился для защиты его попомка. Онъ лучше многихъ понималъ духовныя дѣла, но ни сколько не былъ человѣкомъ государственнымъ. Архіепископъ Эскій понималъ ихъ не хуже его, и сверхъ того былъ совершенно способенъ для управленія ими. Аббатъ Мори явился на прибуи, когда мракъ разсѣкали только молніи, кидаемыя разгнѣваннымъ небомъ. Необыкновенное дарованіе нужно было для сопроивленія народному порыву, и Аббатъ Мори не понялъ своего высокаго призванія. Ему предшюла великая роль на сценѣ нашей Революціи, но онъ опклонилъ все сомнительное, и привязался къ нупнымъ вопросамъ Галликанской Церкви, для того чшобы имѣти очень небольшое шоржесиво, заспавивши одинъ разъ Мирабо замолчанъ. Аббатъ Мори могъ сдѣланъ многое для Короля, если-бы не вздумалъ изображанъ школы рабсшва и гнѣзда пороковъ мѣшомъ чиснымъ и непорочнымъ. Но онъ не любилъ ни Короля, ни дворянсшва. Я часто слыхала, какъ вольно разсуждалъ онъ о многихъ лицахъ, занимавшихъ первую шепенъ въ спискѣ знаменитыхъ именъ: онъ говорилъ о нихъ съ презрѣніемъ, испинно

оскорбительнымъ, по возвращеніи во Францію. Его худо приняли въ Сень-Жерменскомъ предмѣстіи; знали письмо его къ Императору, а это письмо не могло найтись одобрителемъ между дворянствомъ.

«Когда пошеряна *надежда*,» говаривалъ онъ, «по у насъ нѣтъ больше *вѣры*. Намъ осмѣшается только *благодвореніе*».

Изъ этого онъ заключалъ, что Бурбоны не могутъ возвратиться во Францію, и потому хранишь къ нимъ вѣрность было бесполезно. Вотъ почему онъ просилъ Императора позволить ему пріѣхать въ опечесство.

Императоръ, такъ-же какъ дѣлають многіе въ нашемъ мірѣ, судилъ о немъ по его славі; а слава *Аббата Мори* была Европейская, и ещо хотѣлъ онъ возвратиться Франціи. Кардиналъ получилъ позволеніе возвратиться и пріѣхалъ въ Парижъ. Наполеонъ пошчасъ понялъ его и увидѣлъ въ немъ человека, гошоваго служилъ власпи, не смотря ни на какія препяшствія, даже своей совѣспи.

Кардиналъ Мори, своимъ обхожденіемъ, разговоромъ и всей особой своей ни сколько не напоминалъ прежнихъ аббатовъ, такихъ какъ аббатъ Перигоръ, аббатъ Моншескіу, Аббатъ Сень-Фаръ, и весь эпошь *штабъ*, окружавшій Архіепископа Реймсскаго и служившій образъ

помъ для всѣхъ молодыхъ духовныхъ. Кардиналь былъ грубъ даже въ обращеніи, и все показывало въ немъ волю чловѣка, кошорый не хочешъ нравишься. Я уже упоминала, что онъ былъ циникъ, и, не знаю почему, онъ всегда спарался казаться небрежнымъ. Во всемъ безобразіи своего цинизма бывалъ онъ дома. Я завшпракала одинъ разъ у него, въ Архіепископскомъ домѣ, и никогда не забуду этого дня.

Онъ любилъ спорить, надобдалъ эшимъ, и былъ шакъ мало усшупчивъ, съ пропивникомъ сколько нибудь вспылчивымъ, что при эпомъ надобно было бѣжать изъ комнашы. Я часшо слыхала лишпературные споры между Кардиналомъ, моимъ другомъ Милленомъ, и Барономъ Брокгаузенемъ, Прусскимъ Миниспромъ. Эшоимъ имѣлъ спрасшъ наадашь на нашу Лишпературу, и, разумѣеся, бой не могъ бытъ равенъ. За шо, Кардиналь поражалъ его безъ всякой пощады. Однажды Г. Брокгаузенъ говорилъ о Расинѣ, и, по обычаю многихъ Нѣмцевъ, говорилъ худо.

—Ахъ, М. Г!—вскричалъ Кардиналь, красный отъ гнѣва.—Вы говорите какъ слѣпорожденный о цвѣтахъ.... Развѣ Пруссаки могутъ судить насъ? Развѣ Пруссаки знаютъ Расина?...

«Но, Ваше Преосвященство, позвольте мнѣ сказанъ вамъ....»

—Ничего, М. Г., не позволяю ничего... Пруссаки не могутъ судить о тѣхъ авторяхъ, которыхъ языкъ неизвѣстенъ имъ.

«Но, Ваше Преосвященство...

— Ахъ, М. Г.! Чпò вы мнѣ спанение отвѣчать, когда я скажу, что вамъ должно прожить спю лѣтъ, если хошите понять Расина... Вольперъ и Моперлюм жили въ Берлинѣ, но опъ этого вы еще не знаете по-Французски.

Не смотря на глубокое уваженіе свое къ власпи, Кардиналь спориваль иногда (но шогда онъ уже не *вздорилъ*) съ Императоромъ о предметахъ Литтературы. Императоръ чрезвычайно уважалъ дарованіе Корнеля. Опъ *терпѣль* Расина, но удивлялся Корнелю, *любилъ* его, и я совершенно понимаю это, пошому что мнѣнія наши шущь одинаковы. Кардиналь думаль иначе, и, признаюсь, въ шощь день, когда онъ объявилъ мнѣ это, я изумилась чрезвычайно. Расинъ и Кардиналь Мори, казалось, разногласили совершенно. Это дашь мнѣ случай сказать, какъ шрудно иногда угадывать истинный складъ ума. Мы судимъ ложно, покуда не испытали шого, о комъ идешь дѣло.

Императоръ сказалъ однажды Кардиналу Мори:

«Какъ не любишь вы Корнеля?»

— Государь! — опвѣчалъ онъ. — Я удивляюсь Корнелю, а люблю Расина.

«А я вижу въ немъ *надутость*,» сказалъ Императоръ. «Надушность у вашего Расина во всѣхъ его любовныхъ сценахъ, попому что любовь необходима ему во всѣхъ пьесахъ его, такъ-же какъ для актеровъ необходимъ суффлёръ. Только молодые люди могутъ любить Расина... И какъ, чортъ возьми, въ ваши лѣта, Г. Кардиналь, вы рыцарствуете за этого поэта женщины!... Говорите мнѣ о Корнелѣ; вопиъ кто зналъ свѣшъ!»

— Но какъ могъ онъ знать его?... онъ и не видался ни съ кѣмъ.

Императоръ поглядѣлъ на него почти презрительно; казалось, что онъ судилъ о немъ въ эту минушу въ первый разъ.

«Вопиъ почему именно я и утверждаю, что Корнель великій человекъ. Удаленный отъ Двора, отъ интригъ, отъ дѣлъ, онъ, какъ сказать, *угадалъ* истинное состояніе и положеніе государствъ, народовъ и власнителей. Великій Конде, слушая не помню какую-шо пьесу Корнелеву, кажешся *Сертория*, вскричалъ:

«Да гдѣ Корнель узналъ военное дѣло?»

«А я скажу,» прибавилъ Императоръ, «что если-бы захотѣли досшойнымъ образомъ оцѣ-

нишь превосходныя его прагедіи, но партеръ должно было-бы соспавить изъ Царей, Миниспровъ и высихъ чиновниковъ.

Въ эшомъ чувствѣ о Корнелѣ замѣпно другое чувство, которое послѣ заспавило Императора сказаць :

«Если-бы Корнелъ жилъ въ мое время, я сдѣлалъ-бы его Княземъ!

Въ самомъ дѣлѣ, Наполеонъ долженъ былъ совершенно понимать эшого человека, котораго гений особенно умѣлъ приводить идеи въ политическія правила, обобщая эти самыя идеи, и сверхъ того выражаясь часно въ величественныхъ словахъ.

Эшо напоминаетъ мнѣ, что Императоръ, не забывчивый ошъ природы, повшорилъ послѣ при Кардиналѣ свои слова :

«Я сдѣлалъ-бы его Княземъ.

—А для чего-же не Миниспровъ, если онъ былъ пакъ искусень? — сказаць Кардиналъ довольно колко и съ полу-улыбкой.

«Нѣтъ,» возразилъ Императоръ сухо. «Я испыталъ, что люди, которые писали прелестныя фразы, были въ по-же время самыя неспособныя къ дѣлу. Кoadъюторъ конечно былъ-бы самый плохой Миниспръ, а между шѣмъ онъ говорилъ хорошо. Но онъ шолько говорилъ, и

хощь порицалъ Мазарена , а шощь не взял-бы
его къ себѣ и секретаремъ. Эшо былъ вздор-
щикъ и спорщикъ.

Императоръ часно употреблялъ эшо слово ,
говоря о шѣхъ , кшо любилъ спорить въ раз-
говорѣ.

Глава VII.

Глаза супруги Маршала Нея. — Персидскій Посланникъ при Дворѣ. — Онъ нездоровъ. — Гг. Жоберъ и Бурдуа. — Оригинальная пантомима, гдѣ главнымъ Г. Барбе-Марбуа. — Президентъ почти увлеченъ въ одно извѣстное мѣсто. — Лавалешъ и Мармонъ. — Пророческая печаль этого послѣдняго. — Полуночная служба. — Императоръ даетъ намъ урокъ. — Чувства его при видѣ народнаго восторга въ день 15-го Августа. — Слова его о Маршалѣ Неѣ и Принцѣ Евгѣнѣ. — Анекдотъ. — Г. д'Аллоаъ. — Праздникъ, данный въ Городовомъ Собраніи. — Армія продолжаетъ побѣждать. — Прокламація. — Жюно назначенъ командиромъ Жирондской арміи. — Я легко познаю причину этого.

Я сей часъ говорила о Персидскомъ Посланникѣ. Эшопъ человекъ не былъ правнукъ того, котораго предсказали Людовику XIV-му, желая польстить суежности 70-ти лѣтняго Короля. Это былъ насмѣяющій Персіанинъ, и сверхъ того довольно близкій родственникъ Персидскаго Шаха. Онъ сначала ѣхалъ къ Наполеону въ Польшу, и прибытіе его въ Парижъ служило не только предметомъ для разговора, но и большою забавою. Послѣ онъ самъ давалъ поводъ

къ этому, прїѣзжая ко Двору, гдѣ видѣлъ Императрицу окруженную дамами: она являлась среди нихъ съ такою прїятносью, что конечно должна была удивлять челоуѣка, привыкшаго видѣть въ женщинахъ только рабынь. Однажды, во время концерта, онъ оставался въ гостиной передъ залою Маршаловъ, и прохаживаясь тамъ вдоль и поперегъ, безпрестанно повпорялъ: «Маршальша Ней... Маршальша Ней... Маршальша Ней...

Видно что Маршальша Ней, которой прекрасныя глаза напоминали прекрасныхъ дѣвъ Востока, поразила Персіянину и онъ влюбился въ нее. Онъ повпорялъ такимъ образомъ ея имя, единственное Французское слово, которое зналъ. Г. Курпомеръ выучилъ его повпоряшь это слово, и послѣ разсказалъ исторію бѣднаго Персіянину.

Почти въ то-же самое время была другая, смѣшная исторія, въ которой играло роль лицо чрезвычайно важное, не знавшее смѣха во всю свою жизнь, но которое тогда засмѣяло похорошаешь многія сумасшедшія головы, такія какъ моя.

Персидскій Посланникъ жилъ, какъ я уже говорила кажешся, въ домѣ дѣвицы Конде. Императоръ приказалъ, чтобы всѣ высшіе чиновники съѣздили къ нему, но не всѣ вдругъ, а каждый особю, изъявивъ свое почтеніе. И каж-

дѣй побывалъ у него , пошому что приказанія Наполеона исполнялись буквально. Много дней Превосходительный Персіанинъ видѣлъ у себя длинную вереницу любопытныхъ , которыхъ очень забавляла его наружность , между шѣмъ какъ самъ онъ чрезвычайно скучалъ съ ними. Можеть бытъ эта скука , или перемѣна воздуха , воды , пищи , произвела свое дѣйствіе , шолько Персіанинъ почувствовалъ себя нездоровымъ. Онъ сказалъ объ этомъ Г-ну Жоберу , и шотъ обѣщалъ ему прислать медика Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Это былъ Г. Бурдуа. Въ самомъ дѣлѣ , шому сказали , и онъ обѣщалъ пріѣхать , но узнавши , что болѣзнь не важная , отложилъ свое посѣщеніе до слѣдующаго дня. Между шѣмъ какъ онъ былъ спокоенъ , Персіанинъ превозился чрезвычайно. Колика и спраданія его усилились жестоко , и пошому слѣдующаго дня онъ ожидалъ съ неперпѣніемъ. Вдругъ въ комнату входилъ рабъ , хлопаешъ радосшно ладонями и сказываешъ , что пріѣхалъ медикъ. Ищущъ Г-на Жобера , пошому что съ *эмиромъ* надобно было говорить , а въ домѣ никшо не зналъ по-Французски ; кто-жь говорилъ по-Французски , шѣ не знали Персидскаго языка. Но Г. Жоберъ еще не пріѣзжалъ , пошому что это случилось въ одиннадцатъ часовъ. Медикъ входилъ въ комнату , довольно изумленный паншомимою , кошорую ви-

дѣлъ онъ съ самаго выхода изъ кареты. Едва спулилъ онъ на землю, какъ человекъ, весь черный, преклонился передъ нимъ, и показывая на свою голову, прикасаясь къ своему брюху, указывая на верхній эшажъ, всячески спарался дашь знашь, чшо господинъ его спрадаешъ. Тотъ, къ кому онъ обращался, былъ человекъ сорока или сорока пяти лѣтъ, споль худой и блѣдный, чшо его скорѣе можно было почешъ больнымъ, нежели лекаремъ. Онъ былъ въ длинномъ бархатномъ плащѣ, или лучше сказашь *рясѣ* изъ чернаго бархата, застегнушой опъ подбородка до ногъ. Небольшой ключекъ вологовъ на головѣ его былъ сѣдъ и почши бѣлъ. Эшо сущесиво, доброе и почшенное видомъ, могло-бы служишь образцомъ древнихъ папріарховъ, и физиогномія его сама по себѣ предсшавляла цѣлую поэму.

Увидѣвши его, Посланникъ приподнялся на своихъ подушкахъ и сдѣлалъ рукой знакъ, которій могъ выражашъ привѣнспвіе. Но медикъ понялъ эшо иначе, или лучше сказашь не почель эшого насноящимъ привѣнспвіемъ и нахмурилъ брови.

«О,» сказалъ Персіанинъ своему первому внуху, а попъ послѣ передалъ слова его Г-ну Жоберу: «я вижу, чшо *эмиръ* съ перваго взгляда присудилъ меня къ смерши.

Но эмиръ подходилъ ближе, и наконецъ, подошедши къ Превосходительному Персiянину, сказалъ спрогимъ голосомъ :

— Да развѣ здѣсь нѣтъ никакого переводчика?

Посланникъ произнесъ нѣсколько словъ, какъ-бы совѣщаясь съ своимъ первымъ евнухомъ, и послѣ этого маленькаго совѣщанiя крупно поворопился къ госпю въ черной рясѣ, пропнянувши свою руку, копорую онкрылъ онъ до локтя. Эта рука была покрыта кусочками лайки, исписанными множествомъ священныхъ стиховъ.

— Чшо-жь?—сказалъ мнимый медикъ взявши руку. — Можешъ бышь въ Персiи шакъ принимающъ Президентовъ высшихъ судилищъ!

Онъ пожалъ пропнянушую къ нему руку, и съ минушу не выпускалъ ея изъ своей. Но послѣ этого обряда начался другой, довольно спранный. Посланникъ припнянулъ *эмира* къ себѣ, засавилъ глядѣшь на себя, и наконецъ высунулъ болѣзненный языкъ, длинный на цѣлый фушь. Тупъ человекъ въ рясѣ уже не понималъ ничего. Онъ былъ важенъ онъ природы, не любилъ шумишь, и даже хощѣлъ разсердишь, когда одинъ изъ переводчиковъ, можешъ бышь самъ Г. Жоберъ, прiѣхалъ еще во время, не допусишь Президента Счетной Палаты, Г-на Барбе-Марбуа, войдши въ извѣстное мѣсто, куда первый евнухъ хощѣлъ увлечь его, чшобы

онъ вполне могъ судить о состояніи больного. Эпо приключеніе рассказывали по Парижу всю зиму, но послѣ говорили, что оно ложно. Я думаю, Императоръ велѣлъ объявить его ложнымъ: онъ не любилъ чтобы начальники высшихъ судебныхъ и присудственныхъ мѣстъ служили предметомъ насмѣшекъ, и эпо очень справедливо. Впрочемъ, всѣ рассказывали эпо исторію и никто не сомнѣвался въ ней. Г. Барбе-Марбуа, кажется такой-же спрогій пуританинъ какъ въ свое время былъ Бурлейгъ, не сколько понималъ шушки, чтобы у него осмѣлились спросить: почто-ли Персіанинъ высывалъ передъ нимъ языкъ, а первый евнухъ предлагалъ ему идни въ извѣстное мѣсто. Но Лавалешпъ, эпошъ добрый малый, копорый умѣлъ быть шакъ забавно важнымъ когда хопѣлъ, увѣрялъ меня, что все происшедшее истинно.

Имя Лавалешпа напоминаетъ мнѣ другое приключеніе, копорое было гораздо прежде; но я не вспомнила о немъ во время и расскажу его шеперь.

Въ день Рождества мы обѣдали у Г-жи Мармонъ. За столомъ были: она, мужъ ея, Лавалешпъ, Жюно и я. Всѣ мы тогда жили очень дружно, слѣдовательно были очень веселы и довольны, что съѣхались вмѣстѣ. . . . Вечеръ прошелъ быспро въ шомъ небольшомъ каби-

нешѣ, въ дальнихъ комнапахъ Герцогини Рагузской, гдѣ она уже тогда любила оспавашься съ своими друзьями. Мы болтали, смѣялись, и для насъ слишкомъ скоро ударило одиннадцатъ часовъ, когда пришли сказать, что приѣхала моя кареша.

— Какъ хочешь— сказалъ Жюно Мармону— а я не выйду опсюда. Мнѣ здѣсь весело и я оспаюсь у шебя.

« Прекрасно! » сказала Г-жа Мармонъ. « Я дамъ вамъ ужинашь. У насъ будетъ *ногной пирь*.

— Да, да! — закричали Жюно и Лавалешпшъ. — Ночной пирь! Мармонъ! едѣлаемъ *ногной пирь!*

Генераль Мармонъ и тогда былъ таковъ-же какъ послѣ, каковъ шеперь онъ, шо естъ человекъ добрый и превосходный. Онъ любилъ Жюно и Лавалешпа какъ брашьевъ. Онъ улыбнулся видя юношескій огонь ихъ, но улыбнулся печально. Казалось, что уже тогда видѣлъ онъ въ будущемъ грозныя шучи. Онъ смѣялся какъ незнакомый съ радостью.

— Да! — сказалъ Лавалешпшъ прыгнувши нѣсколько разъ по комнашѣ.—Надобно, чтобы ужъ все было какъ должно. Въ полночь мы поѣдемъ въ церковь. Я уже шакъ давно не слышалъ сегодняшней службы, что едва помню ее. Эпи дамы вѣрно никогда не видали ея (онъ гово-

рилъ правду); и шакъ въ полночь, мы всѣ должны ѣхать въ церковь.

«Да, да, «сказали мы пошчасъ.» Но въ какую церковь? Въ ту, копорая въ улицѣ Монмаршръ?

—Полноше!—сказаль Жюно.—Надобно ѣхать въ Сень-Рошъ, или къ Св. Сьюльпицію.

«Св. Сьюльпицій слишкомъ далеко.

—Ну шакъ въ Сень-Рошъ.

Хоть я совсѣмъ не нарядно прїѣзжала обѣдать къ Г-жѣ Мармонъ, съ копорою мы были шогда очень дружны, однако на мнѣ было шелковое плашье съ полу-шлейфомъ и чепчикъ съ цвѣтами. Невозможно ѣхать въ церковь въ такомъ нарядѣ. Лошади мои были гоповы; я хотѣла съѣздинъ къ себѣ, переодѣться.

«Нѣтъ, нѣтъ!» сказала Г-жа Мармонъ. «Пожалуста не дѣлайте эшого; вы оледенише нашъ вечеръ. Оспаньшесь на минушу: я дамъ вамъ дульешъ, мы приколемъ ваше плашье булавками, и подъ дульешомъ не будетъ видно ничего. А на голову надѣнете вы одну изъ моихъ шляпокъ, копорая превосходно замѣнитъ вашъ чепчикъ.

Сказано и сдѣлано. Но мы не подумали, какую нелѣпую фигуру предсавлю я, въ плашье слишкомъ коронкомъ для меня, копорое сдѣлалось короче оишъ шлейфа, приколошаго во кругъ шелковаго плашья моего, и безъ того

очень пышнаго. Мы хохотали какъ сумасшедшія садясь въ карету, хохотали дорогой и даже прїѣхавши.... Могу увѣрить, что во всей церкви Сень-Рошъ не было въ эпошъ вечеръ пѣши человѣкъ, сколько веселыхъ и счастливыхъ, какъ мы въ эту минушу. Лавалешпъ, оставаясь одинъ, пошому что меня велъ Мармонъ, а Г-жу Мармонъ Жюно, утверждалъ, что онъ нашъ надзирашеть, и пошому шеть впереди насъ, говоря тысячу дурачествъ, ни сколько не неприличныхъ, но смѣшныхъ такъ что мы хохотали до слезъ. Вдругъ, при поворотѣ вокругъ одного столба, гдѣ было шеміѣ не жели въ оспальной церкви, два человѣка прошли подлѣ насъ. Они были въ сюртукахъ, зашегнутыхъ на всѣ пуговицы, и въ круглыхъ шляпахъ, надвинутыхъ на глаза.

«Въ церкви надобно держашь себя прилично свяшосши мѣста,» сказалъ знакомый намъ голосъ одного изъ эшихъ двухъ человѣкъ, когда онъ проходилъ подлѣ насъ.

Это былъ Императоръ.

Въ одно мгновеніе исчезла вся наша радость. Лавалешпъ, который прежде всѣхъ онѣмѣлъ, посреди чудеснаго разсказа о Св. Герменегильдѣ, оправился первый изъ насъ, и утверждалъ что это былъ не Императоръ. Но онъ пошому только говорилъ это, что видѣлъ, какъ

я смутилась ошъ внезапнаго явленія ; а это былъ точно Императоръ. Я узнала его физиогномію , не похожую ни на чью другую , когда онъ бывалъ въ круглой шляпѣ. Это былъ онъ. Мы пошчасъ вышли изъ церкви и возвратились домой , но это не помѣшало нашему ночному пиру: мы ошправили его очень весело. Я хощла только показашъ , какое дѣйствіе иногда производило неожиданное присушествіе Наполеона, и особенно, какъ спрахъ не повраишься ему поражалъ людей , впрочемъ мало способныхъ спрашиться. . . . Сколько размышленій пѣснясь во мнѣ , вмѣстѣ съ воспоминаніемъ объ этихъ дняхъ безумной радости. . . . Намъ было пятеро. . . . только пятеро. . . . трое молодыхъ , богатыхъ. . . . счастливыхъ. . . . но счастливыхъ до безспрашія передъ жребіемъ! . . . И что-же сдѣлалось съ этими счастливыми земли? Жюно умеръ. . . . и какъ! . . . Лавалешпъ послѣдовалъ за нимъ , испытавши въ два года всѣ ужасы , какіе только могутъ представляться человѣку въ жизни , фантастически ужасной. Мармонъ не умеръ. . . . но что значить такая жизнь , какую влачить онъ , жизнь въ изгнаніи , далеко ошъ опечесшва, которое опвергаетъ его?... А жена его?... Несчастливая!... Она-шо должна повпорашъ :

Je ne veux plus de la vie ! . . .

О, я жалѣю о ней! . . . жалѣю оиъ глубины души. . . Она оишвергла дружбу. . . пусть по крайней мѣрѣ примешь сожалѣніе сердца, которое умѣешь любить и жалѣть. А я. . . мнѣ остаеися почищать заключеннымъ эиотнъ списокъ пяши человекъ, которые исчезли со сцены міра, по волѣ Бога, и оставили послѣ себя только слѣды жесшочайшихъ несчастій. . . Разрушенное существованіе, будущее, убишое для юныхъ поколѣній еще при груди мащери. . . и я имѣю только печальное право утверждать, что изъ пящерыхъ, я всѣхъ больше достойна сожалѣнія, потому что я видѣла все что видѣли они. . . я спрадала всѣмъ, чѣмъ спрадали они. . . и, сверхъ шого. . . я еще живу. . .

Спрасть ходишь по Парижу новымъ Гарунъ-Аль-Рашидомъ, часшо доставляла Наполеону удивительное наслажденіе. Вопъ что случилось съ нимъ однажды, по возвращеніи его изъ перваго Польскаго похода, шо ешь въ шо самое время, на которомъ находимся мы щеръ въ эишихъ Запискахъ.

Эшо было 15-го Августа. Послѣ шакихъ шріумфовъ, само собою разумѣеися, эншузіазмъ народа былъ на высшей степенн. Любовь и преданность, основанныя на шакихъ знаменишыхъ подвигахъ, не имѣли никакой нужды въ эншузіазмѣ *ослѣвленія*! Чувство, которое за-

спавляло погда любить Императора, было совершенно самобытно.

Такимъ образомъ, вечеромъ наканунѣ дня Св. Наполеона, Тюльерійскій садъ блисшалъ огнями милліона шкаликовъ; шеррасса дворца, на кошорой каждый могъ прогуливаншься *тогда*, была покрыша народомъ. Толпа спѣснилась шакъ, чшо едва можно было проходитьъ сквозь нее, и она не слушала концерша и папіріюшическихъ пѣсенъ, не глядѣла на иллюминацію сада; нѣшъ, взгляды всѣхъ обращались къ двумъ окнамъ нижняго эшажа, съ надеждою увидѣшь, хопъ на одно мгновеніе, своего любимаго Императора, пошому чшо онъ былъ погда *любимый* Императоръ. Франція не оприцалась погда опъ признашельности, какую чувспвовала къ нему, и особенно въ Парижѣ могли судишь объ энтузіазмѣ народа. Въ эшошъ самый вечеръ на 15-е Августа 1807 года, крики: Да здравствуешъ Императоръ, оглашали шемное небо, на кошоромъ опражались огни освѣщенныхъ палапъ на набережной, какъ-бы опвѣчавшіе блестящей массѣ огней Императорскаго дворца. Дальше обрисовывался въ воздухѣ, какъ символъ славы Французской, кинушый въ проспраншво рукой какого нибудь небеснаго посланника, свѣшлый крестъ Почешнаго легіона. Эшошъ знакъ, награждавшій пролишую за опечесшво кровь и шруды ученаго. въ его кабине-

тѣ, еще не сдѣлался шакъ пошль, чпобы люди, почно избранные голосомъ *гести* и *отгества*, пренебрегали носиль его. Тогда многіе, кошорые спарашуся показашь шеперь, чпо они не уважають знаменишой эпохи, называя ее славой, спойвшей слишкомъ много крови (замѣшше, чпо эши люди не пролили ни одной капли своей крови), удивлялись онъ чисшаго сердца шому, чпò было удивишельно, и съ радосшью, а особенно безъ всякой зависши, соединали свой голосъ съ общимъ восклицаніемъ.

Имперашоръ вышелъ въ эшопъ самый вечеръ изъ дворца, со своимъ *Гіафаромъ*, вѣрнымъ другомъ, кошорый не осшавлялъ его никогда, и еще боялся, чпо бдишельносшь была не довольно дѣшпельна: съ Дюрокомъ. Эшопъ человекъ окружалъ Имперашора своею дѣшпельною заботливосшью; но самъ онъ скрывался при эшопѣ, какъ молодая, *любимая* женщина скрываетъ себя съ любовникомъ, шолько-же ревнивымъ, сколько влюбленнымъ. И. Г. Бурьеннь осмѣлился написашь, чпо Дюрокъ не любилъ Имперашора!... Но зачѣмъ опашь пробуждаеш свой гнѣвъ, говоря о сочиненіи, не написанномъ, но изрыгнушомъ невѣдѣніемъ собышій, времени и еще больше людей.

Имперашоръ вышелъ изъ дворца взглянушь на праздникъ, вечеромъ наканунѣ дня Св. На-

полеона. На другой день мы принимали Императора въ Городовомъ Собраніи, съ величайшею церемоніею. Г-жа Фрошо оплучилась въ это время изъ Парижа, и на меня упала вся обязанность; а я была беременна на шестомъ мѣсяцѣ. Трудъ былъ не по мнѣ, но съ Императоромъ не могли разсуждать о большей или меньшей возможности дѣлать что должно. Покуда могли ходишь, надобно было ходишь.

— Ваше Величество должны быть очень счастливы — говорилъ Оберъ-Гофмаршалъ Наполеону, который, опершись обѣими руками на парашень шеррасы, обглядывалъ все пространство, описанное мной выше. — Труды ваши конечно велики; но и какое слѣдствіе!... Вслушайтесь, Государь!

Въ это самое мгновеніе сто тысячъ головъ снова послали къ небу восклицанія:

Да здравствуетъ Императоръ!...

Энтузіазмъ какъ будто вдругъ удвоился, ... Вскорѣ увидѣли, что всѣхъ привело въ заблужденіе окно, открытое въ нижнемъ этажѣ: подумали, что тамъ видяшь Императора. ... Наполеонъ усмѣхнулся, и, оборотивши глаза на другой берегъ, какъ будто снова погрузился въ глубокое размышленіе.

«Вѣдь это домъ Нея, Дюрокъ? да?» спросилъ онъ у Оберъ-Гофмаршала, въ самомъ дѣлѣ ука-

зывая на домъ Безанваля, не за-долго передъ пѣмъ купленный Маршаломъ Неемъ. «Да, именно на эпомъ мѣспѣ долженъ бытъ домъ Мишеля Нея! . . . О-бокъ съ чеспью. . . . напрашивъ меня. Онъ испинно храбрый. . . . и мой сынъ Евгеній. . . . а попомъ Моршье. . . . Бессьеръ. . . . И Бершье былъ тамъ-же года два назадъ.

Онъ углублялъ взглядъ въ темную зелень боскетовъ, окружающихъ дома на берегу рѣки, въ улицѣ Лильской, и глаза его были влажны, сердце взволновано. Еще нѣсколько времени онъ глядѣлъ на огненную звѣзду Почепнаго легіона, кошорая казалась метеоромъ на мрачномъ небѣ. Попомъ, быспрыми шагами сошелъ онъ въ садъ, въ шо самое мгновение, когда начались новые крики, онъ кошорыхъ препешали листья.

Особенное вниманіе Имперашора привлекъ на себя мальчикъ, лѣшь пяши, прелеспный какъ ангель: онъ также кричалъ своимъ нѣжнымъ, гармоническимъ голоскомъ, и кидаль въ воздухъ свою хорошенькую фуражку изъ чернаго бархаша. Онъ былъ одинъ, и по видимому не боялся ни сколько.

— Да здравспвуешъ Имперашоръ! — кричалъ онъ шакъ громко, какъ будшо ему было двадцашъ лѣшь.

Имперашоръ съ изумленіемъ увидѣлъ, что никого нѣшь съ эшимъ ребенкомъ, кошораго

нарядъ и всѣ движенія показывали, что онъ принадлежитъ къ хорошему семейству. Наполеонъ сдѣлалъ знакъ Дюроку и вѣрный *Визирь* подошелъ къ ребенку.

— Кто вы? — спросилъ онъ у него. — И для чего съ вами никого нѣтъ?

Ребенокъ не отвѣчалъ, но устремилъ свои глаза на вопрошателя съ какимъ живымъ любопытствомъ, какъ будто хотѣлъ сказать ему:

«А сами вы кто такой?»

Дюрокъ повторилъ свой вопросъ.

«Меня зовутъ Габріель,» отвѣчалъ наконецъ ребенокъ. Прелесные блондинные локоны его, и его голова серафима, въ самомъ дѣлѣ напоминали о небесномъ соименникѣ его Гавріилѣ. Онъ еще взглянулъ на Дюрока и вдругъ вырвался у него съ удивительною ловкостью, отбѣжалъ на нѣсколько шаговъ, и снова кинулъ свою фуражку на воздухъ, крича: *Да здравствуетъ Императоръ*, еще сильнѣе нежели прежде. Тушь уже самъ Наполеонъ схватилъ его и поднялъ на своихъ рукахъ: онъ глядѣлъ на него съ какимъ-то изумленіемъ.

«Для чего ты кричишь: *Да здравствуетъ Императоръ*?»

— Для того что я очень люблю его.

Ч. X.

« А почему ты любишь его очень ? »

— Потому что папенька велишь мнѣ очень любить его. Онъ также очень любишь Императора... всякое утро и всякой вечеръ я молюсь Богу за него!...

Наполеонъ былъ глубоко распроганъ... Онъ поставилъ ребенка на землю, и велѣлъ Оберъ-Гофмаршалу спросить его еще. Дюрокъ спросилъ, почему онъ шупъ одинъ.

— Я не одинъ—опвѣчалъ маленькій ангелъ.—
Вошъ папенька и маменька.

Онъ указалъ на челоуѣка лѣтъ сорока, который былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него и держалъ подъ руку женщину, еще молодую, но беременную; она вела за руку дѣвочку, годами двумя моложе мальчика въ черной бархашной фуражкѣ.

Оберъ-Гофмаршалъ вѣжливо поклонился имъ и сказалъ: Эшо прекрасное дитя ваше ?

Онъ указалъ на прелестную голову съ бѣлокурыми локонами, которую ласкалъ Императоръ, но опворотившись, чтобы его не узнали.

Опецъ снялъ шляпу и опвѣчалъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ :

— Да, М. Г., эшо мой сынъ ; не сдѣлалъ-ли онъ какой шалости ?

Дюрокъ увѣрилъ въ прошивномъ и спросилъ его самого объ имени : энопшъ вопросъ снова привелъ ошца въ безпокойство , и , казалось , превожилъ его за обращеніе сына.

« Въ самомъ дѣлѣ , вашъ сынъ заспавилъ любопытствоватъ меня и моего друга ,» сказалъ Оберъ-Готмаршалъ. « Мы замѣтили , что онъ кричишь : Да здравствуетъ Императоръ , съ такимъ энтузіазмомъ . . . »

— Очень еспешивенно — прервалъ его ошецъ , — внушашъ своимъ дѣшямъ шо , что чувствувешъ самъ . . . Я чшу , обожаю нашего возлюбленнаго монарха , и если дѣши мои захопяшъ благословенія спараго своего ошца , они должны любви Императора шакъ-же какъ я .

Наполеонъ подошелъ держа за руку своего маленькаго друга , и надвинувши на глаза шляпу , спарался не бышь узнаннымъ .

« Спало бышь вы служили въ арміи при Наполеонѣ ? » сказалъ онъ ошцу .

— Нѣшъ , М. Г. , я совсѣмъ не военный .

« Можешъ бышь ошецъ вашъ былъ въ военной службѣ ? »

— Также нѣшъ , м. г. Мы изъ Брешани , доброй , просподушной провинціи , кошорую прежнія Правительсшва слишкомъ принуждали бранься за оружіе . Но я не прикасался къ желъзу

для того чтобы убить Француза. . . . да, по-
тому что кого-бы убилъ я? . . . Соотечествен-
ника! . . . А мой отецъ. . . . онъ былъ адвока-
томъ въ Ренскомъ Парламентѣ. Онъ поло-
жилъ свою голову исполняя лучшую обязанность
человѣка, потому что защищалъ жертву преж-
ней тираніи. . . .

«И вы не хотите опмстить за него?»

Физиогномія незнакомца вдругъ измѣнилась.

— Нѣтъ, м. г., я опмстилъ за него. . . . оп-
мстилъ какъ онъ самъ хотѣлъ этого: я вы-
игралъ святое дѣло, за которое онъ умеръ,
или по крайней мѣрѣ способствовалъ этому.

«Почтенный человѣкъ!» вскричалъ Импера-
торъ! «Чѣмъ вы занимаешься теперь?»

— Я служу въ Департаментѣ Министерства
Юстиціи.

«Начальникомъ Отдѣленія?»

— О нѣтъ, м. г., мое мѣсто даже съ самымъ
маленькимъ жалованьемъ. Но у насъ мало нужды
и совсѣмъ нѣтъ желаній.

«Этого не лзя сказать,» возразила жена его
поднявши палецъ и грозя своему мужу, «это
не совсѣмъ правда.

Мужъ засмѣялся.

«Жена моя говоритъ справедливо. У меня
есть одно, чрезвычайно живое и неопущное
желаніе. . . . увидѣть Императора, но есть

поговоришь съ нимъ. Я, правда, видалъ его на парадахъ, но эшо не значить видѣть его. Онъ проходишь мимо насъ какъ блудящій огонекъ, а когда войдетъ во дворъ замка, гвардейскіе гренадеры обходящяся шакъ хорошо, или лучше сказашъ шакъ худѣ, что, право, я еще никогда не видалъ нашего Императора.

«А между тѣмъ вы любите его!

— Ахъ, м. г., развѣ для эшого надобно видѣть его!... Спиошишь полько взглянушь вокругъ себя... Напримѣръ, мы... Чшо наши опустошенныя поля, наши сожженныя деревни, наши разграбленныя города... все эшо оспашся полько въ памяши. Теперь все мирно въ Брешани. Нѣтъ больше Вандеи... не будетъ и междуусобной войны... Да, попому что не при Наполеонѣ будущъ у насъ прежнія злоупотребленія, ужасныя и возмушительныя. Развѣ не онъ снова выстроилъ у насъ спѣны, засѣялъ наши поля?... какъ-же допустишь онъ чтобы въ насъ снова спрѣляли изъ ружей... Нѣтъ, нѣтъ! съ нимъ наша прекрасная Франція долго будетъ счастлива... И сынъ мой сказалъ вамъ правду, что мы всякой день молимся за Императора.

«Не позволили-ли вы мнѣ взять вашу адресъ,» сказалъ Наполеонъ съ выраженіемъ спраннымъ.

— Боже мой, м. г., чрезвычайно радъ... — опивѣчалъ чеспный Брешонецъ.

Онъ вынулъ изъ кармана каршочку и подалъ ее Дюроку; но видно было, что онъ почти пугаеся этого повпореннаго желанія знать его имя. Наполеонъ сдѣлалъ ему привѣтствіе рукой, и удалился, снова обласкавши маленькаго Габріеля, котораго нравился ему своимъ милымъ видомъ и этою привязанностію къ нему, спрранною въ ребенкѣ шѣхъ лѣтъ, когда въ немъ еще ничто не бываетъ развито.

«Нѣсколько шакихъ сценъ въ одинъ вечеръ, и я пропалъ,» сказалъ Императоръ смѣясь, но глубоко распроганный. «Дюрокъ! надобно завпра-же. . . . сегодня вечеромъ, собравъ свѣдѣнія объ этомъ человѣкѣ.

Добрый Брешонецъ назывался Г. д'Алломи и жилъ въ Шальо (*). Дюроку легко было собрать всѣ нужныя свѣдѣнія, и они оказались благопріятны. Г. д'Алломи получилъ мѣсто выше того, которое занималъ, но не прежде какъ по выслугѣ должныхъ лѣтъ и по заслугамъ своимъ. Опъ встрѣчи съ Императоромъ онъ выигралъ только *увѣренность*, что ему окажутъ справедливость.

(*) Г. д'Алломи умеръ въ 1812 году; жена его вышла замужъ въ другой разъ и живетъ теперь въ Лионѣ; по крайней мѣрѣ жила тамъ въ 1817 и 1818-мъ годахъ.

«Мнѣ было-бы досадно, если-бы не шаковы были извѣстія,» сказалъ Императоръ Оберъ-Гофмаршалу, когда Дюрокъ принесъ ему опчепъ въ данномъ порученіи.

Но чего не лзя описать словами, эшо испуленная радость всего семейства, когда оно узнало, что Наполеонъ провелъ съ нимъ четверть часа, и что онъ цѣловалъ ихъ сына!... Одно обстоятельство можешь однакожь дать понятіе о ихъ воспоргѣ: небольшая фуражка и плашь, копорое носилъ мальчикъ въ день встрѣчи съ Императоромъ, были положены въ особенный шкафъ, и хранились шамъ какъ свяшныя: къ нимъ прикасался Наполеонъ!... Императоръ вызвался бышь креснымъ опцомъ ребенка, копорымъ была тогда беременна Г-жа д'Алломъ. У нея родилась дѣвочка, и ее назвали *Наполеоніа* (*Napoléonie*). Я шолько одинъ разъ и слышала, чтообы имя Императора было дано шакимъ образомъ.

Возвращеніе Наполеона дало поводъ къ множесиву праздниковъ. Городъ Парижъ хошѣлъ выразить радость, копорую чувшвовалъ онъ вновь увидѣвши его. Императоръ согласился принятьъ праздникъ города, и рѣшено было исполнить эшо 15-го Августа. Приготовленія дѣлались чрезвычайно скоро. Извѣшно, что желая имѣшь приличное помѣщеніе для подоб-

ныхъ случаевъ, выстроили залу въ самомъ дворѣ Городоваго Собранія, въ помѣ вънутреннемъ дворѣ, копорый вровень съ первымъ этажемъ. Празднесва въ Городовомъ Собраніи всегда бывали чрезвычайно изящны. Графъ Фрошо, погдашній Парижскій Префектъ, умѣлъ превосходно успроивать всѣ эти *волшебства*. Я чрезвычайно безпокоилась за себя въ эшопъ день: уже шесть мѣсяцевъ я была беременна, а день вышелъ нестерпимо жаркій, и сверхъ того я печалилась и досадовала. Довольно причинъ, чтобы показался мрачнымъ самый прекрасный день, и грустнымъ самый изящный праздникъ.

Жюно долженъ былъ оставить Парижъ, и готовился къ отъѣзду. Такъ искупалъ онъ свою вину, которая вся состояла въ томъ, что онъ слушалъ льстивыя слова и отвѣчалъ нѣжнымъ взглядамъ. Его сдѣлали Главнокомандующимъ обсерваціонной Жирондской арміи, сбиравшейся въ Байоннѣ и Бордо. Конечно эшо было мѣсто высокое; но ни что не могло замѣнить мѣста Парижскаго Губернапора, какимъ былъ Жюно. . . . Пришедши сказать мнѣ объ эшомъ, онъ былъ въ совершенномъ опчаяніи. . . . Онъ хотѣлъ опказаться, хотѣлъ сложить съ себя должность Парижскаго Губернапора; онъ былъ въ томъ ужасномъ состояніи, изъ котораго вызывалъ его только мой голосъ.

Я говорила ему, упѣшала, а между тѣмъ собственное сердце мое было растерзано. Я видѣла въ рѣшимости Императора желаніе *наказать*. Я не смѣла вымолвить этого Жюно; у насъ уже случались прискорбныя домашнія сцены, все за одинъ предметъ, и я находила мало великодушнымъ вновь обременять своего мужа повпореніемъ жесткихъ и злыхъ словъ: Я говорила себѣ это!

Карпина помрачилась еще больше, когда человѣкъ, котораго не любилъ Жюно и никто изъ принадлежавшихъ къ арміи, занялъ мѣсто на первомъ планѣ всего что могло относиться къ Жюно. Это былъ Военный Министръ Кларкъ.

Вопь человѣкъ, спраннымъ образомъ награжденный своимъ жребіемъ, потому что невозможно вспомнить ничего больше непріятнаго, не лзя произнести ничего больше прискорбнаго, какъ сказать его имя. Опъ чего это? Вѣрно онъ сдѣлалъ много зла. Я знаю только, что онъ дѣлалъ зло Жюно. Императоръ былъ принужденъ самъ, такъ сказать, положить свой скиптръ между ними. Я знала образъ мыслей Жюно о степени повиненія, какимъ почтала онъ себя обязаннымъ Военному Министру, и препенала за эту борьбу, которая могла окончиться дурно. Это могло и должно было случиться, когда Жюно гошовился въ походъ по

неволя и даже съ опвращеніемъ. Все это знала я въ день праздника, даннаго городомъ, и можно повѣришь, что я была не весела и не довольна положеніемъ своимъ, хотя въ этошъ самый день я конечно видѣла, вокругъ себя, всю мою женскую славу, которая могла-бы польстить мнѣ и привесни въ забвеніе многое.

Не знаю, сказала-ли я какъ мы встрѣпили Ихъ Величества. На встрѣчу Императора вышла Жюно; Императрицу встрѣпила я съ Г-мъ Фрошо, при выходѣ ея изъ кареты, на большомъ крыльцѣ Городоваго Собранія. При мнѣ находилось много женщинъ, бывшихъ какъ-бы представительницами, по именамъ своихъ мужей, торговли и банка, въ столицѣ и въ Имперіи. Элихъ дамъ было двадцать четыре. Еще за день я представила списокъ ихъ Оберъ-Гофмаршалу и Оберъ - Церемоніймейстеру. Этошъ списокъ былъ поданъ Императору. Онъ расшумѣлся за него, потому что два имени, которыхъ я не помню теперь, напомнили ему имена двухъ Камергеровъ.

«Я довольно часто вижу женщинъ представляемыхъ въ Тюльери,» сказалъ онъ. «Въ Городовомъ Собраніи я хочу видѣть только Парижскія лица; я хочу видѣть шамъ городъ Парижъ; понимаете-ли вы, Г-жа Жюно?»

Одна изъ дамъ, бывшихъ въ гостинной Императрицы, громко насмѣхалась надъ спраннымъ

выраженіемъ , какое употребила жена суконнаго фабриканна , отвѣчая на вопросъ Императора :

« Чѣмъ занимаетесь вашъ мужъ ?

— Государь, онъ на сукнахъ. . . .

Императоръ оборонился къ дамѣ , которой я не называю изъ вѣжливости , пошому что она могла-бы теперь разсердиться за это , и сказала ей очень сухо :

« Сударыня ! если-бы люди , надъ которыми вы смѣшесь , услышали *вашу болтовню* , какъ часто слышу это я , къ моему несчастію , по , право , насмѣшники не были-бы на вашей сторонѣ .

Онъ снова принялся за работу съ Фрошо и Г-мъ Сегюромъ , и продолжалъ ее , бранясь про себя и какъ-бы отвѣчая на внутреннюю свою идею :

« Г-мъ !... это презрѣніе !... пошому что она шаринная дворянка !... со своими Нѣмецкими идеями !... это наконецъ совершенно выведетъ меня изъ шерфѣнія !...

Императоръ говорилъ справедливо . Эта женщина , у которой не было ни доброты сердца , ни красоты , бѣсилась отъ своего дурнаго положенія въ свѣтѣ , видя себя шарою дѣвушкою , безъ надежды выйдши за-мужъ . Досада часто

разспроивала ея нервы, а извѣстно каковы пакія разспройства въ старой дѣвицѣ. Чшо касается до меня, я была очень рада эшому уроку, данному ей, пошому чшо никогда не видала я опть нея привѣпливоспи, и съ убѣжденіемъ, чшо сама очень могу играть роль знатной дамы, когда полько мнѣ вздумается, я ни сколько не почипала себя ниже всѣхъ эшихъ прешензій, каковы-бы онѣ ни были.

Императрица пріѣхала поздно. Мы встрѣпили ее пакъ-же какъ встрѣчали за годъ прежде. Балъ ошкрыли: Великая Герцогиня Бергская, Принцесса Стефанія, Г-жа Лаллеманъ, одна придворная дама, одна изъ дамъ города, жена или дочь кошораго-шо изъ Меровъ, и я. Не помню какъ распредѣлились у насъ кавалеры. Знаю полько, чшо я шанцовала съ Великимъ Герцогомъ Бергскимъ, и не шанцовала, а полько ходила, спрашась чшобы со мной не случилось какого нибудь несчаспія. Праздникъ былъ великолѣпенъ и особенно прекрасенъ эншузіазмомъ Парижскихъ жишелей при эшомъ знаменишомъ возвращеніи Императора, кошорый привелъ армію, гдѣ каждый солдатъ опражалъ лучъ славы на свое собственное семейство. Сверхъ шого, шорговля еще никогда не процвѣшала пакъ какъ въ пяшь послѣднія лѣшь, и благососшояніе было чувсшвишельно во всемъ.

Тогда говорили много о бракѣ Принца Жерома съ одною Нѣмецкою Принцессою. Предположеній была шма, но никто не угадывалъ истиннаго выбора, когда Императоръ объявилъ, что Принцъ Жеромъ женился на Принцессѣ Екашеринѣ Варшембергской, дочери Короля, царствовавшего тогда. Не за-долго были соединены нераздѣльнымъ правительствомъ владѣнія Гессенъ-Касселя, Брауншвейга, Фульды, Падерборна, и большей части Ганновера, для образованія Королевства Вестфальскаго. Довольно громко говорили, что новобрачные поѣдутъ царствовать шуда; Императоръ не объяснялъ ничего, и конечно не при немъ пускались въ угадыванія. Между шѣмъ, покуда Императоръ не далъ эшимъ новымъ народамъ избраннаго имъ владѣтеля, онъ послалъ шуда регентство, составленное изъ Государственныхъ Совѣтниковъ Бёньо, Симеона, Жоливе, и Генерала Юсифа Лагранжа. Эшотъ послѣдній принадлежишь къ шѣмъ людямъ, о которыхъ надобно говорить много, если встрѣчается случай, [потому что они заслуживають эшо. Я возвращусь къ нему во время моего похода въ Испанію.

Внутри Франціи было между шѣмъ большое движеніе, произведенное великою и важною мѣрою, на которую рѣшился Императоръ: онъ уничтожилъ Трибунашь. Со времени корона-

ції, это государственное собрание спѣснило его. Онъ много разъ встрѣчалъ въ немъ сопрошивленіе, и при учрежденіи Почетнаго Легіона, и при устанавленіи самой Имперіи, а потому былъ сильно предубѣжденъ прошивъ Трибунаша. Впечатлѣнія его никогда не бывали мимолетны, и слѣдовательно рѣшимость его сдѣлалась невозвратимъ приговоромъ. Каждый разъ, когда въ Палатѣ Трибунаша открывалось предварительное сужденіе о законахъ, множество затрудненій возобновляли и поддерживали дурное расположеніе Императора. Удивительно-ли, что видя себя довольно сильнымъ для учрежденія такого порядка дѣлъ, какого ему хотѣлось, онъ уничтожилъ Трибунашъ, можно сказать съ радостію? Разсужденія о законахъ должны были производиться послѣ этого прѣмья комиссіями, взятыми изъ Законодательнаго Корпуса, одною для финансовъ, другою для администраціи, и третьей для законодательства. Въ этотъ-же самый день, постановленіе Сената сдѣлало большое посягательство на политическія права каждаго Француза, установивши, что каждый депутатъ долженъ имѣть не менѣе сорока лѣтъ опъ роду.

Хотя Императоръ оставилъ армію, но она непрерывно побѣждала. Маршалъ Брюнь взялъ Спрадзундъ на капишуляцію. Оспровъ Ругенъ

шакже палъ въ наши руки, и весь Сѣверъ сдѣ-
 лался нашимъ союзникомъ. Прусскій Король за-
 перъ Балпійское море для Англичанъ; шакимъ
 образомъ Англія подверглась нападенію, и вско-
 рѣ должна была преклониться передъ *жельзною*
 волею Наполеона. Замѣчательное обстоятель-
 ство, что Англичане, перевозимые со всѣхъ
 споронъ, оставленные всѣми, не сдѣлали ни-
 какого усилія помочь Гусшаву, единственному
 союзнику, кошорый не переставалъ бытъ имъ
 вѣрнымъ, и допустили низложить его, между
 тѣмъ какъ въ по-же время предавались самымъ
 мѣлкимъ внутреннимъ интригамъ, и полипикѣ
 ничшожной и обманчивой, какъ все, близкое
 къ слабости, пошому что Англія была тогда
 слаба. Не надобно почиташъ нападенія на Ко-
 пенгагенъ, сдѣланнаго въ это время, доказа-
 тельствомъ силы Правительсва. Испинно мо-
 гущественный Кабинетъ не дѣлаешъ шакихъ
 робкихъ нападеній, и бомбардированіе Копен-
 гагена дѣйствіе сколько-же прошивное пра-
 вамъ народовъ, сколько и здоровой полипикѣ.
 Испребишь городъ, унищоживъ его порпъ,
 сжечь его корабли, и все это единственно за
 отказъ объявивъ войну Франціи!... Они ослав-
 ляющъ своего вѣрнѣйшаго союзника собствен-
 нымъ его силамъ, и угнешающъ несчастное Ко-
 ролевство, виновное только въ томъ, что
 оно было слишкомъ прямодушно. Да, отказъ

объявишь намъ войну свидѣльствовалъ это ; въ по-же время онъ показывалъ истинную мудрость , потому что большую часть своихъ силъ Данія приобрѣла онъ неупралишена , которая соблюдала она постоянно. Впрочемъ , дѣйствуя такимъ образомъ , Англичане только услужили Наполеону , который не могъ до сихъ поръ заспавишь Датскаго Короля принятию какое нибудь рѣшительное намѣреніе. Но необдуманнй поступокъ Англіи раздражилъ его , и онъ приказалъ взять подъ спражу всѣхъ Англичанъ , бывшихъ въ Даніи , конфисковать всѣ Англійскіе товары , находившіеся въ его Королевствѣ , и запретилъ всякую торговлю съ ними.

Тогда-то явилась прокламація , которую можно назвать эшимъ именемъ потому , что въ ней не было никакого характера официальной , дипломатической ноты : въ ней Наполеонъ прошивился всякому союзу съ Англіей , политическому и торговому. Въ этомъ объявленіи , однимъ изъ стѣхъ , изданныхъ въ его царствование , гдѣ особенно видно желаніе властвовать , сказано , что между державами Европы , союзными Франціи , одна должна быть наказана за свой двуличный союзъ : онъ разумѣль Португалію. Наполеонъ угрожалъ Принцу Регеншу Португальскому лишеніемъ прона , и съ эпой минушы судьба его сдѣлалась извѣстна.

Тотчасъ послѣ бомбардированія Копенгагена былъ заключенъ союзный пражшапъ съ Даниєю. Въ гнѣвѣ своемъ, Король, я думаю продалъ-бы свой народъ, чтобы только онъ могъ опмститься за себя. Въ то-же время Императоръ Александръ, къ кошорому я чувствую особенное уваженіе, снова объявилъ въ Петербургѣ вооруженный неутралишешъ, знаменитое дѣло мудрости Императрицы Екашерины. Онъ издалъ объявленіе, въ видѣ манифеста, гдѣ объяснилъ причины этого, самыя благоразумныя.

Еще долго буду я поминишь впечатлѣніе, какое произвелъ на Жюно приказъ, отданный ему Императоромъ ѣхашъ и приняшь начальство надъ обсерваціонною армією въ Жирондѣ.

— И такъ, вы изгоняете меня—сказалъ онъ Наполеону съ прискорбіемъ, кошорое пронуло Императора. — Вы велише мнѣ оставишь Парижъ въ ту минушу, когда возврапились въ него. . . . Чѣмъ наказали-бы вы меня больше, если-бъ я сдѣлалъ и пресшупленіе?

« Ты сдѣлалъ не пресшупленіе, но пресшупокъ. . . . Необходимо удалишья шебѣ на нѣсколько времени изъ Парижа; это всего скорѣе разсѣешъ слухи, какіе распространились на счешъ моей сестры и шебя. Я вызываю кого-бы то ни было въ мірѣ говорить еще объ этомъ, когда увидяшь довѣренность, какую я

дѣлаю тебя. Ты будешь имѣть въ Лиссабонѣ власть неограниченную, будешь переписываться только со мной, и во все это время оспанешься Парижскимъ Губернапоромъ.... Полно, мой старый другъ.... ямаъ ждешь тебя маршальскій жезлъ.

Онъ просянулъ къ нему руку: Жюно схватилъ ее и заплакалъ какъ слабое дитя.

— А между тѣмъ вы удаляете меня отъ себя!—повторялъ онъ безпреспанно.

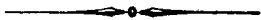
« Но вокругъ меня нѣтъ теперь ни какой опасности, » отвѣчалъ Императоръ, пронувшій волненіемъ Жюно: онъ понималъ его сердце. « Ты не будешь здѣсь только на праздникахъ: войшь все. Но ты довольно попанцовалъ безъ меня.... Полно, мой другъ! будь бодръ.... передъ тобой знаменитые подвиги.... Я думалъ поручить это Ланну.... Мюрану.... но потомъ сообразилъ, что ты не участвовалъ въ славѣ послѣдняго похода, и хотѣлъ вознаградишь тебя за это.... Повѣрь мнѣ, что настоящая причина твоего отъѣзда, собственная твоя слава.

Когда Жюно передалъ мнѣ этошь разговоръ, я не сказала ему, что поразило меня всего больше, потому что Императоръ, по моему мнѣнію, хотѣлъ только пролить бальзамъ на его рану. Однакожь, если средство дѣйствовало, что мнѣ

за дѣло, какая причина побуждала употребить его.... Но какъ онъ былъ искусенъ!... какъ онъ зналъ людей!... Жюно вошелъ къ нему опчаянный, и вышелъ счастливымъ, гошовый пролилъ всю свою кровь, чтобы прибавить новый списокъ въ триумфальномъ вѣнкѣ Наполеона.

Какъ скоро Жюно рѣшился принять начальство надъ обсервационною Жирондскою арміею, кою которой истинное назначеніе зналъ тогда онъ одинъ, онъ сдѣлалъ всѣ приготовления къ своему отъѣзду. Я видѣла какъ онъ былъ несчастливъ, съ какимъ оправданіемъ оправдывалъ Парижъ. Онъ не могъ сказать мнѣ истинной причины этого, но я понимала его, жалѣла о немъ, и никогда не прощу той, кою которая не только была причиной погданней немилоспн къ нему (потому что это все таки была немилоспн, хотя и *раззолоченная*), но и не имѣла благороднаго величія души объявивъ, что вся вина принадлежитъ ей одной. Послѣ, я узнала всѣ тайны сердца Жюно, этого благороднаго сердца, въ кою которомъ никогда не гнѣздились *ложная мысль* или *порогннй планъ* на пагубу невиннаго существа. Я узнала какъ благородно и великодушно было съ его спороны хранишь молчаніе; по примѣру его, я также буду молчать обо всемъ, что относится ко мнѣ; но я должна, я обязана его памяши раскрышь шѣ хипроспн, какими спарались привлечь его къ парши Мюрапа, въ ужас-

номъ предположеніи несчастія, которое могло случиться съ Императоромъ во время одного изъ его ошеушсвій на войну. По крайней мѣрѣ тогда говорили только объ этомъ обстоятельстве. Но когда-бы нѣсколько привыкли воображать Мюрапа въ креслахъ Наполеона, Мюрапа на его лошади, наконецъ Мюрапа владѣтеля Французской Имперіи, и когда-бы нелѣпость этой возможности исчезла ошъ привычки глядѣть на нее, пошому что наослѣдокъ глазъ привыкаетъ находить приличнымъ все, на что глядишь онъ упорно, тогда могли-бы сказать подъ часъ: «Непріятельской пули шакъ долго ждашь.... военныя случайности шакъ невѣрны!...» А ошъ этого не велико расшояніе и до мысли о шомъ, какъ пособишь лѣности или медлительности *непріятельской пули.*

Глава VIII.

Г-жа Караманъ, крестная мать. — Письмо Дюрока. — Принцесса Виршембергская въ Ренси. — *Решо*, наследникъ Ватшеля. — Приѣздъ Принцессы Екатерины Виршембергской. — Портретъ ея. — Будущая невѣстка Императора, окруженная Французами. — Г-жа Люсе. — Портретъ ея. — Поклоны и мѣщанинъ во дворянствѣ. — Г-жа Бриньоле. — Портретъ ея. — Супруга Филиппа Сегюра. — Портретъ ея. — Супруга Оскара Бонневая. — Портретъ ея. — Супруга Амедея Пишо. — Портретъ ея. — Г. Виллушрь. — Г. Августъ Талейранъ. — Маршалъ Бессьеръ. — Завтракъ. — Посланникъ въ видѣ бога Терма. — Прогулка въ коляскѣ. — Ссора за этикетъ. — Придворная дама и дама Императрицы-матери. — Принцесса безъ рубашки. — Принцъ *многоженецъ*. — Муаровое платье и шолстыя руки. — Заботливость безъ любви. — *Анна, сестра Анна! не сидишь-ли ты кого нибудь?* — Г-жа Даллеманъ. — Воспоминаніе о Балшиморѣ. — Кардиналь Мори. — Приѣздъ Принца Жерома.

Жюно сдѣлалъ всѣ приготоовленія. Августъ мѣсяць приближался къ концу, и 20 числа мужъ мой поѣхалъ обѣдать съ Г-жею Караманъ къ одному изъ своихъ друзей, Г-ну Лаллигану, у котораго крестилъ онъ дитя съ Г-жею Ка-

раманъ. Домъ нашъ былъ загроможденъ связками и чемоданами, дворъ дорожными карешами и фурами, и все показывало близкій отъѣздъ одного изъ хозяевъ дома. Въ самомъ дѣлѣ Жюно отъправился черезъ день въ Бордо: по крайней мѣрѣ тогда это былъ самый извѣстный пунктъ его путешествія. Я сама забошлась, чтобы у него было все пріятное и удобное въ путешествіи, и упомилась чрезвычайно. Было девять часовъ, и я хотѣла лечь спать, когда мой камердинеръ сказалъ мнѣ, что придворный лакей Императора ждетъ Жюно съ письмомъ, и что письмо это отъ Оберъ-Гофмаршала. Я взяла письмо: въ самомъ дѣлѣ на немъ были слова: *Оберъ-Гофмаршалъ*, а на споронѣ едва можно было разобрать: *огень нужное*. Весь адресъ былъ написанъ рукой Дюрока. Я тотчасъ велѣла двумъ человѣкамъ сѣсть верхомъ, отдала имъ по нѣскольку словъ, написанныхъ мной, и они поскакали въ разныя спороны, искавъ Жюно. Я знала, что онъ долженъ былъ захватить просиписья съ почтеннымъ Архіепископомъ нашимъ, Кардиналомъ Дюбеллуа; но эготъ добрый спарець ложился въ девять часовъ, какъ диня, и Жюно долженъ былъ уже уѣхать отъ него. Но между шѣмъ какъ его искали, онъ возвратился. Онъ былъ шамъ, гдѣ узналъ предметъ Дюрокова письма. А вошь что было въ письмѣ.

« Мой милый Жюно ! Принцесса Виршемберг-
 « ская прїѣдетъ со своею свитною завтра , въ
 « девять часовъ утра , въ Ренси , завтракать
 « шамъ и опдохнуть до семи часовъ вечера.
 « Такъ расположилъ Его Величество. Не угод-
 « но-ли шебѣ опдаться приказанія , чтобы все
 « было готово. Если что почтешь ты нуж-
 « нымъ для прислуги или для снола , я пришлю
 « шебѣ все , что угодно .

« Прими увѣренъе въ моей дружбѣ.

« Дюрокъ.

« 20. — Въ шесть часовъ вечера.»

— Вотъ прекрасная забота для насъ ! — ска-
 зала я Жюно , прочитавши письмо . — Это похо-
 же на приказанія какой нибудь сказочной Ца-
 рицы подвласной ей Принцессѣ . Жаль что у
 насъ нѣтъ никакого услужливаго Принца съ
 волшебной палочкой .

Жюно расхаживалъ по комнатамъ съ заботли-
 вымъ видомъ . Я увидѣла , что напрасно жало-
 валась при немъ , и что не должно было увели-
 чивать дурнаго его расположенія . Я засмѣя-
 лась , и подходя къ нему сказала :

— Однакожь , осмываясь богомъ Термомъ ты
 не много подвинешь это порученіе , на кото-
 рое жалуюсь я ; а оно , прав^{ль} , сказа^{шь} , ни-
 чего не значить . Видно , Ея Королевское Вы-
 сочество проведетъ у насъ въ Ренси цѣлый

день, и ты долженъ расположить все такъ, чтобы она не соскучилась. А это очень возможно, потому что твои собаки и олени не уложены, и ты можешь пригосиловить прекрасную охоту. Конечно она не будетъ такъ хороша для тебя, какъ та, которая была при факеллахъ; но Принцесса Виршембергская вѣрно пойметъ, что надобно требовать только возможнаго. Ну, теперь надобно оповѣчать Дюроку.... Хочешь-ли чтобы я исполнила это?

Я подошла къ своему секретеру.

Жюно глядѣлъ на меня, слушалъ, и какъ будто пробуждался мало по малу. Прекрасная физиогномія его теряла свою мрачность, ясная и сдѣлалась даже веселою.

«Да, въ самомъ дѣлѣ!» сказалъ онъ подымая меня плечонько и осшерегаясь сжаны. «Да, въ самомъ дѣлѣ, оповѣчай ему; посмотришь, какъ ты поймешь меня.

Я оповѣчала Дюроку, что мы сей часъ отдадимъ всѣ приказанія для принятія Ея Королевскаго Высочества, и что Жюно и я благодарны Императору за эшоуъ новый случай изъявивъ ему нашу преданность. Но я не безъ основанія говорила ему, что только благодарю его за предзрженіе помочь намъ прислугой.

«Это больше разспроишь насъ, нежели можешь намъ,» писала я. «Беру на себя при-

гошовишь все къ принянію Принцессы въ назначенный вами часъ.»

Я велѣла призвать *Решо*. О, *Решо* чрезвычайно искусный человекъ, и сверхъ того совершенно честный человекъ; а по и другое вмѣстѣ бываетъ довольно рѣдко при его ремеслѣ. Онъ и братъ его учились въ домѣ Принца Конде. Спиритносшь имени надоумила ихъ заняться повареннымъ ремесломъ. Они сдѣлались наконецъ такъ искусны, что въ мірѣ гастрономовъ слава ихъ гремѣла чрезвычайно. Г. Сеншъ-Фуа, обѣдая однажды у меня, узнавъ *Решо* когда ѣлъ щуку à la *Chambord*: видно, въ этомъ блюдѣ кухонныя дарованія *Решо* являлись изумительно. Но въ снарыхъ лѣтахъ ему прудно было осваваться подлѣ печки и очага, и мы сдѣлали его нашимъ мепръ-д'ошелемъ. Братъ его занималъ такую-же должность у Императрицы Жозефины. Оба они были ловки и распорядительны удивительнымъ образомъ. *Решо* показалъ уже мнѣ образчикъ своего умѣнья, устроивши въ нѣсколько часовъ все, что было нужно для принянія Марккза Романы въ Ренси. Я призвала его, объяснила что было нужно теперь, и онъ пошчасъ понялъ меня.

«Теперь вы можете отправляться въ Ренси,» прибавилъ онъ съ хладнокровіемъ, достойнымъ Вацеля: «все будетъ гошова къ назначенному часу.

Я знала *Решо*. Сѣвши въ коляску, я спокойно отправилась въ десять часовъ вечера. Погода была удивительная. Луна напоминала блескомъ своимъ прекрасныя лунныя ночи Италіи, и я благодарила Принцессу Виртембергскую, что она заставила меня въ эпошъ часъ прогуляться среди полей. Когда я пріѣхала въ замокъ, я увидѣла, что фуры съ припасами для завтрашняго дни уже спояли во дворѣ. Всю ночь дорога изъ Парижа въ Ренси была покрыта ѣхавшими назадъ и впередъ, копорые перевозили многое, не только необходимое, но и *необходимое для роскоши*. Наконецъ, на другой день упромъ, я услышала, что кто-то царапаетъ дверь въ ванную, гдѣ я ночевала, для того чтобы мои комнаты были готовы для Принцессы пошчасъ по ея пріѣздѣ, если-бы она вздумала удалиться въ нихъ. Это былъ *Решо*, съ извѣстіемъ, что все готово. Я съ своей стороны не оснавалась безъ дѣла и приказывала все, что было нужно для устройсва въ комнатахъ Принцессы, и все было устроено; даже ванна, въ прекрасной залѣ, назначенной для нея, была готова, если-бы Принцесса пошчасъ по пріѣздѣ своемъ вздумала погрузиться въ чистую воду и обмыть дорожную пыль.

Меня мучило одно: для чего Принцесса, пріѣхавши за чепыре льѣ опъ Парижа, оставалась у Губернатора города и не смѣла ѣхать даль-

ше? Вошь чпо хотѣла я знашь. Жюно было извѣстно почти все, чпо приказывалъ въ эшомъ отношеніи Императоръ; онъ зналъ даже всѣ причины. Наполеону не хотѣлось, чшобы Принцесса Виршембергская имѣла въѣздъ въ Парижъ, какъ могла-бы сдѣлать эшо Герцогиня Бургундская или сеспра прекрасной Габріели Савойской. Вошь почему, когда онъ узналъ, чшо пушешествіе Принцессы было дурно разсчишано, и чшо она подѣзжала почти къ засшавѣ Парижа въ десять часовъ утра, онъ рѣшилъ, чшо ей должно въѣхать въ семь часовъ вечера, а осшальное время провести въ какомъ нибудь замкѣ часшнаго человѣка, и на эшо время хотѣлъ наняшь замокъ. Императоръ опнускалъ Дюрока, отдавши ему всѣ эши приказанія, когда вдругъ воскликнулъ :

« Прекрасно!... Жюно!... да, у Жюно ешь Ренси. Принцесса проведешь день въ Ренси. Эшо мѣсто удивительное, и я надѣюсь, оно покажешя ей прекраснѣе огромныхъ полу-гошпическихъ замковъ Швабіи или Баваріи. Сверхъ того, Г-жа Жюно умѣешъ говорить съ царшвенными особами. Нанишите къ Жюно, чшо Принцесса Екашерина Виршембергская проведешь завпрашній день у него и его жены, пошому чшо и она должна ѣхать шуда; беременносшь не помѣшаешъ ей.

Можно видѣшь какъ важны основанія для че-

сполюбія и для изъявленія благосклонности и уваженія власишителей! Какъ-бы шо ни было, обращаясь къ моей Принцессѣ, я скажу, что она пріѣхала въ Ренси въ девять часовъ, по назначенію. Нѣмецкая почта окружала ее тогда во семь, и даже въ малѣйшихъ подробностяхъ.

Я встрѣшила Принцессу по выходѣ ея изъ кареты, подъ перисшилемъ замка. Я была въ придворномъ полунарядѣ, шо есть въ платьѣ изъ бѣлаго муара, со шлейфомъ, и въ бѣломъ шокѣ съ двумя перьями. Я одѣлась такъ попому, что меня предварили какъ взыскашельна была Принцесса, и прибавили, что въ Германіи я была-бы принуждена надѣть парадное платье для принятія ея. Но мы надѣвали наши парадныя платья только для пріѣзда въ Тюльери, и я очень могла не явиться въ формѣ съ упря. За шо я хотѣла, чтобы нарядъ мой показался приличнымъ Принцессѣ. Я была, сверхъ того, беременна и уже очень тяжело, что давало мнѣ право не надѣвать придворнаго наряда.

Я неперѣливо хотѣла узнать Принцессу. Судьба Жерома могла-ли встрѣнитъ во мнѣ равнодушіе, когда я привыкла съ дѣтства любить его, и не смотря на холодность, какую онъ одинъ оказалъ мнѣ при смерти моей матери, я оспаивалась къ нему чрезвычайно привязанною. Я слышала какъ онъ говорилъ въ пе-

скалъ Эспрамадуры, какъ онъ клялся, что никогда не забудешь мапери своего сына, копорая умѣла показашь ему рай на чуждой землѣ. Я невольно думала объ этой молодой жершвѣ, столь прекрасной по описанію, столь сильно любящей! . . . и у нея было уже дидя! . . . и это дидя дѣлалось сироншой! . . . Вопшь почему я съ какимъ-шо отчужденіемъ приблизилась къ Принцессѣ Виршембергекой, когда должна была встрѣпшишь ее своимъ привѣспивіемъ. Она обрапилась ко мнѣ съ удивительною пріятноспію, шопчасъ замѣшила мое соспояніе, и сказала, что если-бъ она знала о моей беременноспи, особенно уже въ такой спепени, она послала-бы ко мнѣ курьера какъ можно раньше, съ приказаніемъ не подымашься рано съ постели. Принцесса Виршембергская была шогда лѣпъ девашнадцапи или двадцапи. Вообще она была прелесшна. Голова ея показывала благородную гордоспъ, копорая удивительно шла къ ея лбу, и казалась-бы еще приличнѣе, если-бы у Принцессы не была шакъ коропка шея и вообще если-бы роспъ и все было въ ней пошвиднѣе. Она не могла назвашься прелесшною въ буквальномъ смелѣ этого слова, однако всѣ черпы ея были хороши, и взглядъ ея могъ сдѣлашься ласкающимъ, хоня онъ никогда не выражалъ ласки, что придавало физиогноміи ея выраженіе если не нешрідтное, шо по крайней

мѣрѣ слишкомъ гордое. Голова ея, копорую подымала она очень высоко, желая казаться выше, была нѣсколько углублена въ плеча. Она улыбалась рѣдко и выраженіе лица ея казалось больше важнымъ и благороднымъ, нежели веселымъ и пріятнымъ.

Въ то время, когда я увидѣла ее, она выражала удвоенную гордосць въ поступи и во взглядѣ. Сначала это поразило меня непріятнымъ образомъ, не смотря на предупредительную вѣжливосць ея ко мнѣ, но черезъ нѣсколько секундъ я поняла ее совершенно, и не только не порицала, не чуждалась ея, но еще больше привлекалась къ ней, когда размышленіе показало мнѣ ее такою, какою въ самомъ дѣлѣ надобно было явиться ей. Я видѣла всю жестокосць ея положенія, и могла-ли я, женщина, не понять ея?

Уже за день передъ тѣмъ, по эдикету, Принцесса разсжалась со вѣю Нѣмецкою свитой своей. Императоръ не любилъ Людовика XIV, но подражалъ ему, по крайней мѣрѣ въ хорошемъ. А не льзя не назвать такъ этого разлученія Принцессы, пріѣзжающей во Францію, съ Сѣверали, какъ жена его брата, или съ Юга, какъ жена Герцога Бургундскаго. Принцесса Виртембергская была такимъ образомъ разлучена со всѣми своими Нѣмцами, не смотря на нѣкоторое сопрошивленіе, совершенно понятное

въ ея положеніи, пошому чшо оно не было паково какъ положеніе всѣхъ Принцессъ, вѣдущихъ заняшь пронъ въ иносшранномъ государствѣ. Надобно было побѣдидь, во-первыхъ народный предразсудокъ, шполь глубоко укоренившійся у Нѣмцевъ къ бракамъ неровнымъ, и если Имперашоръ, окруженный своею славою и волшебшвомъ власши, невольню засшавлявшими изумляясь, не подвергался *отверженію*, шо эшого не лзя было сказашь о его брашьяхъ. Жеромъ, для Принцессы Екаперины Виршембергской былъ въ эшо время не больше какъ человекъ, у кошораго жива первая жена его, облеченная всѣми правами супруги и машери. Эшо убѣжденіе, прискорбное для всякой другой, дѣлалось гораздо болѣе ужаснымъ для женщины, осужденной молчашь и пошупляшь глаза для шого, чшобы не видали ея слезъ; она должна была скривашь все ошъ новой толпы служилей, кошорые шакимъ образомъ превращашь искренніе часы уединенія въ минуны прискорбныя, еще больше шѣхъ, кошорья посвящашься предшавишельности.

Имперашоръ окружилъ свою будущую невѣстку людьми по своему выбору, и эшошъ выборъ доказывалъ, какъ онъ дорожилъ новымъ союзомъ, шрешымъ заключеннымъ семейшвомъ его въ Германіи съ коронованными главами; но эшо былъ первый, по своей политической важ-

носпи. Король Баварскій не имѣлъ ни какой надобности быть шестемъ Принца Евгенія для того, чтобы сдѣлался нашимъ союзникомъ. Никогда сердце больше благородное и лучшее не билось въ груди какого-бы то ни было Короля. Что касается до Великаго Герцога Баденскаго, онъ могъ-бы женишься на комъ нибудь другомъ, и для него было-бы это все равно, что женишба противъ воли на самой восхищительной не только изъ Принцессъ, но и изъ женщинъ. Впрочемъ, и шуть предметы перемѣнились, не по паружности, но по основанію своему. Времена были не прежнія, потому что для многихъ владѣтелей Рейнскаго Союза правила перемѣнились вмѣстѣ съ временемъ, или лучше сказать съ событіями послѣдняго похода. Король Виршембергскій принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, отъ которыхъ непременно надобно было добиться если не дружбы, то по крайней мѣрѣ *вооруженнаго неутралиитета*: Наполеонъ дорожилъ этимъ гораздо больше нежели медовыми словами какой нибудь державы, которая, не бывши сильнѣе насъ, лицемерила за недоспапкомъ иной дипломатіи. Вслѣдствіе такой-то мысли, Принцесса Виршембергская, при вѣздѣ своемъ на землю Франціи, была принята почешнымъ Дворомъ, посланнымъ къ ней Императоромъ и взятымъ вполнѣ изъ Двора Императрицы. Маршалъ Бессьеръ за-

нималъ во время обряда бракосочетанія мѣсно Принца.

Графиня Люсе занимала при ней должность Почетной Дамы. Императоръ сдѣлалъ въ этомъ ошибку, шѣмъ больше, что подлѣ нея была одна изъ ея сослуживиць, Г-жа Бриньоле, почти равная ей лѣтами и совершенно знавшая мѣртъ, диаметрально противоположный тому, въ которомъ мы живемъ, особенно въ послѣднїя сорокъ лѣтъ. Г-жа Люсе не знала и придворнаго этикета, по причинѣ самой основательной: пошому что никогда не была при Дворѣ до Революціи. Помню, что у Наполеона вырвалось восклицаніе, когда я ему сказала объ этомъ; но я говорила правду. Г. Люсе, впрочемъ добрый и почтенный человекъ, занимался по финансовой части. Онъ былъ или оплупщикомъ или сборщикомъ податей, не знаю чѣмъ именно изъ двухъ. Отецъ его купилъ помѣстье, пошому что былъ богатъ, а дворянское имѣніе придавало, какъ извѣстно, особенный характеръ, который даже имѣлъ свое имя, очень далекое отъ дворянства. Это называлось, какъ знаете всякой изъ насъ: une savonnette à vilain. Помѣстье, котораго имя Г. Люсе прибавилъ къ своему имени, было въ Берри и называлось Lucau le Chétif. Превосход-

ное помѣстье Валансе принадлежало также Г-ну Люсе. У него-то купилъ его Г. Талейранъ.

Графиня Люсе опличалась вѣжливостью и кропосью; но эти качества не значащъ ничего для придворнаго этикета, и, сказано по испинѣ, изъ всѣхъ дамъ Императрицы, Г-жа Люсе принадлежала къ весьма небольшому числу шѣхъ, конорья, не смотря на ихъ превосходныя добродѣтели, должны были удаляться отъ такихъ обязанностей, каковы были на примѣръ встрѣча и пріемъ Принцессы. Впрочемъ, изъ числа придворныхъ дамъ Императрицы, едва-ли чепыре или пяць принадлежали къ этому разряду. Герцогиня Моншебелло не изъ нихъ, хотя она и не была благородная. Но она нашивала *фижмы*, она долго жила Посланицею при иностранномъ Дворѣ, и знала, шакъ же какъ я, все что должно знать объ этомъ проклятомъ этикетѣ. Герцогиня Ровиго, не смотря на то что была урожденная дѣвица Фодоасъ, ничего не понимала въ этомъ. Она никогда не дѣлала визитовъ, и потому естествененно плашила какою нибудь нелѣпостью за вѣжливость. Это шло даже изъ добраго начала. Она называла это: играть роль знатной дамы.... Бѣдная малюшка! слѣдовательно она не знала, что въ старину говаривали: *Вѣжливъ какъ знатный господинъ.*

При Дворѣ были еще новыя Герцогини, которыхъ заспавляли меня спрадашь своими претребованіями на роль *знатной дамы*. Это несчастное слово, сказанное сначала не знаю кѣмъ и не знаю для чего, приняли шакъ-же какъ принимають пишуль, и приводили въ исполненіе Богъ знаешь какъ! А для этихъ дамъ были, кажется, хорошіе примѣры. Княгиня Невшательская конечно могла назваться довольно *знатною дамою*. Но не смощра на то, что она была племянница Короля Баварскаго и родственница всѣхъ коронованныхъ главъ въ Европѣ, она являлась не только вѣжливою въ самой высокой степени, но и невольно заспавляла уважать и любить себя. Показывая всю возможную снисходительность, она въ то-же время умѣла провести передъ собою черту, надежную для своего достоинства и понятную для знакомыхъ съ истиннымъ приличіемъ. Бершь находился въ такой милости у Императора, что жена его могла представлять знашную даму, сколько захошлось-бы ей, и мы имѣли-бы только право посмѣяться надъ нею, пошому что наши молодыя головы понимали одно взаимное равенство. Но Княгиня Невшательская всегда оспавалась самую опличную женщиною, какую только можно вспрѣшшь. Во время своего брака, она поступала во всемъ какъ женщина умная. Я вскорѣ буду говорить объ

эпомъ событіи и о слѣдствіяхъ, какія имѣло оно (*).

Обращаясь въ выбору, сдѣланному Императоромъ для временнаго Двора своей будущей невѣстки, я шѣмъ меньше понимаю избраніе Г-жи Люсе, когда въ числѣ названныхъ мною дамъ были двѣ, и особенно одна, съ удивительными способностями для занятія мѣста Почешной Дамы. Я уже назвала Г-жу Бриньоле.

Вошъ еще одна изъ шѣхъ женщинъ, о копорыхъ воспоминаніе пробуждаетъ множество ощущеній плѣнительныхъ. Одаренная превосходнымъ умомъ, она въ то-же время была умѣренна и оспорожна въ своихъ поступкахъ и привлекала къ себѣ всякаго. Она знала свѣшъ и ве-

(*) Недавно я убѣдилась, что вдовствующая Княгиня Ваграмская не просто женщина, а ангелъ доброты: не лзя называть ея иначе. Я понимаю, что такая женщина должна быть обожаема въ своемъ семействѣ. Что касается до меня, я мало расположена, особенно со времени моихъ несчастій, принимать и давать увѣренія въ привязанности, споль обольстительной своею живостью и споль быстро исчезающей. Но въ эпомъ случаѣ я съ увѣренностью предалась-бы дружбѣ, и не спрашила-бы измѣны. Можно быть увѣренною, что привязанность не разлепится опшъ порыва вѣпра, когда встрѣчаешь умъ и доброту, и наконецъ, когда умъ есть въ сердцѣ.

ликое искусство хорошо управляешь своей госпожой. Она много видела и многое помнила, что вместе с природным, любезным умом ей делало разговор ее чрезвычайно занимательным. Я думаю, что она была честолюбива. Но при Дворе Императора не лезя было зашеварившись честолюбивой интриги, особенно если в этом слышался голос женщины, и потому Г-жа Бриньоле шла вперед осторожно, так что мне трудно было судить, до какой степени проспирались ее преобладания. Впрочем, повторю, что я видела в ней довольно честолюбия. И почему не была-бы она честолюбива? В этом отношении есть нелзый предразсудок, кошораго дурачество открывается перед нами каждый день. Думаю, сверхъ того, что честолюбие Г-жи Бриньоле было обширно и выше честолюбия женщины обыкновенной.

Она имела много понкосии в умъ своемъ, хопя и не показывала этого. Одинъ изъ ея друзей, бывший кажется больше нежели другомъ ея въ юныхъ лѣсахъ, знаменитый Г. Сера, Генуэзецъ (*), говаривалъ мнѣ о ней: — Ея не знаютъ! . . . О, если-бъ знали ее!

Этотъ Г. Сера, извѣстный всѣмъ намъ какъ

(*) Онъ сочинилъ книги объ Аустерлицкомъ походѣ: *de Bello germanico*.

Полномочный Министръ Лигурійской Республики, былъ отличный лингвистъ. Онъ писалъ по-Латински такъ чисто, какъ писали во времена Тацита. Кажется, что и въ свѣтскомъ обращеніи многимъ ему обязана Г-жа Бриньоле. Впрочемъ, она не имѣла въ этомъ ни какой нужды.

Другая придворная дама была супруга Окнавія Сегюра. На счетъ ея никакъ не могли согласиться. Одни порицали безъ пощады, другіе защищали ее съ жаромъ. Причиной этого различія мнѣній была она сама, и я не могу порицать ея за то. Она ненавидитъ всякое *принужденіе*. Такъ, напримѣръ, общество женщинъ не нравится ей, и она почти ищетъ общества мужчинъ. Можно легко понять послѣ этого какъ взволновалась противъ нея вся посредственность: извѣстно, что щеславіе приходитъ въ изступленіе всего скорѣе. Г-жа Сегюръ была такова-же какъ нынѣ: женщина удивительно пріятная, умная, желающая показывать себя и не скрывающая этого. Мудреноли, что непріятелями ея были все, коихъ она не допускала въ избранный кругъ? Въ описываемое мной время она была очень мила; особенно ея *бархатные глаза* съ удивительною пріятностію показывали все, что нравилось ей. Кромѣ этого, Г-жа Сегюръ, хотя еще очень молодая, совершенно знала свѣтъ и все посо-

бія его для ума женщины. Оспроумная онъ природы, она происходить изъ такого семейства, котораго одно имя напоминаетъ все достоинство благороднаго человѣка (она урожденная дѣвица д'Агессо). Сверхъ того, по усмотрѣнію, она дочь самаго очаровательнаго изъ смертныхъ, какого только можно встрѣтить на печальномъ пути жизни. Такимъ образомъ, просно идя по этому пути, она училась искусству нравиться и всѣмъ *пріемамъ* этого великаго искусства. Наставникомъ ея былъ Графъ Сегюръ, свекоръ ея. По немъ былъ у нея еще дядя, Викторъ Сегюръ, авторъ пѣнишальной пѣсни *L'Amour et le temps*. Деверъ ея былъ тогда еще слишкомъ молодъ и слѣдовательно не могъ имѣть на нее вліянія, но превосходный умъ его также явился передъ свѣтомъ. Теперь прошу васъ вообразить, среди всѣхъ этихъ людей, молодую, милую женщину, оспроумную онъ природы, и потомъ выведете ее изъ этого очаровательнаго круга: вы увидите какое благоуханіе хорошаго общества, пріятнаго ума, распространивъ она вокругъ себя. Такъ и было съ супругою Оксавіа Сегюра.

Во время праздниковъ бракосочетанія Принца Евгенія съ Принцессою Амалією Баварскою, Императрица Жозефина ѣздила въ Минхенъ. Супруга Оксавіа Сегюра сопутствовала ей. Юно, находившійся тогда при Императорѣ

первымъ Адьюшанпомъ, икакъ напишался *благодаряемъ*, о кошоромъ говорила я выше, что сходилъ съ ума опъ эшого. Не знаю, было-ли эшо извѣстно когда нибудь Г-жѣ Сегюръ. Принужденный внезапно ѣхать въ Парму и Пиаченцу, онъ, я думаю, говорилъ не иначе какъ сообразно своему положенію, но еснь глядя и вздыхая. Впрочемъ, шулки въ спорону, я понимала очень хорошо, что Г-жа Сегюръ могла вскружить голову пакъ жестоко, какъ шолько можешъ она закружиться у мужчины, и пошому находила, что возмущеніе въ Аппенинахъ случилось очень кспани. Глаза супруги Оксавія Сегюра заспавляютъ препенашъ, когда обращаются на васъ.

Выговоривши имя Сегюра, кошорое напоминаешъ все хорошее, любезное, доброе, надобно прибавить нѣсколько спрочекъ объ одной прелесной особѣ, имѣвшей всѣ права вступишь въ эшо семейство избранныхъ. Дѣвица Люція Люсе, дочь Графини Люсе, едва распустившейся цвѣтокъ, вдругъ сорванный, срѣзанный смернью, была услажденіемъ своихъ родителей, и смернь ея разрушила для нихъ все счастье въ будущемъ. Я знала ее ребенкомъ и любила нѣжно. Въ ней было удивительное очарованіе крошости и ума. Въ ней соединялось все хорошее: она была добрая дочь, добрая мать, добрая жена и добрый другъ. Думаю,

чно къ этимъ немногимъ словамъ не лзя прибавить ничего больше. Въ нихъ самый обширный комменгарій прекрасныхъ качествъ. Она была пріятна собой, можетъ быть немного черна и блѣдна, но я видѣла въ ней одну изъ ихъ Андалузскихъ красотъ, которыхъ восхищительнаго достоинства у насъ еще не умѣли оцѣнишь. Миѣ казалась она прелестна, со своими черными глазами, блиставшими огнемъ, который сверкалъ изъ-подъ гусныхъ, шелковистыхъ рѣсницъ ея. Люція умерла въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ: ее оплакивали всѣ.

Она вышла за-мужъ за Филиппа Сегюра, второго сына Оберъ-Церемоніймейстера. Извѣстно, что это достойный наслѣдникъ своего незабвеннаго отца. Филиппъ Сегюръ человекъ истинно замѣчательный. Теперь я не скажу о немъ ничего больше, потому что иакія имена надобно произносить непременно объясняя ихъ достойнымъ образомъ; надобно говорить о немъ какъ о человекѣ, который дѣлаешь честь Франціи.

Сидишь только явишься въ этомъ семействѣ, чтобы ииоючасъ быть окруженнымъ какимъ-то блескомъ, и почувствовать какую-то атмосферу счастья, тогда какъ есть другія семейства, гдѣ вся жизнь проходитъ посреди несчастій и проклятій. Филиппъ Сегюръ лишился своей жены, взглянулъ вокругъ себя, и ужас-

нулся пуспошѣ, какую въ будущемъ представляла ему жизнь. Онъ долго былъ очень несчастливъ; наконецъ обязанность заботиться о двухъ маленькихъ своихъ дѣтяхъ привязала его къ жизни; онъ хотѣлъ жить для нихъ. Богъ приуговлялъ награду его покорности.

Видали-ли вы молодую женщину, у которой ростъ Сильфиды, всѣ движенія плѣнительны, голосъ мелодія, взглядъ дѣвственъ и вмѣстѣ сладоспращенъ, улыбка добра и вмѣстѣ оспроумна? Эта молодая женщина Виконнесса Бонневаль, эшо Марія Сегюръ. Въ эпомъ очаровательномъ созданіи естъ все могучее волшебство, которое всмарину заставляло вѣрять сверхъестественнымъ чарамъ, и между шѣмъ я видала красавиць больше блистательныхъ, удивлялась чертамъ больше совершеннымъ, и спану, больше похожему на спанъ Венеры Капитолійской. Но во всѣхъ эпныхъ красонахъ, я не видала ни взгляда, ни улыбки Г-жи Бонневаль. Я часно ѣзжала въ Елисейскій дворець, принадлежавшій тогда Королевѣ Неаполишанской. Г-жа Сегюръ приваживала шуда двухъ своихъ дѣшей; я шакже имѣла позволеніе привозить своихъ, и они игравали вмѣстѣ. Люція глядѣла на свою дочь глазами любящей матери, но въ ея взглядѣ какъ будно мелькала печаль. Я всмаривалась въ эпную продолжительный взглядъ, кошорый передала она Маріи, и кошо-

рый у молодой женщины бываетъ запечатлѣнъ всею кропосью неба.

Не знаю, можетъ быть мое сужденіе о ней опшзывается нѣмъ предубѣжденіемъ, которое могла мнѣ внушить глубокая привязанность къ ея манери, самой превосходной, лучшей, благороднѣйшей изъ женщинъ. Но я не думаю, чинобы шеперь, въ лучшемъ Парижскомъ обществѣ, нашлась молодая женщина, больше пріятная нежели супруга Оскара Бонневала (*). Сверхъ того, какъ она хороша счастьемъ, которымъ наслаждается сама и даритъ другихъ!... Удивительно видѣть этихъ молодыхъ супруговъ, споль прекрасныхъ, любящихъ и согласныхъ другъ съ другомъ. Я знаю только еще одну чешу, которая такъ же говоритъ мнѣ о небесномъ счастьи: это Г. Карль Ленорманъ и его супруга.

Но надобно возвратиться въ Ренси, и еще присушествованъ шамъ при супружескомъ свиданіи, гдѣ должны были сойднись и произнес-

(*) Въ Парижѣ есть еще одно восхишительное лицо, съ такимъ-же выраженіемъ дѣпской опкровенности, и споль-же совершенное своими чертами: это супруга Г-на Амедея Пишо. Доброша ея такъ-же плѣнительна какъ и свѣтлая ея физиогномія.

ши взаимные обѣщанія два существа не столько счастливыя.

Я говорила о прехъ придворныхъ дамахъ, временно служившихъ при Виртембергской Принцессѣ. Въѣспѣ съ ними былъ Г. Виллушъ, Кавалеръ при Дворѣ Императора, занимавшій ну-же должность и при Ея Королевскомъ Высочествѣ: человекъ тогда съ прелестнымъ лицомъ и записной покоритель сердець. Тогда сердце Г-жи Раппъ, я думаю, уже очень спрадало, и въ свѣтѣ говорили о знаменитомъ разводѣ, случившемся послѣ. Но довольно странная особенность, сказанъ мимоходомъ, что Императоръ, съ какимъ-то отвращеніемъ, не хотѣлъ и слышанъ слова *разводъ*. . . . Его какъ будто бы оскорбило *изслѣдованіе*, кошорое взоръ могъ сдѣлать въ его мысляхъ. . . . Бѣдный Раппъ былъ очень несчастливъ, не въ томъ смыслѣ какой связанъ съ этимъ словомъ, когда оно выражаетъ чувство, а несчастливъ вниманіемъ, какое дѣло о разводѣ обратило на него. Этого превосходный человекъ былъ робокъ въ свѣтѣ, и робокъ до шакой степени, что приходилъ въ замѣшательство когда двѣ женщины глядѣли на него пристально и улыбались. Событіе, для меня почти фантастическое, когда я предсказываю себѣ, что Раппъ, кажется неоспоримо, былъ *счастливый волокита*. Вотъ что можешь замѣшавишь онѣмѣть самыхъ неуспрашимыхъ. . . .

И еще какую женщину назвали мнѣ! . . . хорошенькую, оспроумную, и.... чрезвычайно знаменную даму тогда, если она уже и не шакова шеперь... Не смѣю высказать больше, но это прекрасно со стороны того, кто шакъ много и шакъ свысока насмѣхался надъ просшупками другихъ.

Баронъ Августъ Талейранъ былъ въ то время шаковъ-же какъ шеперь, если онъ еще не умеръ : вѣжливъ, оспроумень, каковъ долженъ бытъ свѣшскій человекъ, и къ шому еще музыкантъ, спрашнный почти до сумасшесшвiя, если позволено сказать это. Онъ былъ Камергеръ Императора и занималъ шу-же должность при Виршембергской Принцессѣ.

Наконецъ должно назвать главное лицо, Маршала Бессьера : при обрядѣ бракосочешанiя онъ занималъ мѣсто Принца Жерома. Эта спранная и чудовищная церемонiя, смѣшная въ ошношенiи къ шѣмъ, кто бываетъ въ ней главными актерами, должна-бы бытъ исключена изъ уставовъ эшкеша. Впрочемъ, это зданiе, которое строятъ всегда на развалинахъ; я надѣюсь, что оно скоро сокрушится совершенно. Однакожъ въ 1807 году оно еще не было уничтожено, и Принцесса Виршембергская обвинчалась съ Маршаломъ Бессьеромъ на время, куда въ самое дѣлѣ не женился на ней Принцъ Жеромъ; а онъ умѣлъ жениться очень

испивно, и безъ всякаго позволенія. Это отношеніе, совершенно церемоніяльное, не только не произвело какой нибудь искренности между Маршаломъ и Принцессой, но, напротивъ, какъ будто поставило между ними стѣну, похожую на Кипайскую. Бессьеръ, отъ природы самый любезный и вѣжливый человекъ, сказалъ мнѣ, въ самый первый день послѣ завтрака:

— Я боюсь, чтобы наша Принцесса не была то, что называла бабушка моя: *накрахмаленый воротникъ*.

И онъ началъ мнѣ рассказывать, какъ ему вздумалось молвить немножко веселое, но ни сколько не обидное и еще меньше оскорбительное слово. Но Принцесса отвѣчала ему такъ, что онъ могъ видѣть весь Нѣмецкій эпикенъ, копорый не понимаетъ ни какой шуточки, сколько-бы ни была она невинна.

Я уже сказала, кажется, что не только все было готово къ принятію Принцессы, но что даже для нея приготовили ванну, въ прелестной, великолѣпной ванной залѣ Ренси. Она не хотѣла воспользоваться эшимъ, и, по видимому, желала чтобы завтракъ былъ поданъ раньше. Я, не зная намѣреній ея, велѣла приготовить два завтрака, такъ чтобы одинъ подали къ ней особенно, въ ея комнаты, если-бы она вздумала завтракать одна, что очень могло бытъ, пошому что приговорясь къ спран-

ному положенію, какое вскорѣ ожидало ее, она могла желать уединенія. Но совсѣмъ напрошивъ, она сказала, что желаетъ завтракать со всеми моими господами, и поручила мнѣ пригласить ихъ отъ ея имени. Она, по видимому, безпокоилась, сколько позволяла судить о томъ спрдашельносшь ея физіогноміи, что Министръ Короля, отца ея, не прѣзжаетъ такъ долго. Онъ явился въ десяти часовъ. Кажется его называли Г. Винценгероде: это былъ человѣкъ высокій, молодой, блѣлый, безъ всякаго выраженія во взглядѣ, въ улыбкѣ, въ наружности: насмоящій богъ Термъ. Жена его, которая должна была прѣхать, не прѣехала, не знаю отъ чего. Когда Принцесса Екашерина увидѣла своего Министра, лицо ея пошчасъ приняло другое выраженіе. Эша перемѣна убѣдила меня еще больше въ томъ, что замѣчала я прежде: Принцесса старалась принуждать себя. Для всякаго, чей глазъ привыкъ судить о сердцѣ человѣческомъ, было явно, что эша женщина спрадаешъ ужасно. Внезапное удаленіе отъ всѣхъ своихъ было для нея ударомъ, хотя она и должна была ожидать этого. Видно было, что она спрадаешъ даже физически. Лицо ея горѣло, и по временамъ эша краска, почти пурпуровая, смѣнялась блѣдносшью почти смертельною. Время было жаркое, и она сама, понимая свое соснояніе, предупреждала размышленія другихъ, при-

писывая головной боли отъ жару и усралосни бысприя перемѣны своей физиогноміи, копорья могли поразишь всякаго. Впрочемъ, совершенно вѣжливая и почти пріятная, она оспавалась Принцессою сколько позволяло соспояніе, въ копоромъ она находилась Она посадила меня подлѣ себя по правую руку, и долго разговаривала со мной такъ пріятно, что, можешъ бышь, шолько мы съ Г-жею Лаллеманъ, копорая въ это время соспавляла часть моего семейсва и жила вмѣстѣ со мной, понимали всю цѣну этого.

Изъ-за сшпола вснали въ одиннадцать часовъ съ половиной. Я спросила Принцессу, не будешъ-ли ей пріятно ѣхашъ на охошу въ паркъ. Въ ея распоряженіи были верховья лошади или коляска, если она больше любила спокойную охошу. Она сама выбрала коляску, и когда намъ подали двѣ, пакъ сказашь *корзины*, въ какихъ обыкновенно ѣзжали на охошу въ Фоншенбло и Рамбулье, мы опсправились.

Надобно замѣишь мимоходомъ, что эта прогулка дала поводъ къ сшпранной ссорѣ, копорую занѣяла со мной Графиня Люсе. Она разсердилась, что я сѣла на одномъ изъ первыхъ мѣспъ коляски, и даже начала жаловашъ на это. Я очень видѣла какое-то измѣненіе въ ея лицѣ, но оно казалось мнѣ пакъ еспешивенно, что я оспалась на своемъ мѣспѣ, и мужъ ея

должень былъ вмѣшанься и объяснишь мнѣ дѣло такъ, чшобы я поняла это. Когда слова были сказаны ясно, я замѣтила во-первыхъ, что съ той минуты, когда Ея Королевское Высочество Принцесса Виршембергская была у меня, я не значила ничего: она сдѣлалась хозяйкою замка, а я чужою. Это такъ еспешвенно приходиль на умъ, когда начинаешь разбирать затрудненія и сплешни, что я изумилась, какъ Г-жа Люсе не увидѣла этого пошчасъ. Но, совѣтъ напрашивъ, казалось даже, что она сердилась. Тогда, впрочемъ безъ всякаго *сердца*, пошому что я не умѣю сердиться и всегда употребляю свое время на что нибудь лучшее, а не на шакой вздоръ, я сказала въ свою очередь, что досшоинешво Придворной Дамы, на которое опиралась Г-жа Люсе, безъ сомнѣнн ешь самое важное для женщины, и что пошому-то я не утверждаю, будшо дамы Имперапщицы-матери выше дамъ Имперапщицы. Обо всемъ этомъ даже и не было рѣчи. Я ошвѣчала также, что Ея Королевское Высочество сдѣлала мнѣ честь посадивши меня подлѣ себя, и я должна была повиноваться ей. Въ самомъ дѣлѣ, хорошо-ли было-бы церемониться, когда Король говоритъ вамъ: Сядьше шамъ или шамъ, и ошвѣчашъ прищуривая глаза: Это обезпокоишь Ваше Величество. Вѣрояшно, Государи никогда не приказываютъ шого, что можешъ обез-

покоишь ихъ, слѣдовательно надобно только повиноваться имъ. При всѣхъ иностранныхъ Дворахъ, гдѣ была я (а я видѣла ихъ много), я всегда такъ дѣйствовала и никогда не раскаявалась. Наконецъ, обратившись къ моей маленькой суешности, я сказала, что Жюно Парижскій Губернаторъ и сверхъ того первый Адъютантъ Императора: а это два первыхъ достоинства въ городѣ Парижѣ, первое какъ власть, не имѣющая равной, другое какъ почестъ, также единственная. Эти несносныя мѣлочныя сплетни дошли наконецъ до того, что я принуждена была сказать о нихъ Императрицѣ-машери. Она оскорбилась, что такъ поспеваютъ съ одною изъ ея дамъ, и удивительная доброта ея сердца тотчасъ заставила ее сказать :

— Да ты-же и на седьмомъ мѣсяцѣ беременноси! Она вѣрно злая женщина, эта *выдумщица*.

Тогда я взяла на себя защиту Г-жи Люсе, потому что всегда готова отвѣчать за ея доброту. Она истинно добрая женщина; но при этомъ случаѣ замѣшалась несдержанная ревновательность, и вся вина была на сторонѣ Графини Люсе.

Сначала мы объѣхали Бондѣйскій лѣсъ, и возвратились черезъ воруна Шель. Тамъ ожидали насъ свора и псаря. Тотчасъ была пущена молодая дикая коза, и ее вскорѣ схватили соба-

ки. Принцесса, сначала важная и почти печальная, развеселилась наконецъ и казалась довольною. Но жаръ былъ удушающій и мы возвратились домой когда било при часа. Сверхъ того, оставалось едва необходимое время, чтобы Принцесса могла одѣшья, а мы окончили свой нарядъ. Что касается до меня, я, съ своею тяжелою беременностію, уже начинала чувствовать упомленіе этого дни, а еще было только при часа. Возвратившись въ свою комнату, я раздѣлась и легла въ длинныя кресла, потому что мнѣ было тяжело. Съ минушу отдыкала я, когда одна изъ моихъ женщинъ пришла и сказала съ лихорадочнымъ движеніемъ:— Ахъ, сударыня! что намъ дѣлать?... У Принцессы нѣтъ рубашки.

«Какъ у Принцессы нѣтъ рубашки?» вскричала я и вскочила на обѣ ноги, не смотря на свое препятствіе. «Что значишь это: у Принцессы нѣтъ рубашки?»

— Да-съ, у Принцессы нѣтъ рубашки — сказала мнѣ дѣвица Рейдлеръ съ спраннымъ видомъ.

Въ эту минушу мы конечно были смѣшны какъ не лзя больше, и я помню, что кинувши взглядъ въ зеркало, гдѣ отражались наши лица, я пошчасъ захохотала пѣмъ добрымъ и ошкровеннымъ смѣхомъ, котораго уже не знаю давно.

Дѣло въ томъ, что фуры Принцессы опирались, когда женщины ея вынули все что было нужно для туалета Ея Королевскаго Высочества, и въ суматохѣ, неизбежной при дорожномъ переодеваньи, забыли взять рубашку.

«Ну, право, мы такія-же сумасшедшія какъ и женщины Ея Королевскаго Высочества,» сказала я поспѣшь, когда могла перевести дыханіе. «Если у Принцессы нѣтъ рубашекъ, такъ возьми ихъ полдюжины у меня: это вѣроятно больше нежели ей надобно, потому что въ шапкой жаръ, я думаю, она не надѣнетъ двухъ, и нѣтъ меньше трехъ.

И мы захохотали лучше прежняго. Чтобы объяснить эту дружескую веселость, я должна сказать, что Жозефина Рейдлеръ жила еще у моей мамы. Она видѣла мое рожденіе, и я глядѣла на нее какъ на маму. Однакожь она вывела меня изъ шептѣнія, когда я увидѣла, что она захохотала сильнѣе прежняго, услышавши мое предложеніе: дать Принцессѣ моихъ рубашекъ.

— Да какъ-же она надѣнетъ ихъ, сударыня?
— сказала мнѣ наконецъ Жозефина.

Этотъ вопросъ будетъ непонятымъ, если не сказать, что я была въ то время чрезвычайно тонка, такъ что даже беременность ни сколько не измѣняла моей шали. Принцесса Виртембергская, напрошивъ, была чрезвычайно пол-

на и вся нижняя часть ее шалии была вдвое толще моей. Я также захохотала при мысли об этомъ.

«А все таки отнеси имъ рубашки,» сказала я наконецъ. «Пусть дѣлають съ ними что могутъ или что хощають.»

Дѣвица Рейдлеръ отнесла полдюжины прелестныхъ батисшовыхъ, вышитыхъ рубашекъ, съ обшивками на гофрированныхъ рукавахъ. Изъ этого вышла настоящая трагедія. Принцесса надѣла на себя рубашку точно какъ фушляръ. Обшивки опрѣзали. Не знаю, повинились-ли женщины ей въ своей забывчивости, но только рубашки были разрѣзаны, для того чтобы легче было надѣть ихъ: иначе онѣ не годились-бы, а съ этимъ Принцесса по крайней мѣрѣ могла надѣть сухое и чистое бѣлье возвращившись съ охоты.

Когда она вошла въ гостиную, за полчаса до обѣда, мнѣ было жаль, зачѣмъ никто не осмѣлился сказать ей чтобы она одѣлась иначе. Она пригошворялась къ свиданію съ человѣкомъ, котораго воображеніе, молодое, и поэтическое какъ у всѣхъ урожденцевъ Юга, украшало особеннымъ очарованіемъ ошесунсвующій предметъ. Судя по пориришу, который онъ показывалъ мнѣ и называлъ чрезвычайно сходнымъ, первая супруга Жерома Бонапарте была прелестна (послѣ я и удостоверилась, что она

точно была прелестна). Слѣдовательно, когда Принцесса Екашерина рѣшилась отдать свою руку Принцу Жерому, она должна была употребить все средства заставить его полюбить себя, потому что, не смотря на слишкомъ усупчивую покорность его приказаніямъ Наполеона, никто не могъ сомнѣваться, что Жеромъ очень сожалѣлъ о первой женѣ своей, или просто сказалъ *о женѣ*, потому что дѣвица Пашперсонъ дѣйствительно была *жена его*. Такимъ образомъ, здравая и благоразумная полишка совѣтовала ей явиться передъ нимъ со всеми своими преимуществами, а нарядъ ея былъ испинно неизвинимеленъ въ 1807 году, и особенно для Принцессы.

На ней было платье бѣлое изъ волнистой матеріи, но бѣлое съ лазурнымъ ошливомъ, что уже всеѣмъ вышло тогда изъ моды. Эпощъ цвѣтъ представлялъ еще по неудобство, что на немъ слишкомъ означалось чрезвычайно дурное серебряное шитье передней части платья, въ видѣ мапильды; а это была также древняя мода, совершенно забытая уже около четырехъ годовъ. Ея прическа, выдававшаяся впередъ, не шла къ лицу, не только пріятному всеми своими чертами, но и чрезвычайно замѣчательному своимъ выраженіемъ. Принцесса Виртембергская, тогда двадцатилѣтняя, была удивительно свѣжа. Ея русые волосы, ея голубые

глаза, бѣлые зубы, и округлость головы, пріятная и въ по-же время истинно благородная, давали ей преимущество, кошорымъ она какъ будто не дорожила, небрежно отдавая приказанія служившимъ при ней и всѣмъ соснавлявшимъ ея почешную свипу. На шеѣ Принцессы были двѣ нитки превосходнаго жемчугу, и на нихъ поршрешъ Принца, осыпанный брилліанпами. Вѣрояпно, брилліанщикъ самъ опредѣлилъ величину медальона, и спараясь помѣспить больше брилліаншовъ, почно сдѣлалъ изъ нихъ рамку. Но поршрешъ вышелъ ошъ эшого несоразмѣрно великъ. Онъ висѣлъ на двухъ ниткахъ жемчугу, и Принцесса, по видимому, не обращала большаго вниманія, что картина получается ударъ при всякомъ ея движеніи.

Но самый покррой плашня былъ для меня и для Г-жи Лаллеманъ большимъ предметомъ размышленія. Если-бы эпошъ прелесшный, голу-бованный муаръ, по крайней мѣрѣ выкроили по современной модѣ! А по изъ него сдѣлали *фуро*, узкое, съ хвостикомъ, почно пошожимъ на круглый хвостъ бобра, и съ рукавами шакже чрезвычайно узкими, обпаянушими и сжимающими руку надъ локшемъ, какъ перевязки послѣ кровопусканія. Оспроносые башмаки Принцессы можно было почешъ башмаками *à la roulaïne*, временъ Царя Иоанна. Но, за всѣмъ шѣмъ, достоинство Принцессы помогаетъ мно-

тому, и Ея Королевское Высочество вошла въ госпинуую Ренси съ такимъ-же величественнымъ видомъ, съ какимъ черезъ два мѣсяца попомъ проходила она по галлерей Сень-Клу, въ нарядномъ платьѣ, вышиномъ Ленорманомъ и сшитомъ Леруа, въ прическѣ Фредерика или Шарбонье, и въ ожерельѣ удивительной работы Фонсье или Нишо. Впрочемъ, ея беззаботность о такихъ бездѣлицахъ показывала, до какой степени умъ ея, въ самомъ дѣлѣ превосходный, былъ занятъ совсѣмъ другимъ въ эту минушу, можетъ быть самую важную во всю ея жизнь.

Я приняла ея приказанія, и Г. Боссе, исправлявшій при ней должность Придворнаго Префекта, сказалъ мнѣ именемъ ея, что она желаетъ обѣдать только съ дамами, коихъ находились въ замкѣ. Исполняя это приказаніе, я велѣла накрыть столъ въ библиотекѣ, коихъ занимала въ Ренси довольно большую комнату, на лѣвой часни замка, къ парку. Насъ было шестеро, вмѣстѣ съ Принцессою, попомъ что она дозволила моему другу Г-жѣ Лаллеманъ не оставяль меня. Г-жа Лаллеманъ тогда еще не представлялась ко Двору и была представлена уже черезъ чепыре года послѣ этого. Но я почиала ее своею сесирою, и конечно не допустила-бы, чтобы она не была тамъ, гдѣ я. Такимъ образомъ, за столомъ сидѣли: Принцесса, я, Г-жа Лаллеманъ, и шри

дамы, находившіяся при Ея Королевскомъ Высочествѣ.

Покуда еще не подавали кушанья, я замѣнила сильное волненіе въ лицѣ Принцессы. Мнѣ казалось, что она желаетъ чего-шо; но ее окружали все чужія, и конечно ей было нѣжело вызывать на что нибудь тѣхъ, которыя въ эту минуту, когда всего нужнѣе была ей искренняя привязанность, являлись передъ нею только съ почтительною улыбкою или съ совершеннымъ равнодушіемъ. Таково было ея положеніе. Я подошла къ ней. Безъ всякаго нескромнаго вопроса, потому что слишкомъ ошккровенно было-бы спросить у нея чего она желаетъ, хотя для меня было ясно, что она желаетъ чего-шо и *желаетъ очень*, я завела шакой довѣрчивый разговоръ, въ какой она конечно не вошла-бы ни съ кѣмъ изъ окружавшихъ ее. Она сама наконецъ увлеклась эшимъ и сказала мнѣ:

— Не лзя-ли сдѣлать шакъ, чтобы меня предупредили за нѣсколько минутъ о прїездѣ Принца?

Она совершенно покраснѣла, когда выговорила эти немногія слова. Конечно не любовь вызвала это волненіе, и потому оно вѣрно было нѣжело для нея... Я не показала, что замѣнила тревогу ея чувствъ, и была рада, что шакъ легко исполнить желаніе Ея Королевскаго Высочества. Ренси ешь можешъ быть един-

свѣнный загородный домъ вокругъ Парижа, гдѣ въ самомъ дѣлѣ это легко. Ошъ самаго ѣзды на шамоннїи земли идетъ длинная липовая аллея, вполнѣ до воронїи замка. Она конечно простирается на нрисна шуазовъ въ длину. Я шощасъ сказала Жюно о желанїи Принцессы, и онъ согласился со мной, что ей хочется имѣть время приговорить себя къ свиданїю, по видимому шягоснному для нея. Жюно приказалъ Г-ну Грансеню сшашъ у входа въ аллею, въ шой часши, кошорая прилегаетъ къ замку, и шощасъ, какъ скоро онъ замѣшшшъ на дорогѣ кареты Принца, сказашъ объ этомъ мнѣ. Я донесла Принцессѣ, что приказанїя ея исполнены, и мы сѣли за сшоль, между шѣмъ какъ Жюно угощаль Бессьера и всю осшальную свшшу Принцессы.

Обѣдъ шель печально. Я наблюдала движенїя Принцессы; они были гораздо опривисше нежели ушромъ; щеки ея горѣли, и все показывало въ ней сильное внутреннее волненїе; но она скрывала его достоинствомъ физїогномїи, конечно *выгущнымъ*, больше нежели обдуманымъ въ шакую минушу, когда самое благородное сердце могло-бы открьшъ себя безъ всякаго сшуда. Мы не долго оставались за сшоломъ. Принцесса была безпокойна, шревожна, и когда я два раза спрашивала у нея, гдѣ прикажетъ она подашъ кофе и мороженое, въ паркѣ

или въ большой госпиной, она отвѣчала, глядя на меня какъ челоѣкъ ничего не понимающей : А ?... какъ вамъ угодно.

Пробило шесть часовъ съ половиной, когда мы встали изъ-за стола, и пошчасъ перешли въ большую госпиную. Я хотѣла спросить у Жюно, наблюдаешь-ли онъ, чшобы ведешь былъ на своемъ мѣстѣ, пошому чшо Принцесса также спрашивала у меня, помню-ли я чего она желала. Но Жюно, Бессьеръ, Г. Боссе, и всѣ эти господа, которые не заботились ни о какой первой женѣ, думали какъ-бы шолько долѣе и лучше обѣдать. Споловая оглащалась восклицаніями ихъ веселости. Я вышла изъ замка и сама дошлелась до Русскаго домика, гдѣ шоялъ Г. Грансенъ: онъ обѣдалъ шамъ одинъ и направлялъ свою зрительную трубу на большую дорогу.

« О, сестра Анна ! » кричала я ему снизу лужайки, пошому чшо тяжесъ моя мѣнала мнѣ свободно ходишь. О, сестра Анна ! не видишь-ли ты кого нибудь ?

— Я вижу, милая кастеллиша, только траву, которая зеленеетъ, и пыль, которая волнуется, отвѣчалъ мнѣ Камергеръ Мильо, со всею вѣжливостью мушкеперовъ Людовика XV-го изученною имъ при опцѣ, принадлежавшемъ къ этому почтенному войску.

Я сама глядѣла въ поле, и шочно не видала

ничего. Но когда я уходила съ лужайки, шуча пылы поднялась на Парижской дорогѣ, и нѣсколько каренъ повернуло въ липовую аллею. Я успѣшила сказать Принцессѣ, что черезъ пять минутъ Принцъ будетъ передъ нею. Она поблагодарила меня полу-улыбкой, но мнѣ испинно было жаль ея. Лицо ея рдѣло багровою краскою, и она заспавляла почти спрашивсья за себя. Но это волненіе успокоилось наружно, какъ будто по приказанію. Она призвала Г-жу Люсе, вѣрно для того, чтобы опдашь ей приказанія объ отъѣздѣ шощасъ послѣ свиданія съ Принцемъ, и перешла въ шу комнату, гдѣ должна была увидѣшь его. Я уже говорила о расположеніи большой госпиной въ Ренси: она раздѣлена на три часни. Въ одной музыкальная зала, въ другой билліардная, посреди пріемная госпиная. Принцъ долженъ былъ войдши черезъ музыкальную госпиную; Принцесса спавалась въ средней, подлѣ камина, и подлѣ ея кресель стояли кресла, назначенныя для Принца. Мы всѣ перешли въ билліардную и могли видѣшь опшуда все въ средней госпиной, опгь которой билліардная опдѣлена шолько колоннами и посшавленными между нихъ спашуями. Уже мы слышали спукъ каренъ, бшспро ѣхавшихъ по аллеѣ, когда Г-жа Лаллеманъ, дернувши меня за плашь, сказала:—Боже мой, что я вспомнила!.... знаеше-ли, что мое

лицо можешь сдѣлать теперь странное впечатлѣніе на Принца?

«Какъ такъ?»

— Да, въ послѣдній разъ онъ видѣлъ меня въ Балтиморѣ, со своею женою, дѣвицею Панишерсонъ, кошорую знала я очень хорошо. Какъ вы думаете: не вспомнилъ-ли онъ о ней, увидѣвши меня послѣ всего что случилось?

«Боже мой! я очень думаю это!» вскричала я толкнувши ее въ ближнюю комнату, пошому что въ это самое мгновеніе слышенъ былъ шумъ входившихъ въ сѣни, и черезъ нѣсколько секундъ распворилась дверь: Маршалъ Бессьеръ ввелъ Принца.

Изъ всѣхъ братьевъ Наполеона, Жеромъ хуже всѣхъ наружносью. Голова его углублена въ плеча, и это общій недоснашокъ всѣхъ младшихъ Бонапарше, пошому что Императоръ, Король Іосифъ, Великая Герцогиня Тосканская и Люціанъ не имѣютъ этого недоснашка, который особенно замѣтенъ у Королевы Неаполитанской и у Жерома. Слегка естъ онъ и въ Людовикѣ; Принцесса Полина не имѣетъ и слѣда его. Въ то время, о кошоромъ я говорю, Принцъ Жеромъ не былъ ни сколько пріятель, ни лицомъ, ни обращеніемъ, и когда мнѣ рассказывали, что въ Веспфалии онъ питался только пѣжными сердцами, я не могла не сказать про себя, какъ много значилъ королевскій пи-

шуль даже въ любви, попому что для такой роли Ловеласа, какую позволялъ себѣ онъ, надобно было ему много особенныхъ средствъ правиться. Но, если-бы и не было ихъ, шо какъ говорить удивительный Вершеръ, было-бы совершенно одно и шо-же.

Съ Принцемъ пріѣхали его придворные, и между ними я замѣнила Кардинала Мори, перваго Омонье при Дворѣ Принца, и Г-на Александра Лекамюса, кошорый уже тогда имѣлъ большую власть надъ Жеромомъ и находился при немъ неоплучно. Особенно важно было ему не шеряшь Принца изъ виду въ эту рѣшительную минушу, кошорую самъ произвелъ онъ. Я не думаю, чтобы Жеромъ *одинъ*, самъ собою, рѣшился оснавить дѣвицу Папперсонъ, если-бы чуждый голосъ не нашешпалъ ему шѣхъ совѣтовъ, кошорые не могли родиться въ душѣ его, недовольно сильной. Дѣвица Папперсонъ шакое существо, что разъ привязавшись къ нему не лзя покинуть его безъ наказанія скорого и неизбежнаго.

Почешная свипа Принца оспалась въ музыкальной госшиной, шакъ-же какъ мы оснавались въ нашей билліардной.

Глава IX.

Свиданіе Жерома Бонапарше съ Принцессою Екашеринною. — Горесіпь Жюно. — Графъ Людовикъ Нарбоннъ. — Придворныя интриги. — Изысканія Г-на Кравфорда о Желѣзной маскѣ. — Балъ у Герцогини Люинь. — Поцѣлуй меня. — Г-жа Зайончекъ. — Я расхаживаю въ бѣлыхъ шелковыхъ башмакахъ и въ башкишовой юпкѣ. — Для чего? — Зеленое пятно на моемъ бальномъ плащѣ. — Слова Герцога Лавалля. — Г-жа Бальби. — Графъ Прованскій не Цезарь. — Г-жа Фламаранъ и 500 луидоровъ.

Госпиная въ Ренси будшо нарочно была устроена для того свиданія, которое мы видѣли въ ней. Принцесса сѣдѣла подлѣ камина, хотя въ немъ не было огня. Она вспала при входѣ Принца, сѣдѣла два шага впередъ и поклонилась чрезвычайно мило, хотя съ большимъ благородствомъ. Чшо касаетшя до него, онъ не поклонился, ни хорошо, ни дурно. Онъ какъ будшо прѣхалъ пошому, чшо ему сказали: шы поѣдешъ нуда.... Онъ приблизился къ Принцессѣ, и я увидѣла въ эту минушу все ея мужество, присущствіе ума и спокойствіе женщи-

ны и Принцессы. Послѣ нѣсколькихъ обмѣненныхъ словъ, она указала Принцу на кресла подлѣ себя, и пошчасъ завязался разговоръ о путешествіи, но не продолжительный. Жеромъ вспалъ, говоря съ вѣжливоспью Галаора :

« Мой бранъ ожидаетъ насъ... Я не хочу медлить и ошманъ у него удовольствіе узнать сестру, которую даю ему.

Принцесса улыбулась и проводила Принца до входа въ среднюю гостиную. Только что онъ вышелъ, лицо ея покрыла такая сильная краска, что я почти боялась удара. Она почувствовала дурношу; но воздухъ и одеколонъ возвратили ей чувства и черезъ нѣсколько минутъ она снова обладала своимъ умомъ: Я убѣждена сама и могу удостовѣрить всякаго, что эпознъ обморозъ, послѣ приписанный усталости и жару, былъ слѣдствіемъ только чрезвычайнаго принужденія, какое дѣлала себѣ Принцесса въ продолженіе многихъ часовъ. Если-бы она сама отрицала это, я не повѣрила-бы и ей. Нѣтъ сомнѣнія, что для нея, Принцессы Королевскаго Виршембергскаго Дома, неразлучной со всеми предразсудками Нѣмецкихъ Принцессъ въ отношеніи къ неравнымъ бракамъ, и съ естественнымъ предразсудкомъ всехъ Нѣмцевъ къ имени Бонапарте, соединилось еще другое, весьма важное обстоятельство: она знала о первомъ бракѣ того, за котораго вы-

ходила за мужъ. Все это могло вспревожить особу, и больше знакомую съ несчастіями нежели Принцесса Екатерина. Я находила даже совершенно естественнымъ, что ей сдѣлалось *дурно*, и дурно такъ, что это замедлило отъѣздъ изъ Ренси, а вмѣстѣ съ нимъ и церемонію, которая должна была казаться ей почти святошашествомъ. . . . Многие говорили о преданности Королевы Веспфальской. Она въ самомъ дѣлѣ превосходна; но я особенно почитаю ее достойною уваженія въ томъ положеніи, къ какому жребію привелъ Принцессу.

Какъ-бы оно ни было, мнѣ казалось, что Принцесса не расположена въ этою-же самый вечеръ претерпѣть нарушенія правъ Г-жи Пашперсонъ, которую должна-бъ была она защищать. Однакожь она была готова ѣхать, когда Жюно пришелъ сказать ей, что кареты поданы. Я осмалась въ Ренси, переночевать, потому что день былъ слишкомъ утомителенъ для меня, женщины беременной на седьмомъ мѣсяцѣ, и я не могла-бы долге выдержать.

«Г-жа Жюно,» сказала Принцесса въ минуту отъѣзда, подошедши ко мнѣ съ пріятною улыбкою. «Я никогда не забуду Ренси и доброго гостепріимства, оказаннаго мнѣ въ немъ. Это мѣсто всегда будетъ напоминать мнѣ пріятнѣйшія минуты въ моей жизни.

Я думаю, эта фраза была достойна самаго

опытнаго дипломата, пошому чшо, говоря по совѣспи, минушы, предшесшвовавшія шѣмъ, въ копорыя она говорила шакія пріяшныя слова, были конечно тяжелы для нея какъ не лъзя больше. Она ошиправилась, и Жюно побѣхаль провожашь ее вмѣспѣ съ Бессьеромъ. Я услышала послѣ, чшо въ Тюльери ожидала ее вся Императорская фамилія. Императоръ самъ вышелъ навспрѣчу къ ней, почти до большой лѣспницы, шо еспь до залы Маршаловъ. Увидѣвши его, она хошѣла спашь на колѣни и поцѣловашь его руку, но Императоръ шопчасъ наклонился и принудиль ее вспашь. Пошомъ онъ проводиль ее въ шронную залу, гдѣ была собрана вся Императорская фамилія, и предспавиль какъ дочь и сеспру. Ее шопчасъ окружили, обласкали, и съ эшой минушы она была пріяшна въ число сессперъ Императора.

Я возврашлась въ Парижъ на другой день ушромъ, и нашла Жюно въ шакомъ огорченіи, чшо меня почти убило эшо. Я могла предпологашь шолько одинъ предметъ для шюски его, и въ самомъ дѣлѣ не ошибалась. Чшобы показашь эшо вполнѣ, надобно-бъ было опкинуть одинъ конецъ покрова, наброшеннаго на всѣ собышія, слѣдовавшія за *травлями оленей* въ Ренси. Надобно-бъ было видѣшь, какъ глубоко оскорбилась благородная и высокая душа Жюно, увидѣвши себя, шакъ сказашь, оставленную

одинокъ въ эту кришическую минушу, когда надобно было спасти себя и предохранить жребій всего семейства своего отъ послѣдствій въ будущемъ. Увы! слѣдствіемъ была смерть его Да, прощеніе добродѣтель Христианская, и Тощъ, Кшо открылъ мнѣ путь утѣшенія, по которому иду я нынѣ, вознегодовалъ бы что я сохраняю въ глубинѣ сердца ненавись, которой ничто не можешь упишить. Но я не могу забыть моихъ осиропѣвшихъ дѣшей, я не могу даже принять какъ вознагражденія несчастій другой. Самое это несчастіе есть только воздаяніе Когда мысль моя обращается къ этой недосройной измѣнѣ прошивъ благороднаго сердца, къ этому робкому опешупничесству, къ этому опричанію, такъ грубо расчипанному для испребленія подозрѣній свѣта, какъ будто свѣтъ беретъ назадъ свои сужденія, сказанныя даже несправедливо... О, несчастный былъ день, когда эта женщина явилась со своею насмѣшливою улыбкою, играющаго такимъ образомъ судьбой цѣлаго семейства!...

Уже слишкомъ давно пора мнѣ говорить объ одномъ другѣ, миломъ для сердца, и шѣмъ больше драгоценномъ своею дружбою, что она, и отличныи умъ его были мнѣ чрезвычайно полезны въ погдашнихъ затруднительныхъ обшюашельствахъ. Онъ осшановилъ меня однажды, когда я хошѣла ѣхать въ Тюльери и расска-

запѣ все это недостойное дѣло. Онъ говорилъ мнѣ правду: я погубила-бы себя и не спасла-бы Жюно. Съ этой минушы я была-бы окружена шпионами, и все что говорила я, все что писала, было-бы извѣстно и предано изъясненіямъ женщины, кошорой душа никогда не знала добраго чувства.

— Погодише — говорилъ мнѣ мой другъ — погодише и ожидайше всего онъ времени.

Увы! оно принесло шолько смершь и раззореніе.

Эшошъ другъ, эшошъ ошець, эшошъ челоувѣкъ, кошораго оплакиваю и шеперь, кошораго буду оплакивань во все годы, назначенные мнѣ Богомъ провлачишься въ здѣшней ничтожной жизни, былъ Графъ Людовикъ Нарбоннь. Никогда не знала я лучшей души и сердца больше благороднаго, гдѣ все великодушныя чувства были-бы дѣяшельнѣе и живѣе, даже для шѣхъ, кшо сдѣлалъ ему зло и спарался вредить. Сколько разъ слыхала я, что его называли легкомысленнымъ и ни сколько не желавшимъ добра своимъ друзьямъ, шо еспѣ всемъ знакомымъ!... Впрочемъ, эшо сужденіе похоже на все сужденія свѣша о шѣхъ людяхъ, кошорые, какъ Графъ Людовикъ Нарбоннь, находящяся въ высшей сферѣ, куда посредшвенносшь не можешъ приближисья. Послѣ эшого она ушѣнаешъ себя, говоря *противъ* шого или другаго, кошорые оби-

жающъ гадкое низножество ея. Но такъ-но составляется большая часть извѣстности!

Графъ Людовикъ Нарбоннъ былъ не просто добръ. Нѣтъ, доброта его была дѣятельна, онъ съ ирогательною нѣжностію любилъ шѣхъ, которыя сами любили его истинно. Напримѣръ, дочери его : до какой степени жизнь его была соединена съ ихъ жизнью! Сколько радости постигло бѣдное опцовское сердце его, когда онъ подписывалъ договоры, которыми обезпечивалъ обѣимъ счастливое и богатое благосостояніе. Я видалась съ нимъ тогда каждый день; я уже заслужила его довѣренность, и онъ почиталъ меня какъ-бы своею прешнею дочерью, а я платила ему за это такую-же нѣжностію какъ Г-жа Рамбюшо и Г-жа Бранканъ. Онъ привыкъ къ интригамъ Двора и къ бурной жизни шамонней страны; онъ научилъ меня знанью карты ея, но научилъ также опверганъ всѣмъ *обману*, чтобы я не принимала фальшиваго золота за настоящее; а это непременно случилось-бы со мной безъ него, въ несчастномъ дѣлѣ съ Великою Герцогинею Бергскою, потому что надобно-же наконецъ назвать ее. Все что относится къ этой связи, все это роковая цѣпь, которая привела Жюно къ смерти, и къ смерти столь жестокой!.... Такимъ образомъ я не могу не говорить объ этихъ событіяхъ, хотя и къ величайшему моему сожа-

лѣнію. Я могла-бы сказать и много другаго, но ограничиваюсь прямымъ изложеніемъ событій.

Г. Нарбоннъ зналъ политическую причину этой связи, гораздо прежде нежели я подозрѣвала о ней. Принцессу руководствовала во всемъ Г-жа Аделаида Лагранжъ, которая послѣ вышла замужъ за Адьюшанпа Себасіани, Г-на Кюр... Въ то время, когда она поселяла свои мысли въ голову Великой Герцогини, она была совсемъ не такъ богата какъ послѣ, и честолюбіе ея съ особенной лаской улыбалось, думая о мѣстѣ придворной дамы Ея Величества Каролины I-й, супруги Іоахима I-го. Я уже говорила, что во все это не вмѣшивалось ни какой дурной мысли. Жюно былъ не такой человѣкъ, чтобы ему могли сказать: *«Мы положимъ преграду стремленію Императора, потому что если-бъ эта преграда была пукъ цвѣтовъ, самыхъ свѣжихъ, самыхъ благоухающихъ, онъ опвергнулъ-бы ее. Но ему могли говорить о счастіи Государства, и говорили только это.»*

— Силокъ распавленъ довольно искусно — говорилъ мнѣ Г. Нарбоннъ.—Дай Богъ только, чтобы нашъ почтенный Генераль не попался въ него.

Г. Нарбоннъ особенно обладалъ быспроюю и вѣрностью взгляда, который конечно можешь изощриться отъ привычки въ свѣтѣ, но кошо-

раго не лзя пріобрѣсти. Графъ часто улыбался во время безкончнаго виспа, кошорый Жюно задумалъ ввести у себя, подѣ предлогомъ соединить партію виспа Г-на Талейрана, бывшаго съ Императоромъ въ Варшавѣ, и гостепріимство, кошорому впрочемъ я радовалась, поному что оно приводило къ моимъ длиннымъ кресламъ Г-на Сешъ Фуа, этого *персональна* всѣхъ молодыхъ людей, и самаго оспроумнаго человѣка, какого шолько встрѣтила я въ жизнь мою. Къ намъ пріѣзжалъ также Г. Кравфордъ, энонѣ всегда молчаливый и вмѣстѣ оплично любезный человѣкъ, энонѣ любитель искусствъ, сполько спрасный къ нимъ, что опкрыть спашую, поршреть, обипый шорѣ, было для него важное событіе, кошорымъ занимался онѣ даже на степѣ своего здоровья и благосостоянія. У него находились самыя любопытныя картины Пешито и драгоцѣннѣйшее въ Европѣ собраніе картинъ Миньяра. Г. Кравфордъ также много занимался нашею Литшерашурою и оставилъ намъ превосходное сочиненіе о разныхъ предметахъ, подѣ заглавіемъ: *Mélanges de littérature (Литтературная смѣсь)*. Г. Кравфордъ былъ другъ Г-на Талейрана и часто помогалъ ему во многомъ, когда дѣло шло не шолько о зашпой или вопросительномъ знакѣ. Важный и серъезный какъ всѣ Американцы, онѣ показывалъ въ свѣстѣ желаніе уни-

что жаться, а это несправедливо для такого человека, которому надобно было замечать. Она была молчалива и заслуживала название молчалива. Только Герцогу Лавалю, который спорил бы даже с Китайским Богдыханом, если бы шопь игралъ въ виспъ и забылъ *оннёрры*, только Г-ну Лавалю, когда она начинала бранишься, Г. Кравфордъ, впрочемъ ни сколько не измѣняя своего хладнокровія, отвѣчалъ обыкновенно съ твердостью. Я очень любила Г-на Кравфорда. Она сдѣлала много изысканій о *Желѣзной маскѣ*, и они такъ же предположились какъ все другія объ этомъ предметѣ, больше нежели фантасмическомъ, потому что основа его существовавшая. Императоръ, разговаривая однажды вечеромъ съ Герцогомъ Пиаченцскимъ о Желѣзной маскѣ, опирался во многомъ на мнѣніе одного изъ браншевъ Людовика XIV-го. Я упомянула при немъ о сочиненіи Кравфорда, которое только что явилось тогда, и Авиноръ благосклонно подарилъ мнѣ опичный экземпляръ его, in-folio. Императоръ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ о Г-нѣ Кравфордѣ и сказалъ чтобы я привезла сочиненіе его. Я послала его къ нему пошчасъ по возвращеніи домой (*), потому что онъ не любилъ ожидать,

(*) Эпошъ экземпляръ погибъ для меня: я никогда не увидѣла его больше. Другой того же сочиненія, ко-

и дежурный Адьюшаншъ далъ моему камердинеру росписку въ полученіи книги: въ этотъ день дежурнымъ былъ Генераль Лемарруа. Императоръ прочиталъ съ нѣкопорымъ вниманіемъ не только все, что относилось къ Железной маскѣ, но и многіе отдѣльные опривки, обратившіе на себя его вниманіе, потому что они казались произведеніемъ искуснаго публициста. Это были размышленія о разныхъ минисперствахъ, и особенно объ освѣщенности миниспровъ и даже вообще всѣхъ правителей, потому что Г. Кравфордъ разсмащивалъ народы какъ одно большое семейство. Но въ размышленіяхъ его были нѣкопорыя прошиворѣчія, хотя неважныя; а какъ Императору ни сколько не нравились размышленія его, то онъ разсердился и спросилъ, какъ попалась ко мнѣ эта книга. Я сказала ему.

— А, а! это Англичанинъ!... гмъ!... Маленькій Г. Бурке!... Эти собаченки публицисты воображаютъ себя Цицеронами, потому что имъ удалось сказать рѣчь взобравшись на бочку, изъ конхой вино они выпили на своихъ выборахъ.... Жалость!.... Да! А что дѣлаетъ

шорый шенеръ находишься у меня. есть подарокъ доброй Г-жи Кравфордъ, одной изъ вѣрнѣйшихъ друзей Жюно.

въ Парижѣ эпошъ Англичанинѣ? — сказала Имперашоръ обравившись къ Герцогу Ровиго, который конечно не смягчилъ-бы дѣла, если-бы Имперашоръ вздумалъ разсердиться по какой нибудь причинѣ, имѣющей здравый смыслъ.

Я спѣшила вмѣшаться и сказала, что Г. Кравфордъ Американецъ. Я не была увѣрена въ эпошъ, но эпо во всякомъ случаѣ могло только пособить... Въ эпо время Жюно уѣхалъ изъ Парижа, и Герцогъ Ровиго, врагъ его, шакъ-же какъ и всѣхъ своихъ шоварицей, могъ сдѣлать злочеловѣку, почишаемому другомъ Жюно и сверхъ того другомъ Г-на Талейрана, кошораго Ровиго любилъ не больше.... Только нѣсколько лѣтъ назадъ удостовѣрилась я, что Ровиго былъ недоброжелатель Жюно, и за что? за то, что Имперашоръ любилъ Жюно лично, любилъ какъ друга, можетъ быть не нѣжно, пошому что въ самомъ Наполеонѣ не было ничего, что не гармонировало-бы съ эпою истинно великодушною откровенностью, кошорая составляла основаніе характера Жюно, однакожь шолько сильно, что эпо могло возбуждать зависъ честолюбцевъ, видѣвшихъ шолько ордена и мѣсла въ выраженіи привязанности. Пошому-то они употребляли всѣ средства поспавивши между Имперашоромъ и прежнимъ его Адъюшаншомъ, прежнимъ другомъ несчастливыхъ дней, какую нибудь преграду, о кошо-

рой не зналъ онъ и самъ, попому что благородный характеръ выводилъ его изъ круга всѣхъ пайныхъ ухищреній, особенно когда они были вредны.

« Ты видишься только съ моими врагами! » сказалъ однажды Императоръ Жюно.

Жюно осполбенѣлъ. До сихъ поръ эта фраза, на которую я даже не обращала вниманія, относилась всегда ко мнѣ, и шакъ была она безразсудна, что, повшоряю, я уже не боялась ея. Но Жюно былъ пораженъ больше меня эпимъ спраннымъ упрекомъ, обращеннымъ къ нему, и не отвѣчалъ ничего.

« Да, » повшорилъ Императоръ, « ты видишься только съ моими врагами. . . . Что значить эпомъ виспъ, который ты завелъ у себя, и за которымъ собираются всѣ, кто только прошивень мнѣ? »

— Эпомъ виспъ соспавляющъ пѣ-же самые люди, которые играютъ у Г-на Талейрана. . . . А до сихъ поръ Ваше Величество не упрекали его. . . . Вѣроятно, всѣ упреки сберегались для меня.

« Однакожь, » сказалъ Наполеонъ, « можешь ли ты объяснить мнѣ, зачѣмъ ты ѣдишь въ одинъ домъ Сепъ-Жерменскаго предмѣстія, гдѣ ненавидящъ меня (надобно сказать истинное слово), ненавидящъ до такой степени, что,

право, я не понимаю, какъ я могу *дозволять этимъ людямъ* оспаиваться въ Парижѣ.

— Я не ѣзжу ни въ какой домъ Сень-Жерменскаго предместья, Государь! Въ Парижѣ была одна особа, очень близкая душѣ моей, и у нея часно въспрѣчалъ я людей, кошорыхъ Ваше Величество могли починать своими врагами; но върояшно вы разувѣрились на ихъ счетъ, пошому что многіе изъ нихъ шеперь служатъ при васъ.

«Здѣсь дѣло не обо мнѣ,» возразилъ Наполеонъ нахмуривъ брови, явно спущанный этимъ доказательствомъ. «Что дѣлаешь ты у Г-жи Люинъ, *гдѣ проходитъ жизнь твоя*, и гдѣ ты позволяешь дурачить себя *глупымъ болтунямъ*, кошорья воображаютъ, что могутъ безнаказанно играть шнагою одного изъ моихъ храбрыхъ? . . . Давно-ли спало это казаться имъ возможнымъ? . . . А, а, Г. Жюно! . . . вы видите, что я знаю все. . . . У меня шочныя извѣстія.

Услышавши имя Г-жи Люинъ, Жюно не зналъ сначала, что думать объ этомъ. . . . но изумленіе смѣнилось у него шакимъ шажелымъ чувствомъ, что онъ глубоко вздохнулъ и положилъ руку на глаза. Императоръ причелъ это къ его замѣшательству, и, думая что ему нечего швѣчать, повшорилъ:

«Да, да, у меня шочныя извѣстія. . . . и вы не можете отрицаться.»

— Государь! — сказала наконецъ Жюно съ поржесивеннымъ выраженіемъ, которое шомчасъ поразило Наполеона. — Я вижу себя принужденнымъ просить оспавки у Вашего Величества, попому что не могу долбе оспаваться при васъ, какъ скоро вы безусловно вѣрите нелпой лжи, соспавленной на счетъ мой и моей жены. Вы повѣрите шакимъ образомъ, если вамъ скажутъ, что я соспавляю противъ васъ заговоръ?

Дѣлая эпомъ вопросъ, Жюно вѣрно выражалъ смрпанное чувство лицомъ своимъ, пошому что Наполеонъ отвѣчалъ ему гораздо нѣжнѣе :

« Но это совсѣмъ другое.

— Ни сколько, Государь! Ваше Величество шомчасъ поймете меня, когда я скажу, что жена моя и я, всего на все были *одинъ разъ* въ домѣ Г-жи Люпинъ. А между шѣмъ жена моя очень хорошо знала Г-жу Шеврѣзъ, когда онѣ были дѣвицами; но оппозиція этой дамы шакъ гласна, что Г-жа Жюно не смаралась возобновить прежняго знакомства. Что касается до шого, что меня дурачатъ *глупыя болтуньи*, я не знаю, когда я далъ поводъ думать, что перенесу дурное обхождение отъ кого-бы то ни было въ свѣтѣ. Ваше Величество сей часъ увидите до какой степени надобно осперегаться донесеній, дѣлаемыхъ вамъ помимо главныхъ власней, какковы Дюбуа, Фуше, Дюрокъ и я.

Жюно разсказаль Имперашору, что могло въ самомъ дѣлѣ дать поводъ къ этой клеветѣ. Тутъ являющіяся многія важныя лица нашей послѣдней эпохи, и потому я также опишу это происшествіе.

Я уже сказала, что когда Г. Талейранъ уѣхалъ вслѣдъ за Имперашоромъ въ Варшаву, Жюно, спараясь утѣшиться въ *своемъ вдовствѣ*, собиралъ у себя всѣхъ игроковъ въ вистъ. Г. Нарбоннъ былъ не изъ самыхъ искусныхъ, но онъ уже былъ нашимъ другомъ и спалъ прѣзжаешь чаще прежняго: съ этого-то времени онъ привыкъ ѣздить ко мнѣ каждый день поутру и ввечеру. Однажды онъ сказалъ мнѣ: — Вы знали Г-жу Шеврѣзъ, когда она была еще дѣвицею Нарбоннъ; почему не сблизитесь вы? Я увѣренъ, что вы обѣ нашли-бы въ этомъ много пріятнаго.

Я возразила Г-ну Нарбонну, что я никогда не была въ личной связи съ Г-жею Шеврѣзъ; а теперь, когда она объявляетъ такую рѣшительную оппозицію, не кспати было-бы начинать связь, хотя это было-бы для меня шочно пріятно.

«Но она Придворная Дама,» сказалъ онъ мнѣ.

— Именно потому что она Придворная Дама—возразила я.

«Боже мой! Неужели-жъ вы почитаете необходимымъ для Имперашорскаго эпикена, что-

бы Придворныя Дамы исполняли волю Его Величества даже когда онъ скажетъ имъ: Поцлуйше меня. Развѣ сами вы не дѣлали прошивнаго этому?

Я расхохоталась.

— О конечно, но здѣсь дѣло не о шомъ.

«Сдѣлайше милость извинише меня, Г-жа Губернашпорша, но Эрмезинда ни сколько не думаетъ сосоставлять заговора прошивъ Императора, и шолько удивляется ему издалека, шакъ-же какъ многія другія, пошому что когда вашъ левъ зѣваетъ и просягиваетъ свои лапы, я всегда боюсь попасъшъ подъ ударъ его когтей... Нѣшъ, позволешъ увлечь васъ и побзжайше къ Г-жѣ Люинь.

Я сама желала эшого, пошому что Г-жа Шеврѣзъ и я шочно имѣли *преданія дружескія*, и съ нею осшалась въ шѣсной связи одна изъ самыхъ милыхъ мнѣ особъ: дѣвица Казо. Черезъ нѣсколько дней, я чрезвычайно удивилась получивши приглашеніе на балъ къ Г-жѣ Люинь; Жюно шакже получилъ приглашеніе.

«Ты побдешъ?» спросилъ меня онъ.

— Безъ всякаго сомнѣнія, если тебѣ эшо не неприятно.

Онъ ошвѣчалъ мнѣ ушвердительно. Я еще носила шрауръ по моей свекрови и пошому заказала себѣ парядъ весь бѣлый и безъ серебра.

Я хопѣла надѣнь шолько больше бриллианшовъ, и при нихъ плашье самое просное. Г-жа Жермонъ, конорая оставалась лучшей швейей въ Парижѣ, сдѣлала мнѣ креновое плашье на бѣломъ апласномъ чехлѣ. Описываю эши подробности какъ нахожу ихъ въ своихъ замѣшкахъ.

Я говорила, что тогда была искреннимъ моимъ другомъ Г-жа Зайончекъ. Она также имѣла приглашеніе на балъ къ Г-жѣ Люинъ, и я предложила ей ѣхать вмѣстѣ. Она согласилась. Описывая Императору эшомъ вечеръ исторически, по настоятельной просьбѣ Жюно, я замѣшила, въ доказательство какъ я мало близка къ Г-жѣ Люинъ, что я не смѣла пребывать приглашенія для друга, жившаго тогда со мной за одно семейство, а именно для Г-жи Лаллеманъ. Я назначила Г-жѣ Зайончекъ съѣхаться въ десяти часовъ съ половиной у меня. Она исполнила эшо въ точности и нашла меня причесанною, обушою, но недовольною, потому что мнѣ еще не привезли плашня, и я расхаживала дожидаясь его.

Что не знаешь скуки ожиданія? Но она бываетъ особенно ужасна, и почти страшна даже воспоминаніемъ, когда передъ вами мужъ, совершенно одѣтый, гошовый къ отъѣзду, и поглядывающій на васъ съ насмѣшливымъ видомъ. Г-жа Зайончекъ нашла меня въ эшомъ соотношеніи, за конорымъ шончасъ бывающъ слезы.

— Ради Бога, не заплачьте! — сказала она мнѣ.—Я хочу *чтобы они видѣли васъ хорошенькою.*

Но когда она узнала о чемъ я печалюсь, она также напала на меня и смѣялась еще больше Жюно.

«Право,» сказалъ Императоръ прервавши меня, «я-бы смѣялся надъ вами не меньше!... И что вамъ хошѣлось непременно выѣхать въ эпомъ плашѣ, совершенно новомъ? Таковы женщины!... Въ вашемъ гардеробѣ можетъ быть сотня такихъ-же плашьевъ было гошовыхъ, по-тому что васъ почищаютъ шю женщиною, которая изъ всего Двора моего издерживаетъ всѣхъ больше на наряды.

— Но, Государь, у меня не было *совершенно блага* плашья. А я имѣла честь сказать Вашему Величеству, что на немъ не лзя было приколотъ ни одного цвѣтка даже съ зеленымъ листикомъ.

«А для чего это?... Вы ѣхали не на первое причащеніе.

— Я еще носила прауръ по моей свекрови, Государь, не хошѣла нарушить его, и не хошѣла также напомнить объ эпомъ Жюно; иначе, добрая насмѣшливость его и даже веселость шюпчасъ смѣнились-бы совсѣмъ инымъ чувствомъ. Ваше Величество знаете какъ онъ любилъ свою машь.

Императоръ глядѣлъ на меня нѣсколько секундъ не говоря ничего, попомъ кивнулъ головой съ видомъ удивительно добрымъ и значительнымъ, и промолвилъ :

« Эпо очень хорошо. Ну что-жь дальше ? »

— Да, Государь, я продолжала расхаживать въ бѣлыхъ апласныхъ башмакахъ....

«А, а! вѣрно вы любите эпо обувь.... Счастье что у васъ не было сабли въ эпошъ вечеръ.... а!... Г-жа Лорешша ? »

Онъ безъ сомнѣнiя напоминалъ о моемъ несчастномъ приключенiи въ *Шалостяхъ влюбленныхъ*.

— Нѣтъ, Государь, на мнѣ не было сабли; но я имѣла честь сказать Вашему Величеству, что пушъ была шпага съ двумя оспреями, онъ кошорой мнѣ довольно шрудно было защищиться, и мнѣ кажется, что вамъ хочется еще изоспришь ее.... Эпо ужъ не великодушно.... Трое прошивъ одного.

Онъ началъ смѣяться глухимъ смѣхомъ, похожимъ на смѣхъ чревоущачелей: эпо иногда случалось, когда онъ бывалъ въ самомъ добромъ расположенiи.

«Ну....» примолвилъ онъ мнѣ, «бѣлые башмаки.... рассказывайте мнѣ все.

— Да, Государь, они были на моихъ ногахъ. Я расхаживала въ башмашовой юпочкѣ, съ гир-

ляндюю бриллиантовыхъ колосьевъ и бѣлыхъ фялокъ на головѣ. Въ это время Жюно, копорый шолько по наружности казался шерпблывымъ, а внушренно бѣсился, насвиспывалъ вальсъ или гроссъ-фанеръ. Но время не дожидалось насъ и на часахъ ударило еще полчаса. Это уже было одиннадцать. Жюно зѣвнулъ, попянулся, и сказалъ, что хочеть опсправиться спать. Погода была ужасная. Дождь лилъ ливмя и спучалъ въ окна моей комнаты. Я сказала дѣвицѣ Рейдлеръ, чтобы она взяла карешу Жюно или мою, потому что обѣ были заложены, и потчасъ-бы ѣхала къ Г-жѣ Жермонъ. Жюно пожелалъ мнѣ доброй ночи.

— Лучше вамъ опсправиться въ домъ Г-жи Люинъ—сказала ему Г-жа Зайончекъ.—Вы скажете, что Г-жа Жюно сей часъ будетъ, и что ей сдѣлалось немного дурно.

«Нѣтъ, нѣтъ,» опсвѣчалъ Жюно. «Это можно рассказывать шолько въ искреннемъ домѣ, а не у Г-жи Люинъ, съ копорой я почти незнакомъ. Если Лора хочеть согласиться со мной, то мы не поѣдемъ вовсе.

Покуда онъ говорилъ, мы услышали въ переднихъ госпиныхъ посибшныя шаги: это была швея Г-жи Жермонъ, копорую мой камердинеръ привезъ въ фякрѣ.

Я была очень сердиша, но какъ скоро увидѣла сверпокъ въ зеленой шафшѣ, положенный

у меня на спуль, я уже не думала бранишься. Я сбросила съ себя шаль, подбѣжала къ моему прюмо, и кричала, чшобы мнѣ пошчасъ надѣли плашье.

Эшо было сдѣлано въ одну минушу. Когда я была совершенно гошова, и мое ожерелье, мои браслешы, серьги, все было надѣшо, я сказала Жюно съ шоржесивующимъ видомъ :

— Надѣюсь, шеперь ты не захочешь идни спашь: черезъ десяшь минушь мы будемъ въ домѣ у Г-жи Люинь.

— Бррррр! . . . Altro, figlia mia! . . . можно-ли бышь въ чемъ нибудь увѣреннымъ съ женщинами?... Прощай Лора: я иду спашь.

Эшо совершенно изумило меня, и я глядѣла на него съ шакимъ видомъ, чшо конечно онъ развеселился отъ него, пошому чшо захохоталъ самымъ громкимъ смѣхомъ. Пошомъ онъ принялъ серьезный видъ, взялъ меня за руки и повернулъ, говоря, чшобы я поглядѣла на себя въ зеркало: я пошчасъ увидѣла огромное зеленое пашно, въ величину двухъ ладоней, съ боку на верху клина.

Если эшо будущъ чшпашь мужчины, они не поймутъ всей моей горесши. . . . Да, моей горесши.... Надобно бышь женщиной и еще молодой женщиной, пошому чшо послѣ впечатлѣнїя дней бала могутъ исчезнуть, чшобы по-

нѣшь какое дѣйствіе произвело на меня эшо проклятое пѣшно. Оно было шаково, что я не имѣла силъ даже разсердиться, и съ спокойнымъ видомъ спросила у дѣвицы Августины, какъ она умѣла сдѣлать эшо ?

Она представила мнѣ причину довольно основательную : вышедши ошъ Г-жи Жермонъ, она прошла шаговъ двадцать по улицѣ Св. Анны, покуда вспрѣтила фіакръ. А между шѣмъ дождь лиль рутьями. Несчастливая шафша намокла и передала свой цѣпшъ крену.

Но говоря эшо она уже принялась за работу, и черезъ десянь минушь проклятый клинь съ пѣшномъ былъ вырѣзанъ, замѣненъ новымъ, и мы уже скакали въ нашихъ каренахъ, на лошадахъ, можешъ бынь самыхъ лучшихъ и горячихъ въ Парижѣ, въ улицу Св. Доминика.

Въ эшошъ годъ было шакое множесиво бабовъ, что нашъ поздній пріѣздъ ни сколько не показался удивителенъ.

Гг. Нарбоннъ, Монпронъ, Сеншъ-Фуа, Лавональеръ, всѣ принадлежали къ моему искреннему обществу, и зная, что я не имѣла другихъ приглашеній на эшошъ вечеръ, начали уже думать, что я совсѣмъ не пріѣду. Г. Нарбоннъ, какъ родственникъ Г-жи Шеврѣзъ и мой искренній другъ, представилъ меня Герцогинѣ Люинъ.

« Г-жа Парижская Губернашорша , » сказала онъ съ важнымъ и самымъ торжественнымъ видомъ.

Г-жа Люинь, которую часто видала я въ домѣ Перигоровъ и у Г-жи Казо, но никогда не говаривала съ ней, встрѣшила меня чрезвычайно вѣжливо и была даже предупредительна. Г. Люинь, слышавши какъ-то, что процессъ *Маршала д'Анкрь и конфискація имѣнія его* очень могутъ возобновиться когда нибудь, былъ очень радъ оказать всю вѣжливостъ Жюно. Онъ говорилъ съ нимъ послѣ каждаго пробужденія, пошому что, какъ извѣстно, почтенный Герцогъ спалъ вездѣ , гдѣ только оспанавливался на одну минушу. Молодой Герцогъ Шеврѣзъ оспанавливался незамѣтнымъ въ домѣ, хопь совсѣмъ не былъ невидимкой. Что касается до Герцогини Шеврѣзъ, она пошчасъ послѣ своего брака сдѣлалась самою значительною особою Сень-Жерменскаго предмѣстія, и наспоющею хозяйкою въ домѣ Люинь, пошому что свекровь ея видѣла и слышала только ее и хопѣла нравиться только ей. Спранный характеръ, говоря мимоходомъ , эша Герцогиня Люинь ! Она была прелестна какъ ангель, когда жила въ монастырѣ на воспитаніи. Извѣстно, что она урожденная дѣвица Лаваль-Монморанси, сеспра Герцога Лавая, эшого удивительнаго знаюка во всѣхъ играхъ. Въ самые молодые годы, Г-жа

Люинь была испорчена оспой и переѣнилась до такой степени, что увидѣла необходимость переѣнить свое званіе женщины на какое нибудь другое, пошому что объ эпомъ ей ужь нечего было и думать. Она избрала званіе довольно странное, кошорое въ самомъ дѣлѣ заслуживало-бы какое нибудь новое имя. Она ѣздила верхомъ и перепрыгивала черезъ кустарники, черезъ рвы, носила кожаные панталоны подъ пышнымъ придворнымъ нарядомъ, ломала себѣ руки, падая въ бѣшеныхъ своихъ разѣздахъ, и на другой день начинала прежнее. Впрочемъ, эпо была превосходная женщина, золотое сердце, добрый другъ: она любила все, что должна была любить, и съ такою пылкою нѣжностію, что эпо имѣло свое очарованіе. Но вообще она представляла довольно странное лицо, и ничего не можетъ быть лучше словъ брата ея, Герцога Лавая: они изображаютъ совершенно ее и мужа ея.

«Очень радъ,» сказалъ Герцогъ Лаваль, узнавши о первой беременности Герцогини Люинь, «очень радъ этому извѣстію. Оно доказываетъ мнѣ двѣ вещи, въ кошорыхъ я не былъ увѣренъ: что моя сеспра женщина, а мой зять мужчина.

Имя Г-жи Шеврѣзъ, можно сказать, соединено съ современною эпохою, общеспвеннымъ ея положеніемъ, по крайней мѣрѣ сколько жизнь

женщины можетъ быть важна для новой черны при изображеніи эпохи. Эпо не знаешь, что бы я причисляла Г-жу Шеврёзъ къ высокимъ женщинамъ своего времени: напротивъ, я вижу въ ней рѣшительную ничтожность въ этомъ отношеніи, и всегда вижу эпо въ женщинѣ, когда она хочетъ вести спранныю жизнь, оплечаешься поступками, выходящими изъ всѣхъ границъ общественныхъ. А Г-жа Шеврёзъ единственна въ этомъ родѣ: она не имѣла ни какихъ посюстороннихъ правилъ, да ихъ и не можетъ быть когда мы играемъ опасностью, смѣемся надъ своею извѣстностію, и думаемъ оплечаешься на все, говоря и повсюду девизъ, который она высказывала вездѣ :

Bien faire et laisser dire.

Она оказала сопротивление Императору, потому что съ такимъ человекомъ оно придало ей гораздо лучшую извѣстность, нежели какую придала-бы усупчивость. По крайней мѣрѣ эпо мое мнѣніе. Я не могу соединить мысли объ искренней добродѣтели съ шѣми больше нежели смѣшными сценами, которыя возобновлялись для нея каждый день, и за которыя сами братья ея, одаренные превосходнымъ умомъ, ни сколько не похожимъ на ея умъ, порицали ее, даже не освобождая отъ уроковъ въ пуб-

ликъ, какъ случилось это въ шось день, когда она побилась объ закладъ, что остановитъ своего брата Алберика посреди Пале-Рояля, въ одиннадцать часовъ вечера, и остановила въ самомъ дѣлѣ. Но онъ сдѣлалъ ей такой снрогій выговоръ, что она заплакала. Въ другой разъ, узнавши что одинъ шарикъ, прежде бывшій торговецъ кореньями, ожидаетъ свою племянницу съ Руанскимъ дилжансомъ, она явилась къ нему наканунѣ, рассказала басню о своемъ раннемъ прїѣздѣ, и вскружила голову шарому торговцу, шакъ что онъ рѣшался шощасъ писанъ къ Римскому Двору и пребовашъ позволенія женитъся на такой милой племянницѣ. Еще одинъ разъ, она представила своему шестю Шведскаго знашнаго чиновника, покрышаго лешнами и креснами : онъ первый человекъ въ своемъ Королевствѣ, и каждый ищетъ познакомитъся съ нимъ, пригласитъ его къ себѣ; но шощомъ опкрываешся что Шведскій господинъ не кшо иной какъ нищій, кошорому по Воскресеньямъ всѣ подавали милосшину у дверей церкви Сень-Рошъ. Очень знаю, что во всѣхъ этихъ шупкахъ не было ничего сущешвенно преступнаго; но онѣ показываютъ, по крайней мѣрѣ въ моихъ глазахъ, презрѣнне къ мнѣнїямъ свѣна, къ общешвенному голосу, а это служитъ доказательствомъ, что граница, поснавлешная между зломъ и такой сума-

шедшею головою, сама не иное что для нея какъ прихоть, совершенно покорная переменамъ погоды. Скажу больше: я думаю, что извѣстность Г-жи Шеврёзъ поперѣла-бы гораздо больше въ нашемъ обществѣ, нежели въ ея, гдѣ эпошъ цвѣпокъ хорошаго общества и свѣтской вѣжливости былъ еще тогда въ полномъ цвѣту, и гдѣ слабости, копорья можно было отнести къ неоспорожности, почти всегда находили извиненія (*). Сверхъ того, Г-жа Шеврёзъ была нахальна, можетъ быть больше своимъ видомъ нежели твердымъ желаніемъ быть нахальною; но все равно; для меня, женщина нахальная есть сущесиво особенное въ природѣ. Пустьъ будешь она прелесна до удивленія: мнѣ будешь казаться, что у нея рога и когти, и я безжалостна къ такимъ особамъ. Я, всегда столько снисходительная къ другимъ, переменяюсь въ эти минуны и дѣлаюсь почти сурою въ моихъ сужденіяхъ.

Г-жа Шеврёзъ, можно сказать, спала знаменита своими модными нарядами и оригинальностью своего обращенія. Она была совсѣмъ

(*) Друзья Г-жи Шеврёзъ старались испребить слухи, копорые въ самомъ дѣлѣ могли много вредить ей; но эпо оказалось невозможно. Въ по-же самое время она начала свою странную переписку съ Г-жею Жанлисъ, кажешся, подѣ именемъ Жанешпы.

не шакова до своего замужества: совершенно рыжая, она казалась непріятна, какъ только можно больше. Это не былъ цвѣтъ краснаго дерева или золошой опшѣнокъ на каштановыхъ волосахъ, который извѣстенъ въ Ирландіи и называется *hobogin*; это были огненные рыжіе волосы, похожіе на самый красный цвѣтъ моркови. Тотчасъ послѣ своего брака, она перенбрала всѣхъ Парижскихъ парикмахеровъ, и наконецъ кажется *Дюпланъ* умѣлъ сдѣлать ей *волосы*, которые замѣнили прежніе, шакъ неудачно данные ей матерью. Она гордилась, что уже не могутъ больше называть ее *веретеномъ*, какъ называли ее пѣкшорыя изъ насъ, молодыхъ дѣвиць, прежде ея замужества, когда она пріѣзжала на одинъ изъ прекрасныхъ баловъ 14-го Февраля, въ домъ Перигора, къ Г-жѣ Казо, и бывала одѣана въ видѣ сверпка, между шѣмъ какъ на головѣ ея, украшенной сердишымъ лицомъ въ шакія минушы, порчала знаменишая пакля, во всей красѣ своей. Но когда она сдѣалась Г-жею Шеврѣзъ, она уже не была *брангивымъ сверткомъ*: изъ этого сверпка вышла молодая женщина, съ высокимъ шпаномъ, съ ослѣпительнымъ цвѣшомъ лица, съ пронцашельнымъ и оспроумнымъ взглядомъ, пошому что она была оспроумна, хотя и гораздо ниже шой славы, которую шаралась поддержашъ своею оригинальностью.

Можно было-бы написать томъ, или даже два, изъ приключеній, миспификацій и всякихъ исторій, которыя привлекала на себя или перенесла Г-жа Шеврёзъ. Непонятно, какъ она не погубила тысячу разъ своего имени. Конечно, ея родственники, ея друзья знали всё, что она не виновна ни въ какомъ просупкѣ; это очень можетъ быть; но свѣтъ, всегда столь жестокій, когда призываетъ передъ свое судилище, неужели и свѣтъ былъ подъ властною предразсудка, обыкновенно оправдывающаго шѣхъ, кно доспавляетъ удовольствія и веселости, чно очень легко при большомъ состоянн? Это постыдно для нашей бѣдной природы, но это пакъ! Сверхъ того, покровительство Г-жи Люинъ было чрезвычайно важно на шѣхъ вѣсахъ, которыми свѣтъ взвѣшиваетъ судьбу каждой женщины. Г-жа Шеврёзъ погибла-бы безъ Г-жи Люинъ.

Вечеромъ, въ день бала у Г-жи Люинъ, Г-жа Шеврёзъ была въ какомъ-то упоительномъ вихрѣ, такъ что заспавила меня судить о себѣ гораздо лучше нежели прежде. Я сообразила, что надобно имѣть очень крѣпкую голову, чнобы сопротнвляться такому упоительному куреню похвалъ. Въ Парижѣ на все мода: да, въ то время почиталось хорошимъ вкусомъ, въ обществѣ Сень-Жерменскаго предмѣстн, избнранъ Г-жу Шеврёзъ *знаменоносцей* модъ;

сверхъ того, эти моды должны были различаться отъ нашихъ. Напримѣръ, чтобы скрыть свой парикъ, Г-жа Шеврёзъ изобрѣла особенную прическу, въ которой волосы лежали на лбу и закрывали роковую рыжую полосу. Но такъ причесывались всѣ женщины въ Сень-Жерменскомъ предместьи, и даже Г-жа Монморанси, хотя она была ни сколько не похожа на Г-жу Шеврёзъ, и дѣлалась ея эхомъ, ея Созіей, истинно не знаю почему. Форма платья была у насъ также разная. Рукава дѣлались полнѣе нашихъ, шали гораздо длиннѣе... Въ этотъ самый вечеръ Г-жа Шеврёзъ была въ бѣломъ блондовомъ платьѣ, на бѣломъ атласномъ чехлѣ. Пребольшой гребень, съ однимъ рядомъ крупныхъ жемчужинъ, поддерживалъ *ея волосы*. Въ ухахъ ея и на шеѣ былъ также прелесный жемчугъ, но ни одного бриллианта. Въ такомъ изящномъ нарядѣ она казалась очень хороша.

—Но для чего она вся въ бѣломъ?—спросила я у Г-на Нарбонна.

«Она дала обѣщаніе носить только бѣлое,» отвѣчалъ онъ съ безподобно-важнымъ выраженіемъ.

—Она дала обѣщаніе носить только бѣлое!... она! Г-жа Шеврёзъ!... но въ ея лѣта это совершенно смѣшно.

«Я и не думалъ ни сколько прошиворѣчить вамъ, и давно самъ сказалъ ей то-же.

—Но для чего-же эша милая рѣшимось?

«Чтобы имѣть ребенка.... По той-же причинѣ она не ѣздитъ въ театръ.

Я вспомнила, что въ самомъ дѣлѣ уже давно я не видала ея больше ни въ Оперѣ, ни во Французской Комедіи. Эшопъ милый обѣщъ былъ причиной, что однажды она ояказалась ѣхать въ Оперу вмѣстѣ съ Императрицей.

Она была вѣжлива со мной, но не сполько привѣплива какъ Г-жа Люинъ. Не знаю почно-ли я одолжена милымъ пріемомъ эшой послѣдней шѣмъ опношеніямъ, какія должны были ушвердитъ между нами общіе друзья, равно драгоцѣнные обѣимъ намъ. Думаю, что шакъ, и вѣрно Г-жа Люинъ думала то-же. Она была одѣша самымъ смѣшнымъ образомъ. Небольшой, высокій чепчикъ, какой всегда носила она, показывалъ ея шарше по крайней мѣрѣ десятиью годами, пошому что въ эшо время она еще очень могла кокепшшовашъ. Она была шогда не шаруха, и я могу съ почноспію назначитъ ея лѣша, зная, что она была въ монастырѣ съ моею доброю, несравненною Графинею Ламарьеръ, и что она однихъ лѣшъ съ нею: разница можешъ бытъ въ годѣ, не больше. Въ 1808 году Г-жѣ Люинъ было 48 лѣшъ. Она сказала мнѣ:

— Вы увидите здѣсь, сударыня, много спарыхъ лицъ, которыя напоминаютъ вамъ довольно преданій, баюкавшихъ васъ въ колыбели. Показывали-ли вы ей *Комона*? — сказала она Г-ну Нарбонну.

«Нѣтъ,» отвѣчалъ онъ смѣясь; «но для чего это?»

— А для того чтобы показать Г-жѣ Жюно знаменитую особу. Только не сказывайте ей сначала имени. Мы увидимъ, назоветъ-ли вдругъ Г-жа Губернапорша это лицо именемъ извѣстной щеголихи.

Г. Нарбоннъ привелъ меня въ комнату, гдѣ всѣ занимались игрой: это было шакъ далеко отъ панцовальныхъ госпиталей, что музыка не могла смущать игроковъ. Едва вошли мы туда, какъ Г-жа Люинъ побѣжала сѣсть за одинъ карточный столъ, и во всю ночь уже не вставала съ мѣсна. Всѣмъ извѣстна ея бѣшеная страсть къ игрѣ; но меньше знаютъ, что она играла въ самую маленькую игру и никогда не увлекалась дальше нежели сколько хотѣла проиграть. А она хотѣла проиграть обыкновенно очень немного.

«Такъ проведешь она теперь всю ночь,» сказалъ Г. Лавокальеръ, улыбувшись мнѣ своимъ добрымъ, почтеннымъ и спокойнымъ лицомъ. Насвиспывая какой-то маршъ Маршала Бель-

Иля, онъ подошелъ къ одному сполу, гдѣ играли въ виспъ, и удалился отъ него не раньше какъ въ шесть часовъ утра.

— Посмотрише хорошенько — сказалъ мнѣ Графъ Нарбоннъ — на эту женщину, которая сидитъ подлѣ Г-на Сеннъ-Фуа и говоришь съ нимъ теперь такимъ мужскимъ голосомъ.

«Что мнѣ за надобность до нея?» ошвѣчала я смѣясь. «Это самая комическая фигура, какая только есть здѣсь, и сверхъ того пребезобразная.

Онъ въ самомъ дѣлѣ указывалъ мнѣ на женщину шарую и одѣтую самымъ страннымъ образомъ. Она была въ шафяномъ платьѣ цвѣта дерева; волосы ея, поднятые, можно сказать, въ видѣ пучка, были накрыты небольшимъ чепчикомъ, совершенно во вкусѣ шѣхъ, которые носила Г-жа Лашассенъ во Французской Комедии. Лицо ея, окруженное такимъ уборомъ, было безобразно самымъ замѣчательнымъ образомъ, но глаза показались мнѣ удивительно хороши. Эта женщина сидѣла за столомъ, гдѣ играли въ двадцать одинъ, и по видимому участвовала въ игрѣ съ какимъ-то бѣшенствомъ. Чѣмъ больше глядѣла я на нее, тѣмъ больше казалась она мнѣ странною.

— Господи! Какая смѣшна фигура! — сказала я Г-ну Нарбонну. — Не могу выразить какое

дѣйствіе она производить на меня. Добра-ли эта женщина?

«Зла какъ пиянь сошь чершей, но и умна какъ всеѣ они вмѣстѣ.»

— Это и видно. Но скажите-же мнѣ, кто она?

«Угадайте: эту женщину любили, обожали, потому что она была очаровательна.»

— Я самая неуклюжая опгачица такихъ загадокъ, и если вы хотите назвать мнѣ ее, то назовите скорѣе.

«Извольте: это Г-жа Бальби.»

— Невозможно.

«Да, точно такъ.»

— Но она ужасна!

«Совсѣмъ не такъ какъ вы думаете. Поспойте, поглядите на нее шеперь, когда мы прямо прошивъ нея.»

Я поглядѣла на прежнюю пріятельницу Графа Прованскаго и увидѣла сначала лицо, не просто безобразное, но даже прошивное. Въ это мгновеніе взглядъ ея вспрѣвился со взглядомъ Г-на Нарбонна, и она улыбнулась. Улыбка освѣшила какимъ-то лучемъ ума всеѣ ея черны и вдругъ украсила ее. Но увидѣвши, что Графъ держитъ меня подъ руку, и зная напередъ, что я должна пріѣхать къ Г-жѣ Люинь, она обглядѣла

меня съ головы до ногъ, съ такимъ насмѣшливымъ, беспыднымъ выраженіемъ, что показалась мнѣ еще безобразнѣе нежели сначала.

— Уйдемше опсюда — сказала я Графу Нарбонну—эша женщина наводитишь на меня спрахъ.

« Не на однѣхъ васъ, » сказалъ онъ, « а и на многихъ другихъ, больше васъ опытныхъ. Но если-бъ вы знали, сколько въ этой головѣ ума!... и какъ она забавна!... какъ беспыдна. Вообразите, что бывши въ Лондонѣ, она встрѣчалась въ шомъ обществѣ, которое посѣщала всего чаще, съ одною молодой женщиной, прелестной, но глупой какъ овца. Г-жа Бальби не любитъ глупыхъ, и я нахожу, что въ этомъ случаѣ она совершенно права. Къ счастью *дуры*, не всѣ были согласны съ Г-жею Бальби, потому что всякому надобно жить. Одинъ изъ моихъ пріятелей, также человекъ не очень далекій, сблизился какъ-то съ этой молодой женщиной, и какъ не всегда можно говорить объ одномъ, то онъ, видно, не нашелъ ничего лучшаго сказать ей, во время искренняго разговора, и объявилъ, что Г-жа Бальби вездѣ прославляетъ ее дуροю. Онъ прибавилъ, что это очень не хорошо.

— Это ужасно! — вскричала молодая женщина. — *Я никогда не говорила о ней такъ. Но что-жь мнѣ дѣлать теперь?*

Слишкомъ много или слишкомъ мало , когда двѣ шакія головы вздумаютъ совѣтоваться, что сдѣлать съ Г-жею Бальби. Это вскорѣ оказалось. Прекрасная молодая женщина, черезъ два дни послѣ этого, была у Валлисскаго Принца, въ одно время съ Г-жею Бальби. Она ухватила за свою храбросць обѣими руками, и съ одного конца стола къ другому сказала, какъ можно проташельнымъ голосомъ :

— Г-жа Бальби! За что вы меня преслѣдуете?

Та глядѣла на нее съ изумленнымъ видомъ ; всѣ молчали.

— Да — продолжала прекрасная молодая женщина — вы вездѣ говорите, будто я *глуха*.

« Милоспивая государыня ! » отвѣчала Г-жа Бальби наклоняясь. « Я слышала, что всѣ говорятъ шакъ ; но сама я не говорила этого никогда.

« Это даетъ вамъ понятіе о ней, не правда-ли?

— О конечно ! Но Графъ Лилль очень любилъ ее ?

Вмѣсто отвѣта, Графъ Людовикъ Нарбоннъ поглядѣлъ на меня улыбаясь, и прибавилъ :

« Бьюсь объ закладъ, что за десятокъ лѣтъ вы пакъ не называли его.

-- Кого ?

« *Графа Лилля.*

— Очень можетъ быть ; это ни сколько не относится къ моему вопросу. Любишь-ли онъ ее ?

« Онъ не любитъ *никого*. Это сердце самое сухое и умъ самый скучный , какой только я знаю. У него была любовница для виду , для пону , и онъ ничего не дѣлалъ для нея : даже ему не за что было любить ее. Знаете-ли какъ она однажды за то писала къ нему въ Гамбургъ ? . . . Но вы знаете эту исторію ; Шерваль вѣрно рассказывалъ вамъ ее.

— Не знаю, а вы расскажите.

«Извольте. Вы видите какъ она безобразна ? А у нея была спрашная фанназія къ опцу вашего друга Меланіи.

— Ахъ, Боже мой !

« Да , но всего любопытнѣе , что со своимъ хорошенькимъ лицомъ , прекрасною наружностью , со своимъ вздернутымъ носомъ и съ любовью къ другой , онъ упалъ въ силки , которые подставила ему Г-жа Бальби.

— Да это хуже волчьей ямы !

«Я и не спрю. Но дѣло въ томъ , что Графъ Прованскій узналъ въ Гамбургѣ , какъ шалишь его *Монтеспанъ*. А онъ , извѣстно , писака самый ужасный , и сверхъ того самый болтливыи и скучный. Онъ сочинилъ ей посланіе въ двѣнадцать страницъ , гдѣ говорилъ о Гамбургской торговлѣ , прежде нежели упомянулъ о ея

въпрености. Какъ добрый и благоразумный Принцъ, онъ разсуждалъ сначала о сахарѣ и кофе; но вездѣ надобно немножко человѣчесва, и онъ, прислуная къ главному, щекошливому предмету, сказалъ, что съ величайшимъ прискорбіемъ услышалъ, безъ сомнѣнія ложные и оскорбительные для нея рассказы, будшо-бы о сношеніяхъ ея съ Арманомъ Перигоромъ. Онъ заключилъ свое спранные письмо именно эими словами:

«Я увѣренъ, что вы невинны; но, милая Графиня, подумайте, *что супруга Цезаря не должна быть даже и подозрѣваема.*

Я уже показалъ въ разсказѣ о хорошенькой и безобразной, что моя старая пріятельница не запруднилася въ опвѣсахъ. На эшопъ разъ она опвѣчала ему прамѣ. Въ письмѣ ея было всего при спрочки:

«Я не поняла ничего въ вашемъ письмѣ, потому что *вы не Цезарь*, а вы знаете, что я никогда не была вашей женой.»

«А! Г-жа Губернашорша?... Какъ вы находите эшопъ оппоръ?»

— Онъ шакъ милъ, что я гошова любишь, обожашъ Г-жу Бальби, не смопря на шо, что у нея маленькій чепчикъ и злой видъ.

Глава X.

Продолженіе анекдотовъ о Г-жѣ Бальби. — Эша дама пишешъ къ Г-ну Нарбонну. — Фарси, комическій слуга. — *Это отъ Графини.... вы знаете.* — Г-на Нарбонна преслѣдуюшъ даже во Французскомъ Театрѣ и у Баронессы Спаль. — *Добрый совѣтъ мнѣ.* — Дѣвица Дильонъ, нынѣ супруга Генерала Бершрана. — Конецъ моего разсказа Имперашору о балѣ Герцогини Люинъ. — *Это трезвыгайо странно.*

— Я могъ-бы разсказывать вамъ еще многое объ этой странной женщинѣ, потому что о ней есть что поразсказать. . . .

«А пошъ анекдотъ, гдѣ вы сами играли роль?» сказалъ Г. Сенпъ-Фуа, который подошелъ къ намъ въ это время. «Я разскажу вамъ эту исторію, потому что, видно, Графъ Людовикъ слишкомъ совѣспился самъ начать ее.

— Вы должны знать, что вопъ самый эшошъ почтенный Графъ былъ долженъ пишъ сошъ лудоровъ Г-жѣ Фламаранъ. Вы можете видѣшь Г-жу Фламаранъ каждую Среду у Г-жи Суза; да и шенерь она вопъ шамъ, за карпочнымъ

споломъ. Она никогда не была пріятнѣе, по ешь была всегда шакова-же какъ пеперь. Я думаю, пошому-шо и Графъ Нарбоннъ задолжалъ ей пянь сошь луидоровъ. . . . А? . . . не правда-ли? . . . Какъ-бы шо ни было, а они поссорились, и у Г-жи Фламаранъ оспалось заемное письмо и пянь сошь луидоровъ въ долгу. Для женщины нашего времени пянь сошь луидоровъ было довольно много. Г-жа Фламаранъ сказала Г-жѣ Бальби о непріятности потерять пянь сошь луидоровъ, пошому что надобно замѣшить, шога въ хорошемъ обществѣ шакже были формы ушпивости: жизнь въ свѣтѣ и общешвенныя сношенія были гораздо лучше нежели пеперь, и опдашь свой вексель въ руки ношариуса показалось-бы Г-жѣ Фламаранъ самымъ неприличнымъ посшункомъ. Но ей хощлось получить деньги, и въ эпомъ-шо смыслѣ она говорила о нихъ Г-жѣ Бальби, съ копорю воспитывалась въ монашырѣ. Эша, всегда рѣшишельная и быспрая въ своихъ первыхъ движеніяхъ, шопчасъ взяла на себя взысканіе.

«Но какъ-же вы сдѣлаете эшо?» спросила ее Г-жа Фламаранъ.

— Будьте спокойны! Я сдѣлаю шакъ, что вы все шаки оспанешесь настоящимъ кредитшоромъ. Вся уклончивость, необходимая въ *вашемъ положеніи*, будетъ соблюдена.

На другой день, Графъ Людовикъ получилъ отъ Графини Бальби записочку, въ которой она извѣщала его, что Ея Сіятельство Графиня Фламарианъ, другъ ея, имѣла крайнюю нужду въ деньгахъ, и она ссудила ей двѣнадцать тысячъ франковъ, которыхъ онъ, Графъ Людовикъ Нарбоннъ, долженъ Г-жѣ Фламарианъ. Она прибавила, что ей самой необходимо возвратить себѣ такую значительную сумму, и потому проситъ его прислать къ ней въ послѣ-завтрашній день должныя имъ пять сотъ ливровъ. . . . Записка была вѣжлива, но ясна убѣдительною образомъ. Да у Нарбонна и не было съ Г-жею Бальби ни какихъ *воспоминаній*: онъ, я думаю, лучше ошталъ-бы ей тысячу ливровъ, только-бы не было ни одного между нимъ и ею. Однакожъ у него не случилось на эту пору пяти-сотъ ливровъ. Какъ бытъ? Онъ получилъ записку, написанную точно какъ будто Прокуроромъ. Наконецъ, онъ отвѣчалъ, на счастье, что въ продолженіе недѣли пришлетъ пяти-сотъ ливровъ Ея Сіятельству Графинѣ Бальби. Вы знаете, онъ масперъ пишетъ записочки. Но, видно, краснорѣчіе его было не слишкомъ убѣдительно, потому что, черезъ часъ послѣ его отвѣта, доложили ему о новомъ посланіи отъ Г-жи Бальби. Эту записочку принесъ высокій камердинеръ, котораго она любила больше всѣхъ слугъ своихъ и который назывался

Фарси. Съ глубокимъ поклономъ къ Г-ну Нарбонну, Фарси объявилъ, въ самыхъ учпивыхъ выраженіяхъ, что онъ посланъ опъ Графини Бальби за извѣстнымъ дѣломъ, и что Ея Сіапшельство имѣетъ большую въ эпомъ нужду къ концу дня.

—Но— сказалъ Нарбоннъ попнувъ— я писалъ къ швоей госпожѣ, что могу заплапннть ей депгн не раньше какъ черезъ недѣлю.... Пуспъ подождетъ. Кшо велѣлъ ей взять на себя эпомъ долгъ? Для чего она дала пяпъ сопъ луидоровъ эпой сумасшедшей Г-жѣ Фламаранъ?

«Ваше Сіапшельство, я не знаю ничего другаго, кромѣ приказанія принесши Ея Сіапшельству Графинѣ пяпъ сопъ луидоровъ, о копорыхъ вы изволите говорить. Она такая добрая и снисходительная, что если у васъ ннпъ ихъ золопомъ, пожалуйста мнѣ серебромъ и даже билешами учетнаго казначейства: мнѣ приказано все взять.

—О, разбойникъ!—вскричалъ Г. Нарбоннъ, съ комическимъ опчаяніемъ прерывая Г-на Сентъ-Фуа. — Вообразите, что эшо былъ наспопщій слуга изъ комедіи Мольера или Бомарше. Онъ ушелъ, пошому что я шакже уходилъ, но сказалъ мнѣ, что въ случаѣ опказа, «ему велѣно являпъся ко мнѣ каждый часъ....» я шолько рас-

хохошался. Я ѣзжалъ въ это время къ дѣвицѣ Коншѣ. Не пробылъ я у нея часу, какъ ея камердинеръ говоритъ мнѣ, что меня спрашиваютъ за какимъ-то нужнымъ дѣломъ. Я выхожу, и что-же? Въ передней эпомъ великорослый плутъ Фарси, потчасъ кланяется мнѣ и говоритъ самымъ униженнымъ тономъ:

«Ваше Сіяшельство, я отъ Графини Бальби.... за извѣстными вамъ пашью спами лудоровъ.... вы изволише знать....»

Я не дослушалъ его фразы, хлопнулъ дверью и побѣжалъ отъ него какъ будто вспрѣпилъ дьявола. Я кинулся въ свой кабріолешъ и поскакалъ укрыться у Г-жи Спаль, въ надеждѣ что буду защищенъ у нея отъ нападеній этого мошенника. Но онъ былъ наспойчивѣе меня. Не просидѣлъ я у нея пяти минутъ, какъ самый довѣренный камердинеръ Г-жи Спаль пришелъ сказать мнѣ полпихоньку, что какой-то человекъ спрашиваетъ меня, за самымъ нужнымъ дѣломъ. Можно-ли было передать отвѣтъ черезъ чужаго камердинера? Я вышелъ, но совершенно взбѣшенный.

— Несносный! — сказалъ я Фарси, когда онъ началъ свои поклоны и свою вѣчную фразу:

«Ваше Сіяшельство, я отъ Графини Бальби....»

— Несносный! если ты вздумаешь еще бѣгать за мной, я изломаю тебѣ ребра.... помни объ этомъ.

«Ваше Сіяшельство,» онъ вѣчалъ Фарси, снова начиная кланяться и держа въ рукѣ часы, на кошорыхъ онъ показывалъ мнѣ, что часъ уже прошелъ. «Я шолько исполняю приказанія моеѣ госпожи. Ваше Сіяшельство сполько справедливо, что конечно извините меня и особенно не вздумаете *бить палкой*, прежде нежели опдадите мнѣ пяшь сопъ лудировъ.

Мошенникъ говорилъ правду. Я скрылся опъ Г-жи Спаль, шакъ-же какъ опъ дѣвицы Коншѣ, пуспилъ свою лошадь въ галопъ и проѣхалъ два лѣ по Парижу, чшобы сбишь съ шолку моего шпіона. Послѣ этого я возвращился домой одѣшься, и напередъ заказалъ не пускашь Фарси. Но едва скинулъ я кафпанъ, чшобы дашь убрать свою голову, какъ одинъ изъ моихъ слугъ прибѣжалъ запыхавшись и объявилъ, что пришли опъ Его Королевскаго Высочества Графа Прованскаго. Я хорошо понималъ чшѣ значить это; но какъ-же уклониться опъ шакого имени? Злая женщина имѣла власшь дѣлать все въ этомъ отношеніи, и упошребила всѣ свои орудія. Фарси вошелъ съ прежнею важностію и опяшь началъ, въ пяпый разъ съ ушра, свою неизмѣнную фразу:

«Ваше Сіяшельство, я опъ Графини Бальби. . . . за извѣспными вамъ пяпью спами лудировъ. . . .

— У меня нѣтъ денегъ — сказалъ я ему — а когда будешь, ты скажешь своей госпожѣ, что я не опдамъ ихъ, покуда она спанешь пребывая такимъ образомъ.

Фарси поклонился пакъ-же вѣжливо какъ при входѣ, а я, совершенно разспроенный непрерывнымъ привидѣнемъ, повѣрише-ли, я не собралъ мужества, именно мужества ѣхать на обѣдъ къ Герцогинѣ Граммонтъ, куда приглашали меня уже цѣлую недѣлю. Я съѣлъ крылышко цыпленка у себя дома, и опправился въ Оперу. Едва очутился я въ своей ложѣ, какъ дверь опворилась, и огромное шло Фарси опять передо мной, со своими поклонами и съ началомъ своего приѣва :

«Ваше Сіяшельство, я опъ Графини Бальби...

— Разбойникъ! — сказалъ я, кидая ему въ носъ кошелекъ, гдѣ было по крайней мѣрѣ десять луидоровъ. — Неужели ты не можешь лечь спать? . . . И неужели шеперь часъ исправляшь дѣла твоей госпожи?

На эшопъ разъ Фарси поклонился до полу.

«Ваше Сіяшельство говорите совершенно справедливо; но я не могу-же все спать, и завпра ушромъ буду имѣшь честь явиться къ вамъ.

Мошенникъ сдержалъ слово. Но деньги уже были готовы, и онъ еще не успѣлъ разинуть

рпа, какъ я бросилъ ихъ ему съ досадою, потому что на другой день я былъ сердитѣе чѣмъ наканунѣ. Теперь вы можете судить о Г-жѣ Бальби, послѣ всего, что мы вамъ рассказывали.

— Я нахожу, что она очень забавна, очень насмѣшлива и ни сколько не зла. Я ошибаюсь?

« Ни сколько въ двухъ первыхъ предположеніяхъ, и совершенно ошибаешься въ послѣднемъ.

Наклонившись къ моему уху, онъ сказалъ очень тихо:

« У васъ есть общіе друзья: не правда-ли? Послушайте-же: уклоняйтесь отъ всѣхъ попытокъ ихъ сблизить васъ съ нею. Не такихъ друзей надобно вамъ. Повѣрьте въ этомъ спорной моей дружбѣ, милое дитя мое!

Въ это-то время Г. Нарбоннъ былъ лучшимъ изъ людей. Въ немъ уже не оставалось ни сколько вѣпрености, за которую упрекали его. Что касается до меня, я сказала и по-впорию, что Г. Нарбоннъ никогда не былъ вѣпрень для *своихъ истинныхъ друзей*. Какъ былъ онъ хорошъ для Г-на Талейрана!... А каковъ былъ для него Г. Талейранъ?... Г. Мешперникъ, человекъ съ высокою, благородною душою, который *можетъ и умѣетъ* оцѣнить добродѣтель-

наго человека, уважалъ Г-на Нарбонна чрезвычайно. Мнѣніе такихъ людей значить очень много въ сужденіяхъ свѣта.

Балъ въ домѣ Г-жи Люинъ очень занималъ меня, но не веселилъ ни сколько, пошому что Сень-Жерменское предмѣстіе тогда еще не присоединилось къ Императорскому знамени, какъ-то было послѣ. Это были двѣ паршіи или почти два лагеря. Я ушѣшалась всѣмъ, что говорили мнѣ друзья мои. Г-жа Зайончекъ, всегда сколько оспроумная, была въ этоиъ вечеръ, мнѣ кажется, еще оспроумнѣе нежели обыкновенно, и мы провели время очень хорошо, до той самой минушы, когда опсправились: это было въ чепыре часа ушромъ. Тутъ-то случилось *событіе*, котораго даже не лзя назвашь эшимъ именемъ, но о которомъ Императоръ имѣлъ *тогныя свѣдѣнія*.

Мы должны были опсвезти Г-на Нарбонна домой, къ нему, въ улицу Рокепинъ. Его не было съ нами, и мы, уходя, искали его повсюду. Мы почти хошѣли уѣхать безъ него, когда увидѣли, что онъ ведетъ подъ руку высокую и прелесшную особу, чрезвычайно привлекательную наружношью; лицо ея, не опличаясь правильной красошой, нравилось съ перваго взгляда: по крайней мѣрѣ такое дѣйствіе производила она всегда на меня. Не могу сказать

теперь, что заставило ее изъявить небольшое неудовольствие; но она сказала Г-ну Нарбонну, что виноватъ Жюно. Г. Нарбоннъ передалъ ее заботливости Герцогини Фицъ-Джемсъ, сеспри ея, и возвратившись къ намъ сказалъ проповѣдь Жюно. Тотъ пришелъ въ смущеніе: онъ всегда только удивлялся дѣвицѣ Дильонъ, потому что она была такъ высокая, прелестная особа, которую Г. Нарбоннъ велъ подъ руку. Онъ уважалъ ее не потому только что она нравилась ему, но и потому что зналъ кто она; а я не знала этого. Она была невѣсна нашего друга Альфонса Пиньяпелли, брата Графа Фуэншеса. Этого было уже довольно для Жюно, впрочемъ всегда больше нежели вѣжливаго съ женщинами, и онъ осмѣивался къ ней неизмѣнно почтительнѣе, какъ требовали условия свѣта.

На другой день, съ той и другой стороны шла переписка. Все оказалось дѣломъ случая: дѣвица Дильонъ даже не знала Жюно, и только Г. Нарбоннъ назвалъ ей его. Впрочемъ, она была испинно добра. Всякой разъ, въ какихъ-бы ни находилась обстоятельствахъ женщина умная, она покажетъ себя выше другой. Она совершенно вскружила голову Жюно.

— Ей Богу, она премилая женщина! премилая женщина! говорилъ онъ Графу Людовику.

Слѣдствіемъ этого маленькаго приключенія было то, что Жюно гораздо прежде узналъ жену одного изъ своихъ раннихъ брашневъ, попому что дѣвица Дильонъ, о которой я говорю, нынѣ знаменитая своею преданностью Графиня Бершранъ, достойная любви и уваженія всей Франціи, такъ-же какъ и ея мужъ: только они оба, и съ ними вѣрный *Маршанъ*, услаждали послѣднія минушы спрдацій Императора.

Я описала всю эту небольшую испорію подробно, чтобы вывести справедливое заключеніе, что Императоръ былъ окруженъ людьми, безжалостными къ нему самому, которые искажали малѣйшіе поступки его друзей, и представляли ихъ ему въ ложномъ, обезображенномъ видѣ. Разсказанное мной прішеспвіе было такъ ничтожно, что послѣ, говоря о немъ съ Г-жею Бершранъ, ни я, ни она не могли его вспомнить.

«И вы точно одинъ только разъ были въ домѣ Г-жи Люинъ?» спросилъ Императоръ, ходя по комнашѣ, но глядя на меня съ чрезвычайнымъ вниманіемъ.

— Мы были тамъ только одинъ разъ, Государь!

«И эта испорія съ дѣвицею Дильонъ происходила какъ вы рассказываете?»

—Точно шакъ, Государь.

«Эпо чрезвычайно спранно.

Я узнала послѣ опшъ Дюрока, что Императоръ далъ жестокою гонку невѣрному доносителю.

Глава XI.

Опшъздъ Жюно. — Споры его съ Военнымъ Миниспромъ, Генераломъ Кларкомъ. — Измѣна всегда презришельна. — Наполеонъ никогда не уважалъ Кларка. — Имперашоръ уполномочиваетъ Жюно переписывашься прямо съ нимъ. — Дурное устройство Жирондской арміи. — Жюно теряетъ браслешъ. — Письмо Кларка. — Жюно глубоко оскорбляется имъ. — Имперашоръ моетъ голову Военному Министру. — Новое письмо. — Жюно названъ въ немъ *Вашилъ Превосходительстволъ*. — Князь Мира. — Его увѣренія въ преданности.

Опшъздъ Жюно былъ наконецъ назначенъ. Имперашоръ далъ ему шайныя насшавленія, чрезвычайно просшранныя, и онъ опшправился 28 Августа 1807 года, по пуши въ Бордо. Тамъ долженъ онъ былъ найдши новыя приказанія.

Теперь я буду идши впередъ не иначе какъ опираясь на шочныя свѣдѣнія и говоримъ только основываясь на докуменшахъ, взятыхъ изъ бумагъ Жюно и главныхъ лицъ бывшихъ при немъ. Жюно оспавилъ множештво замѣчаній

объ этой чрезвычайно важной эпохѣ нашей исторіи, и я буду рассказывать только по его словамъ и свидѣльствамъ.

Прежде нежели вступлю я на этотъ путь, довольно затруднительный для женщины, необходимо объяснисься такъ опредѣленно, чпобы уже послѣ не часто останавливаться для поясненія отношеній человека, который не только былъ врагомъ Жюно и всячески старался вредить ему, но такъ-же былъ со всѣми, кто имѣлъ несчастіе находиться съ нимъ въ сношеніяхъ: я хочу говорить о Генералѣ Кларкѣ.

Не знаю какъ умѣлъ онъ окружить себя какою-то атмосферою отверженія, но вообще его любили немногіе, такъ чпо изъ десяти человекъ, которыхъ спросили-бы вы, уважающі-ли и любящі-ли они его, девять отвѣчали-бы отрицательно. Жюно не любилъ его ни сколько и не скрывалъ этого. Онъ говорилъ это самому Императору, и однажды, когда Императоръ совѣщавалъ ему обходиться съ Военнымъ Министромъ нѣжнѣе и дружесвеннѣе, Жюно вскричалъ, увлекшись чувствомъ, котораго не могъ скрыть онъ :

— О Государь! . . . А Испальянская армія! . . . могу-ли я забыть это?

Императоръ привѣжливо улыбнулся глядя на Жюно.

Наполеонъ былъ испинно неизъяснимъ!

Дѣло въ томъ , что Генералъ Кларкъ былъ посланъ въ Испальянскую армію Директорією , *надзирать* за Генераломъ Бонапарте. Кларкъ , проницательный оиъ природы , не видѣлъ въ Бонапарте великаго человѣка , но поиъчасъ догадался , что онъ гораздо выше мирмидоновъ , приславшихъ его , и совсѣмъ не оиъ благороднаго порыва , но попому что во время Революціи мѣсца всего чаще доснавались пому , кто былъ искуснѣе , ошкрылъ Генералу Бонапарте свое назначеніе , по еиъ что его прислали въ Испальянскую армію наблюдать за нимъ и давати оиъчешъ о его дѣйсвіяхъ; но онъ увѣрялъ , что съ эшою минушю онъ совершенно принадлежишъ ему. Измѣна всегда презрительна; однакожъ въ насъ еиъ самолюбивое чувство , которое заспавляетъ насъ закрывати глаза при видѣ дурной спороны посшупка , когда мы сами помъ предметъ , для котораго измѣняюиъ. Наполеонъ никогда не уважалъ Кларка , и въ доказательствю я укажу полько на образование Военнаго Министерсва , сдѣланное имъ. Чшъ предоспавлялъ онъ Кларку? Управляти нѣкоторыми движеніями войскъ , подписывати нѣкоторыя назначенія; но и шупъ Начальникъ Главнаго Штаба имѣлъ преимущесво назначати и занимати эшою работою съ Императоромъ , а все что ошносилось къ

матеріальной частин арміи, принадлежало Директору Военнаго Министерства. Военный Министръ, собственно такъ называемый, не имѣлъ слѣдовательно почти ничего важнаго въ своемъ управленіи, или имѣлъ очень немногое. Поэтому-то Кларкъ мстилъ за это на шѣхъ несчастныхъ, которымъ еще приходилось имѣть съ нимъ дѣло. Переходы войскъ, ихъ направленіе, кваршированіе, все это относилось къ нему, такъ что Жюно принужденъ былъ прежде всего войти съ нимъ въ сношенія.

«Я предвижу, что наши сношенія будутъ грозны,» сказалъ онъ мнѣ, «и что несчастный посмѣрается очернить меня передъ Императоромъ. . . . Но ты осмѣешься здѣсь и будешь наблюдать за его поступками.

Онъ сказалъ по-же самое Наполеону, которому, по видимому, имѣлъ свое убѣжденіе, когда Жюно прибавилъ:

— Будьте увѣрены, Государь, что дѣла Вашего Величества шли-бы гораздо лучше, если-бы мы были въ сношеніяхъ съ человекомъ, не сколько непріязненнымъ съ нами: вы знаете, что не одинъ я, но и *все* Маршалы не могутъ переносить нахальнаго обращенія съ ними Генерала Кларка. Я Великій Офицеръ Имперіи такъ-же какъ Ней, Ланнъ, Мюрашь; сверхъ

ного я Первый Адъютантъ Вашего Величества, Парижскій Губернашоръ и Главнoкомандующій большою и прекрасной арміи, которую ввѣряешъ мнѣ благосклонность Вашего Величества. Я хочу, чтобы Генераль Кларкъ, котораго должность какъ Военнаго Министра ограничивается только сношеніями писаря съ Вашимъ Величествомъ, и которъй выдавалъ бипвы только на картинахъ Бургиньона или Фанъ-деръ-Мейлена, я хочу чтобы онъ обходился со мной какъ должно, или иначе, по возвращеніи моемъ, я заспаблю его познакомился съ пороховымъ дымомъ.

«Г. Жюно,» сказалъ Императоръ нахмурившись,» вы слишкомъ пылки.

— Государь! я хочу чтобы онъ уважалъ во мнѣ не своего равнаго....

Императоръ улыбнулся.

— А человекъ, облеченнаго Вашимъ Величествомъ большою власнью и вашею довѣренностью.

Императоръ долго ходилъ по комнаѣ молча, и вдругъ оспановившись прямо передъ Жюно сказалъ ему:

«Хорошо! чтобы не оспавалось у тебя ни малѣйшаго предлога къ безразсуднымъ поступкамъ, я дамъ тебѣ право чрезвычайно большое: ты будешь переписываться только со мной;

швой Начальникъ Шпаба будетъ имѣть сношенія съ Кларкомъ. . . . Доволенъ-ли вы?

Я уже говорила, что въ такія минушы Наполеонъ могъ смягчить булашъ. Жюно схватилъ его руку, сжалъ ее, не имѣя силъ сказать ничего, и наконецъ воскликнулъ:

— Я могу обѣщать только пролить свою кровь за эту благосклонность!

Предвидѣніе Жюно поспѣшь оправдалось. Онъ нашель армію въ безпорядкѣ, все въ разспроисивѣ, и провіаншскія заготовленія дурно сдѣланныя. Ясно было, что его хотѣли ввести въ опивѣщенность. Жюно забылъ на это время приказанія Императора, и вмѣсто того чтобы предославить объясненіе Генералу Тиебо, своему Начальнику Шпаба, челоуѣку чрезвычайно умному и знающему въ дѣлахъ, такъ что его посредничесство было-бы всего лучше въ этомъ, онъ самъ написалъ къ Генералу Кларку, написалъ потому, что получилъ отъ него въ Саламанкѣ письмо, гдѣ многія выраженія не только не понравились ему, но и огорчили его. Императоръ былъ недоволенъ побѣдкой его въ Баньеръ де Бигоррь, гдѣ впрочемъ уже никого не было, и гдѣ Жюно пошерялъ браслетъ изъ бѣлокурыхъ волосъ, кошорый въ слѣдующемъ году вручилъ мнѣ лично Баньерскій Меръ, пришедшій со всею провинціальною вѣжливостію

опданы мнѣ эшопъ браслетъ , объясняя , что онъ пошчасъ узналъ его *по цвѣту моихъ волосъ*. Какъ-бы то ни было, а поѣздка Жюно не понравилась Императору, и онъ написалъ ему объ эшопѣ не черезъ Г-на Менневаля, а черезъ Кларка. Я помѣщаю здѣсь собственныя выраженія письма, чтобы могли видѣть, до какой степени Наполеонъ былъ възыскашелемъ, а Г. Кларкъ. . . . все что вамъ угодно.

« Парижъ, 29 Октября 1807 года.

«Отправлено изъ Парижа, 3 Ноября 1807 года.

« Я не могу одобрить , Генераль , отвѣта
« вашего мнѣ, по предмету неудовольствія Им-
« ператора , которое изъяснилъ я вамъ прямо
« отъ его лица , въ письмѣ моемъ отъ 12-го
« Октября. Вашъ отвѣтъ несообразенъ съ обя-
« занностью, когда вы позволяете себѣ назы-
« вать упреки Императора *незаслуженными*.

« Его Величество можетъ лучше всякаго су-
« дить , *чего можетъ онъ требовать отъ своихъ*
« *Генераловъ и своихъ слугъ*. Мудрость управ-
« ляеть всѣми изъясненіями его неудовольствія
« или благосклонности.

« Императору угодно , *чтобы я приказалъ*
« *вамъ* перенести вашу главную квартиру въ
« Саламанку , пошчасъ по вступленіитуда
« передовой колонны вашихъ войскъ, для того

« чтобы вы могли бытъ въ сношеніяхъ съ По-
« сланникомъ Его Величества въ *Мадридъ* и
« съ Министрами Португаліи.

« Императоръ предполагаетъ , что опъ 4-го
« до 15-го Ноября , армія ваша придетъ въ
« *Сіудадъ-Родриго* (*).

« Такимъ образомъ между 20-мъ и 30-мъ
« числомъ Ноября вы должны уже всунути въ
« походъ къ Лиссабону , и , что ни сдѣлаешь
« Принцъ Регентъ , то есть объявить-ли войну
« Англій или нѣтъ , Французскія войска не
« оспанавливаясь пойдутъ въ Лиссабонъ.... Вы
« должны выслушивать всѣ предложенія , какія
« могутъ вамъ дѣлаться , но не подписывать ни-
« чего.

« Императору угодно , чтобы войска его
« пришли въ Лиссабонъ какъ можно скорѣе ,
« для заарестованія шамъ всѣхъ Англій-
« скихъ шоваровъ. Его Величество желаетъ
« также , чтобы войска его всунули туда

(*) Вотъ гдѣ доказательство , какъ самъ Жюно по-
виновался Императору , когда онъ приказывалъ ему
хранишь молчаніе. Письмо это доказываетъ , что
онъ , съ самаго отъѣзда изъ Парижа зналъ назначеніе
арміи , и въ одномъ словѣ *Сіудадъ-Родриго* видно это;
а Генераль Тіебо говоритъ , въ сочиненіи своемъ о
Португальскомъ походѣ , что Жюно получилъ приказъ
о своемъ назначеніи только въ Саламанкѣ.

« какъ друзья, дабы можно было захвапипъ
 « Португальскій флотъ. Императоръ приказалъ
 « Морскому Министру послать въ вашу глав-
 « ную кварширу нѣкошорое число мапсрововъ :
 « они будущъ полезны для надзора въ Лисса-
 « бонскомъ портѣ.

« Должно предполагать, что Португальское
 « Правительствво рѣшился на одно изъ двухъ,
 « а именно :

« 1-е. Оно или вышлетъ свою армію, когда
 « приблизятся Французскія войска, и спанешъ
 « защищаться; тогда все обратится въ воен-
 « ное дѣйствіе. Три тысячи Испанской кава-
 « леріи и восемь тысячъ пѣхоты присоединяя-
 « ся къ вашему корпусу, въ которомъ будешь
 « такимъ образомъ шридцать пять тысячъ че-
 « ловѣкъ дѣйствующаго войска, и въ шомъ чис-
 « лѣ шридцать тысячъ подъ ружьемъ. Двѣ Ис-
 « панскія дивизіи, одна десяти-тысячная, дру-
 « гая шести-тысячная, должны идти : первая
 « къ Опорто, другая въ Алгарвию. Что касается
 « ся до васъ, Генераль, Императоръ желаетъ
 « чтобы вы шли прямо въ Лиссабонъ.

« 2-е. Или Португальское Правительствво
 « рѣшился изъявивъ покорность; и объявивъ
 « войну Англіи, опсправитъ во Французскую
 « армію уполномоченныхъ для переговоровъ съ
 « вами. Въ такомъ случаѣ, Генераль, вошь что
 « вы должны отвѣчать :

« Императоръ приказалъ мнѣ идти прямо къ
 « Лиссабону, не останавливаясь нигдѣ, ни на
 « одинъ день. Мнѣ назначено запретить этотъ
 « важный портъ для Англичанъ. Я долженъ былъ-
 « бы напасть на васъ открытою силою; но про-
 « тивно высокой души Императора Наполеона и
 « характеру Французовъ проливать кровь. Если
 « вы прекратите сборъ вашихъ войскъ, если вы
 « поставите ихъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не могутъ
 « они тревожить; если вы примете насъ какъ
 « союзники, до окончанія переговоровъ, нагатыхъ
 « въ Парижѣ, я имѣю приказаніе согласиться на
 « это, и прог. и прог.

« Такими средствами, Генераль, можетъ быть
 « вы вступите въ Лиссабонъ какъ союзникъ.
 « Въ Парижѣ будетъ можно разсчиташь, съ
 « разностью не больше двухъ дней, когда имен-
 « но придете вы въ Лиссабонъ, и черезъ двад-
 « цать чешыре часа послѣ этого новый курь-
 « ерь отправится къ вамъ съ окончательнымъ
 « рѣшеніемъ Императора. Можно почиташь до-
 « стовѣрнымъ, судя по чувствамъ, изъявленнымъ
 « Португалією, что эпошъ курьеръ привезетъ
 « вамъ объявленіе о невозможности согласишь-
 « ся на предложенія Португальскаго Прави-
 « тельства, и что вслѣдствіе этого, съ Пор-
 « тугалією должно посчиташь какъ съ непрія-
 « тельскою землею. Восемь или десяць кораб-
 « лей и верфи въ рукахъ нашихъ, были-бы

« чрезвычайнымъ преимуществомъ. Всѣ *рѣчи ва-*
 « *ши*, Генераль, должны *обращаться* къ исполне-
 « нію этого великаго намѣренія. Преданностьъ
 « ваша къ Императору и усердіе, съ какимъ,
 « увѣренъ я, исполните вы приказанія его,
 « передаваемые вамъ мной, заспаваютъ меня
 « надѣяться на успѣхъ этого предпріянія, ибо,
 « невѣроятно чшобы Португалія рѣшилась со-
 « противляться. *Еще мнѣ думаютъ здѣсь*, чшо-
 « бы Португальскій Принцъ рѣшился отпра-
 « виться въ Бразилію.

« Тайная конвенція, заключенная съ Испанією,
 « будешь доспавлена къ вамъ съ первымъ курь-
 « еромъ, и вы увидите изъ нея, что Испан-
 « скія войска, имѣющія составить часть ва-
 « шей арміи, будутъ подъ вашимъ начальст-
 « вомъ. Вы приложите стараніе обходиться съ
 « ними хорошо. Если Король Испанскій или
 « Князь Мира пріѣдутъ въ армію, имъ принад-
 « лежить главное начальство. Но положено,
 « что они не пріѣдутъ шуда. Если-же вздума-
 « лось-бы имъ исполнить это, для парада, вы
 « будете отдавать имъ всѣ почести, принад-
 « лежащія Главнокомандующимъ. Но если-бы
 « они пріѣхали для дѣйствительнаго командо-
 « ванія армією, вы должны строго держаться
 « данныхъ вамъ инструкцій, оставивъ войска
 « ваши въ соединеніи, и прямо идти къ Лис-
 « сабону.

«Императору угодно чшобы вы, Генераль,
 «ни мало не удаляясь оиъ прямой линіи, не
 «заходили ни въ Мадридъ, и ни въ какое
 «другое мѣсто, находящееся не на эшой пря-
 «мой линіи. Императоръ желаетъ, чшобы вы
 «были сами при первомъ корпусѣ войскъ, ко-
 «торый придетъ въ Сіудадъ-Родриго. Важное
 «порученіе, сдѣланное Вашему Превосходи-
 «тельному, будетъ имѣть существенный ус-
 «пѣхъ, если вашею осторожностію и вашими
 «рѣчами достигнете вы обладанія Португаль-
 «скою эскадрою. Вслѣдствіе эшого вы поста-
 «раетесь воспользоваться собственнымъ ва-
 «шимъ назначеніемъ, и будете *давать разу-*
 «*мъ*, чшо вы посланы единственно для со-
 «глашеній. Впрочемъ, *всякая рѣчь ваша будетъ*
 «*хороша*, если только вы овладѣете эскадрою.

«Его Величество Императоръ написалъ мнѣ
 «собственноручно, чшо ни въ какомъ случаѣ
 «вы не должны подписывать никакого дого-
 «вора съ Португальцами.

«Примите, Генераль, увѣреніе въ ошличномъ
 «моемъ уваженіи.

« *Военный Министръ* ,

« *Кларкъ*.

Я переписала почти все эшо письмо, пошому
 чшо нахожу его достойнымъ особеннаго замѣ-

чанія по содержанію его. Это любопытное свидѣтельство для Испаніи.

Но, глядя на него съ этой точки зрѣнія, нельзя также не изумиться передъ этимъ нелѣпнымъ, нескладнымъ произведеніемъ. Какой слогъ, Боже мой! какія выраженія! Какое варварство Французскаго языка... Но это не все: что значить весь параграфъ, гдѣ говорится о пріѣздѣ или непріѣздѣ Испанскаго Короля и Князя Мира въ армию?... А заключеніе письма: *впротемъ, всякая рѣчь будетъ хороша, и прог.*

Но не язвительный смѣхъ раскрылъ губы Жюно, когда онъ получилъ это письмо.... Нѣсколько времени было ему очень больно. Потомъ, призвавши своего любимаго курьера, онъ отправилъ его въ Парижъ, и приказалъ ему разбудить меня, если онъ пріѣдетъ ночью, и отдастъ посланные съ нимъ пакеты. Онъ пріѣхалъ въ одиннадцать часовъ утромъ: я была въ Ренси. Читая письмо Жюно, я видѣла, что онъ былъ оскорбленъ глубоко. Онъ написалъ мнѣ чрезвычайно длинное письмо, и приказывалъ немедленно отослать по назначенію пакеты, подписанный къ Императору, и другое маленькое письмо, адресованное Военному Министру. Если-бы я могла знать, что было написано въ немъ, я никогда не отослала-бы его.

Въ письмѣ своемъ къ Императору Жюно говорилъ почтительно, безъ гнѣва, но съ досноинспвомъ (послѣ я видѣла черновое письмо его: оно превосходно). Онъ говорилъ, что ему не лъзя служить болѣе, если онъ получитъ еще одно такое письмо, какое имѣешь честь послать Его Величеству въ копіи. Онъ оканчивалъ умоляя Императора избрать другаго Главнокомандующаго, если ему угодно чтобы онъ переписывался съ такимъ человѣкомъ какъ Кларкъ, неснирпимый въ сношеніяхъ. Это письмо Жюно къ Императору еспь, можешь бышь, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ писемъ его, какія только я знаю, а извѣсно, что онъ писалъ превосходно. Императоръ былъ не только доволенъ письмомъ его, но и оцѣнилъ полную справедливость Жюно. Онъ призвалъ Генерала Кларка въ Тюльери и *вымылъ ему голову*, какъ сказалъ послѣ самъ: *письменный* человѣкъ долго помнилъ объ этомъ.

Что касается до маленькаго письма, которое по порученію Жюно послала я къ Генералу Кларку, мнѣ невозможно передать существенныхъ выраженій его, потому что я не передала-бы ихъ вѣрно. Но мнѣ извѣсны и смыслъ письма, и даже вся первая фраза его:

«Вы справедливо говорите, что всякая рѣчь хороша, и сами очень хорошо доказываете это.»

Вообще въ письмѣ говорилось, что если Жюно получишь отъ него еще одно такое, онъ пожалуй поскачетъ къ Г-ну Кларку, гдѣ бы онъ ни былъ, и потребуетъ у него опчета въ невѣжливости, съ какою написалъ онъ свое письмо. Такой грубый тонъ, прибавлялъ онъ, нестерпимъ для Великаго Офицера Имперіи, для того, кто удостоенъ Государемъ нашимъ званія Перваго Адъютанта его и Губернатора добраго города его Парижа. Клянусь честію, говорилъ Жюно въ заключеніе, это письмо не къ Министру, это не дѣловое письмо: это вызовъ мой вамъ, если вы еще будете упорствовать въ вашей системѣ нахальства со мной, впрочемъ шакъ-же какъ почти со всѣми моими поварищами. Избирайте миръ или войну: это надобно кончить.

Кларкъ отвѣчалъ *собственноручно*, небольшимъ и очень милымъ письмомъ, потому что онъ умѣлъ это дѣлать, когда хотѣлъ. Увѣряя, что лучшее желаніе его жить въ добромъ согласіи съ Главнокомандующими, онъ прибавлялъ, что со многими изъ нихъ это невозможно. Я очень знаю, что онъ, можешь быть, говорилъ не безъ основанія.

Но чтобы дать понятіе, какое впечатлѣніе произвелъ голосъ Власишеля, представляю здѣсь письмо, писанное черезъ три дни послѣ выговора.

« Парижъ , 3-го Ноября 1807.

« Генераль !

« Я получилъ письмо, коимъ вы удостои-
« ли меня опъ 27-го Окпября, извѣщая о сво-
« емъ выходѣ изъ Байонны и о добромъ порядкѣ,
« сохраняемомъ до сихъ поръ въ походѣ войскъ,
« начальствуемыхъ вами на Испанской землѣ.

« Я далъ опчетъ Имперашору въ эсихъ по-
« дробносняхъ, и предспавилъ Его Величешву
« замѣчанія, посланныя вами ко мнѣ, о необхо-
« димоспи, такъ-же какъ и о средешвахъ пред-
« варительнаго заготовленія жизненныхъ при-
« пасовъ для Французскихъ войскъ, во время
« ихъ вступленія въ Поршугалію.

« Я сообщилъ Его Превосходишельсшву Ми-
« нистру Казначейсшва, жалобы ваши на по-
« сшупки Казначеевъ Депаршаменша, къ коимъ
« рымъ Генераль-Интенданшъ вашего корпуса
« имѣлъ приказанія, въ то время какъ войска
« сшояли еще въ окрешносняхъ Байонны.

« Примите, Генераль, увѣреніе въ совершен-
« номъ и опличномъ уваженіи моемъ къ Ваше-
« му Превосходишельсшву.

« Военный Министръ.

« Кларкъ. »

Надобно замѣнить, что въ оригиналѣ этого
письма, окончательная фраза написана вполлови-

пу самимъ Министромъ: къ *Вашему Превосходительству* его руки. Императоръ, по примѣру Германскихъ владѣшелей, придалъ шишуль Превосходительству своему военному дворянству, и Кларкъ, совершенно забывшій это въ первомъ письмѣ своемъ, возспановилъ исключенный имъ шишуль. Въ шопъ-же день онъ прислалъ къ Жюно копію съ пайнаго договора, заключеннаго нами и Испанію о переходѣ нашихъ войскъ черезъ эту часть Полуострова. Но Князь Мира уже не былъ шопъ-же человекъ, или лучше сказаць онъ былъ все шопъ-же, но не шаковъ, какимъ мы представляли его себѣ. Князь Мира, при наущеніяхъ Исквьердо, былъ шолько-же настоящій Князь Мира, сколько Франція и Испанія Исквьердо были существенныя Франція и Испанія. Я представляю здѣсь очень любопытный документъ, хотя онъ былъ писанъ въ 1805 году; но онъ чрезвычайно оригиналенъ и значителенъ; сверхъ того, въ немъ есть какая-то опкровенность, что рѣдко встрѣчается въ Первомъ Министрѣ. Точно-ли это опкровенность или что нибудь другое? Въ шомъ весь вопросъ. Письмо не переведено мной: оно и было написано по-Французски, такъ что я не перемѣняю въ немъ ни одной запяшой: это можеть увидѣть всякой. Ославляю всѣ ошибки прошивъ Французскаго языка, даже самыя грубыя.

«Его Превосходительству Генералу Жюно,
«Посланнику Его Величества Императора Фран-
«цузовъ при Португальскомъ Дворѣ, и проч. и проч.

«Генераль!

«Никогда и ни въ какомъ дѣлѣ не подумаю
«я не одобряю поступковъ Вашего Превосхо-
«дительства. Я только изложилъ мое мнѣніе
«по случаю этого Англійскаго прикрытія, из-
«ложилъ со всею откровенностію моего ха-
«рактера, которая будетъ совершенно удов-
«летворительна для Вашего Превосходитель-
«ства въ дальнѣйшей перепискѣ нашей. Я
«искренно желаю, чтобы Португальскій Каби-
«нетъ не далъ ни малѣйшаго повода къ жало-
«бамъ; но если, противъ моего ожиданія, онъ
«забудетъ свои обязанности до того, что
«спасетъ благопріятствоватъ намѣреніямъ не-
«пріятеля, я немедленно употреблю всѣ сред-
«ства, какія только находясь въ моей вла-
«сти, къ занятію Португаліи.

«Между тѣмъ, я не думаю чтобы благоразум-
«но было спѣшить дѣлами. Ваше Превосходи-
«тельство конечно припомните разговоры
«наши въ моемъ домѣ, и не забудете моего
«образа мыслей о мѣрахъ, какія надобно при-
«нять во всѣхъ возможныхъ случаяхъ. Такимъ
«образомъ мнѣ было-бы гораздо пріятнѣе въ

« настоящее время, упопробить благосклон-
 « ность, которою удоспоеваете меня его Им-
 « ператорское и Королевское Величество, бо-
 « лше для выжиданія, нежели для приведенія
 « дѣлъ къ концу. Впрочемъ, Ваше Превосходи-
 « тельство можете быть увѣрены, что я не
 « пощажу ничего для ускоренія желанной мину-
 « ты видѣть Англію униженною и доведен-
 « ною до совершеннаго политическаго ничто-
 « жества, поному что этого пребуеиъ благо-
 « человѣчества и спокойствіе Европы. Къ сча-
 « стію, пользы моего опечесства совершенно
 « согласны съ желаніями моего сердца. Моя
 « дружба къ Французамъ, мой *энтузіазмъ* къ
 « ихъ Императору влекутъ меня къ униженію
 « народа, котораго деспотизмъ на моряхъ не
 « сообразенъ съ благосостояніемъ Испаніи.
 « Надѣюсь, что мои усилія въ этомъ случаѣ не
 « будутъ совершенно бесполезны, и что я буду
 « имѣть двойное удовольствіе услужить моимъ
 « друзьямъ, и въ по-же время сдѣлаю все воз-
 « можное зло ихъ непріятелямъ, которые всег-
 « да будутъ и моими.

« Я вполне признапеленъ къ чувствамъ друж-
 « бы, которыми Ваше Превосходительство
 « такъ благосклонно почтили меня. Прошу по-
 « чистать меня,

« Генеральъ,

« самымъ искреннимъ и преданнымъ слугою
« Вашего Превосходительства.

● Князь Мира,»

Вопъ какъ говорилъ Князь Мира въ 1805 году (*). Но иначе говорилъ онъ въ 1808 году, когда издалъ прокламацію, коцорая впрочемъ ни на минушу не обманула Императора. Я напомнила объ этомъ письмѣ шеперь, попому что Испанія готовилась къ дѣяшельной и весьма важной роли въ великой Европейской драмѣ,

(*) Послѣ этого времени Князь Мира показалъ себя. Вначалѣ говоря пакъ спрого прошивъ Англии, онъ приушихъ и опкрылъ всю ничпожность эшихъ громкихъ словъ; полько Аусперлицъ могъ имѣть слѣдствіемъ Трафальгаръ. Боже сохрани, чтобы я радовалась этому! но я говорю о вещественныхъ событіяхъ, и тогда надобно называшъ предметы по ихъ именамъ. Это письмо очень любопытно, какъ написанное между двухъ спраховъ: впереди была надежда, позади волканъ, копорый поражалъ на опспуленіи... Точно, положеніе было очень запруднительно; но шаково было оно какъ положеніе нерѣшимельное и ложное, и сдѣлалось-бы очень легко, если-бы дѣйствовали опкровенно. Поперявши свои корабли, Испанія по крайней мѣрѣ не потеряла-бы дружбы Императора.

и для нея-по необходимо познакомишься съ лицами, которые особенно способствовали постановкѣ ея на сцену. А Князь Мира больше всѣхъ способствовалъ драматической ея важности.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Глава XII.

Непріятности и досады Жюно. — Зависнь и злоба вооружающся противъ него. — Мѣщокъ съ тысячю франковъ. — Безпристрастіе Авшора эшихъ Записокъ. — Убійства. — Генераль Тіебо. — Карль X на выставкѣ 1827 года. — Тайныя предписанія о походѣ въ Португалію. — Генералы Луазонъ, Лабордъ, Кенель, Казошъ, Келлермаяъ. — Недоспашокъ въ припасахъ для арміи. — Чшо терпѣли солдашы во время этого похода. — Письмо Жюно объ эпомъ. — Ошибки Полковника Немира.

Жюно опправился въ Лиссабонъ, и армія его уже перешла черезъ Альканпару, а въ Парижѣ, по крайней мѣрѣ въ прошомъ народѣ, еще не знали, куда шла эпа армія. Надобно было придти въ Лиссабонъ какъ возможно скорѣе. Въ эпомъ отношеніи не только были почныя предписанія Министра, но и рѣшищельныя письма Имперашора. Чшобы доспигнуть назначенной цѣли, Жюно долженъ былъ пожершвовавшь многимъ.

Теперь надобно присшупишь мнѣ къ предмету личному, и сказашъ какія непріятности и

досады перенесъ Жюно во время этого похода въ Португалію, можешъ бытъ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ со времени 1790 года. Зависѣшь и злоба спали между нимъ и его опечесшвомъ, спараясь помрачить даже прежнюю славу его, какъ будто онъ былъ чужеземецъ, и какъ будто Франція не должна была гордиться имъ! Нѣкоторые изъ Генераловъ его арміи, и изъ нихъ я назову только Генерала Луазона, такъ мало уважали достоинство человѣческое, что спарались всячески обвинять того, кто осыпалъ ихъ почестями и деньгами, кто предупредалъ все, что только могло бытъ для нихъ предметомъ желаній. Между начальниками арміи, имя одного уже сдѣлалось лавровымъ листкомъ въ побѣдномъ вѣнкѣ Франціи. Но такіе, испинно храбрые и съ дарованіемъ люди, оснавались всегда для своего Главнокомандующаго благородными и добрыми военными брашьями. Изъ нихъ наизмену прежде всѣхъ Герцога Вальми, храбраго Генерала Келлермана, который добръ какъ одинъ изъ древнихъ нашихъ вишазей, и при томъ мужесшвенъ и прямодушенъ. Онъ не боится славы другаго, потому что собственная слава его непоколебима. Добрый Генералъ Лабордъ, Генералъ Кенель и почтенный Генералъ Тавіель, такъ-же какъ множесшво другихъ, чьи имена сладосшно ошзываются въ сердцахъ, всѣ эти храбрые друзья

были истинными военными братьями... Но Генераль Луазонъ и еще другой... другой, безчестнымъ образомъ злобный прошивъ Жюно, безъ всякой причины, даже безъ малѣйшаго побужденія... иногда какъ онъ былъ осыпанъ благодареніями Герцога и получалъ отъ него значительныя суммы денегъ, за которыя показывался какъ признашельнымъ!!... Эпопъ человекъ сдѣлалъ много зла Жюно и бѣдному Маршалу Нею, во время похода Массены. *Я была тамъ*, я видѣла всѣ эти интриги своими глазами. Суммы денегъ, полученные Генераломъ, составляють теперь большую часть его богатства. Эпопъ человекъ былъ иногда въ совершенной немилости у Императора, за денежные дѣла съ Массеною, котораго Наполеонъ любилъ, какъ говаривалъ онъ самъ, *до мѣшка съ тысягью франковъ*. Но этого Генерала, о которомъ я говорю, Наполеонъ не любилъ ни сколько, за всѣ дѣла, неприличныя никому и совершенно гадкія когда съ ними сближающа генеральскіе эполеты. Жюно, какъ будто осужденный на всегдашнее несчастіе съ *проклятымъ Везувіемъ*, принялъ Генерала по рекомендательному письму Великой Герцогини и даже Великаго Герцога, принялъ почини изгнаннаго изъ службы, переходившаго изъ одного корпуса въ другой, и, онъ сдѣлалъ ему довѣренность, обогатилъ его великолѣпными наградами...

онъ приложилъ эхидну къ своей груди! Все, что только злой языкъ клеветника можетъ изобрести и сказать, все было сказано этимъ человѣкомъ!.. Теперь, только могила, гдѣ лежишь благодѣтель его, да! благодѣтель его, можетъ опивчашъ ему!... Но я подлѣ нея, я шупъ, какъ обвинительный свидѣтель, потому что видѣла благодѣянiя.... видѣла и оскорбленiя. Боже мой! сколько ненависти должно было-бы скопиться въ бѣдномъ моемъ сердцѣ! сколько должна-бы я слушаться моего гнѣва!... И когда я подумаю, что эшошь человѣкъ говоритъ теперь презрительно о томъ, чье имя онъ долженъ былъ-бы повторять въ своихъ молитвахъ, если только онъ вѣришь Богу!... Пусть-же по крайней мѣрѣ молчишь онъ, хоть изъ уваженiя къ самому себѣ, или лучше скажашъ для собспвенной пользы своей, потому что наконецъ онъ принудишь меня говоришь яснѣе и громче....

Когда я привела въ порядокъ, между множествомъ другихъ бумагъ моего мужа, шѣ, которыя относятся къ Поршугальскому походу, я хошѣла чтобы мой рассказъ былъ окруженъ всемъ, что можетъ сдѣлать его больше яснымъ, больше истиннымъ, и безпристрастнымъ, потому что извѣстно какъ различны наши походы въ Поршугалию, хотя ихъ предпринимали

всегда съ одною цѣлью. Я не довѣряла самой себѣ особенно въ томъ, что относился къ одному изъ великихъ именъ нашей военной Исторіи, пошому что тушь разнида существовала только въ образѣ дѣйствій. Въ два года, проведенные мною совершенно *на войнѣ* въ Португальской арміи, не хуже какого нибудь Подпоручика, я слышала множесто объявленій, хотя всѣ они относились къ одной причинѣ! Но должно говорить яснѣе, пошому что надобно-же объявить это имя, которое вѣрно уже угадали: это Маршалъ Сульцъ. Я хотѣла говорить о немъ только истину, и пріѣхала однажды упрямъ къ супругѣ его, сказать ей о моемъ желаніи, основанномъ на доброй мысли. По крайней мѣрѣ я могу увѣрить въ это по совѣсти. Я также сказала объ этомъ человѣку, очень близкому къ Маршалу, близкому какъ долженъ быть честный человѣкъ и прямудушный военный съ благороднымъ сердцемъ: это Бори де Сенъ-Венсанъ. Маршалъ показался мнѣ гораздо лучше нежели я ожидала, пошому что, сдѣлавшись Министромъ, онъ какъ будто принялъ обязанность оказывать мнѣ во всѣхъ небольшихъ моихъ просьбахъ. Право, сказала я однажды сама себѣ, это ужъ слишкомъ! Неужели пошому, что я вдова солдата времени Революціи и Имперіи, мнѣ должно шептѣть преслѣдованія? Тѣмъ больше досадно

эшо, что я никогда не откажусь отъ своихъ привязанностей. Я отказалась отъ шинула иноспранки, съ кошорымъ однакожь соединялось шесшдесятъ тысячь ливровъ дохода. Я Француженка, и оспаюсь Француженкой шой блиссашельной эпохи, кошорой всѣ воспоминашя драгоцѣнны мнѣ, вся слава шакъ близка сердцу, и шѣмъ больше, что я не вижу ни одной новой славы. Я нашла Маршала очень привѣпливымъ, какъ уже сказала выше. Я говорила ему о своемъ желанш получить отъ него свѣдѣшя объ одномъ происшествш, бывшемъ въ Португалш въ 1808 и 1809 годахъ: разумью обвиненше, взведенное на Маршала шѣмъ-же самымъ Луазономъ (кошорый обвинилъ-бы свою родную мапъ) и еще шремд или чешырьма другими, шакже говорившими мнѣ о желанш Маршала сдѣлаться, можно сказать, Королемъ. Я всегда любила дѣйствовать прямо: и въ этомъ случаѣ обрашлась я лично къ Маршалу. Онъ отвѣчалъ мнѣ съ чрезвычайною прешпошой, не давши себѣ шруда размыслишь:

— Пришлиште мнѣ ваши замѣчанш и оспавъте передъ вашими вопросами побольше мѣсна, чтообы я могъ шунъ-же написать отвѣшы. Угодно-ли вамъ эшо?

Я отвѣчала ушвердинельно, и, въ самомъ дѣлѣ, эшо было-бы всего лучше и для него и для

меня. Но супруга Маршала замѣтила ему, что онъ можешь избавишь отъ этого труда и себя и меня, если дашь мнѣ сочиненіе Полковника Немира и *Генерала Матьё Дюмаса*, пошому что въ этомъ сочиненіи все евангельскія истины, и мнѣ останется только списать это уже напечатано.

Я согласилась, но, не знаю почему, жалѣла, что не исполнилось предложеніе Маршала. Я какъ будто предчувствовала, что увижу.

Возвращаясь домой, я искала во всѣхъ углахъ своей памяти, откуда явился этотъ Полковникъ Немиръ, котораго имени я никогда не слыхала? Въ самомъ дѣлѣ, могла-ли я подозревать, что это былъ Англійскій Полковникъ! Я увидѣла непостижимую самоувѣренность открывши первый томъ изъ чепырехъ, которые Герцогиня Далманская благосклонно прислала мнѣ какъ старой своей знакомой. Но мнѣ дали это сочиненіе для справокъ, для свѣдѣній, и я хотѣла прочитавъ его. Дѣло надобно дѣлать по порядку, и я начала 1807-мъ и 1808-мъ годами. Можно признашь, я удивилась вспрѣтивши описаніе перваго похода въ Португалию, составленное въ непріязненномъ духѣ, особенно прошивъ Жюно. Слава этого похода утверждена и признана не только въ Европѣ, но и за морями, гдѣ разгнѣванные наши непріатели не хотѣли наградишь Сира Аршура

Веллеслея ни чѣмъ кромѣ *военнаго изслѣдованія*. Но я не нашла ни малѣйшей подробности о томъ чпѣ было нужно мнѣ: обо всемъ эпомъ дѣлѣ совершенно умолчано. По крайней мѣрѣ не лзя сказать ничего больше о трехъ или чепырехъ словахъ, мимоходомъ кинушихъ о важномъ дѣлѣ, каково желаніе Французскаго Маршала быль Поршугальскимъ Королемъ; а эпомъ слухъ очень долго повпорялся въ публикѣ.

Мои воспоминанія о дѣйствіяхъ Жюно въ Поршугалии чрезвычайно многочисленны, и ихъ безпреспанно возобновляють разговоры съ людьми высокаго достоинства, которыхъ я часпо вижу. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, Начальникъ Шпаба Жюно, Генераль Тіебо. Надѣюсь, что онъ лучше Г-на Непира знаетъ эту первую армию нашу въ Поршугалии. И когда такой человѣкъ какъ Генераль Тіебо, истинный Французъ по сердцу, человѣкъ съ душою благородною и возвышенною, съ замѣчательнымъ дарованіемъ въ кабинетѣ, и храбрый на полѣ битвы, не пересмаетъ любви и уважанъ того, кто былъ нѣкогда его начальникомъ и давно скрытъ въ нѣдрахъ земли, тогда можно повѣришь, чпо человѣкъ, достойный привязанности честныхъ людей, и любви всѣхъ близкихъ къ нему, имѣеть право быль судимъ иначе, нежели судитъ о немъ Полковникъ Непиръ.

Истинно, въ наше время удивительно, что люди удивляются. Но если можно испытать изумленіе, то конечно тогда какъ видимъ, что изъ народныхъ архивовъ Военнаго Министерства Франціи извлекають книгу, написанную Англичаниномъ, никогда не оставившимъ Англійской службы. Безчестенъ перемешчикъ, но можно вѣрить, что онъ полюбитъ скольконибудь новое общество, которое принимаетъ его. Здѣсь, напрошивъ, только неприязненность, постоянная между двумя народами. И одинъ изъ нашихъ отличныхъ Генераловъ перелветъ эту превосходную книгу? . . . Хочу вѣрить по крайней мѣрѣ, что Генераль Машё Дюмасть не сдѣлалъ-бы этого когда былъ мо- ложе. Но съ нимъ случилось то-же что со всѣми нами: онъ состарѣлся.

Въ 1814 году, Графъ д'Аршуа сказалъ прелепныя слова:

— Я не больше какъ еще одинъ Французъ въ общество.

Не подумаете-ли вы, что это сказалъ Баярдъ или Францискъ I-й?

Что-же? На вышавкѣ *народной промышленности*, въ этомъ святилищѣ, гдѣ соединяются истинныя силы Государства, гдѣ видно истинное процвѣтаніе его, жизнь его, то-же самый человекъ, сдѣлавшись Карломъ X-мъ, но проживши еще десять лѣтъ, съ улыбкой оп-

вѣчалъ одному изъ нашихъ искуснѣйшихъ оружейниковъ, который предложилъ ему новый ружейный замокъ :

— *Благодарю: Я почти всегда употребляю только Англійскія оружія.*

Дальше, одинъ Ліонскій фабрикантъ показывалъ ему удивительныя шкани.

— О, наши сосѣди гораздо сильнѣе насъ. Намъ не лзя бороться съ ними.

« Позвольте мнѣ, Ваше Величество, осмѣлиться замѣнить, » отвѣчалъ ему съ пвердостью мануфактуриснтъ, оскорбленный до глубины души, « что уже больше шести лѣтъ, какъ всѣ Ліонскія фабрики продають въ Англію, каждый годъ, больше нежели на пять сотъ тысячъ франковъ основы энихъ самыхъ шканей, которыя Ваше Величество, по видимому, находите ниже Англійскихъ.

Все это можеть напомнить, что было время, когда флюгеръ оборачивался къ Ламаншскому проливу, и при Дворѣ изъ учтивости надобно было пѣть: God save the king, и даже Rule Britannia. Тогда очень естественнo было спавить на полки библіотеки Военнаго Минисперства похвальныя оды въ честь Англій; но если это продолжается и послѣ Революціи 1830-го года, это уже слишкомъ.

Португальскій походъ есть, можеть быть, самый замѣчательный изъ всѣхъ, какіе полько

совершались передъ нашими глазами въ послѣднія сорокъ лѣтъ. Я говорю о первомъ походѣ въ Португалію. Это надобно выразумѣть хорошенько, пошому что ихъ было три, и я, нося имя Жюно, не хочу чтобы это имя ссужали второму или третьему походу. При Наполеонѣ, жестокая опасность была на ряду со всеми вѣрояностями славы: при немъ непременно надобно было побѣждать. Онъ никогда не зналъ до этого времени поражений, и не хотѣлъ также чтобы испытывали ихъ сподвижники его. Конвенція, заключенная въ Синтрѣ, какъ ни была знаменита, и какъ ни предсказывала она удивительнымъ характеръ челоуѣка, кошорый испоргнулъ ее у непріятелей, впаперо сильнѣйшихъ его, эта конвенція, единственный актъ, кошорымъ Англія договаривалась съ Имперією, не была доспащочна для него, пошому что Наполеонъ хотѣлъ побѣды. Онъ хотѣлъ чтобы побѣды одерживали съ конскрипшами, безъ оружія, безъ денегъ. Онъ претребовалъ, чтобы оставались всегда побѣдителями.... Не могу порицать его за это, хотя вижу излишнюю спрогость. Но никакъ-шо міръ сдѣлался его Имперією.

Въ писемѣ Военнаго Министра къ Жюно могли видѣны главную мысль Императора: онъ хотѣлъ не допустить Португалію ошдапать своей флотш и свои гавани Англіи. Это желаетъ

ніе сдѣлалось главною, неиспребимою идеею, вполнѣдствіи пагубною для всего оспальнаго.

« Не соглашайтесь ни на что съ Принцемъ Бразильскимъ, даже если-бы онъ обѣщаль начать войну съ Англіею. Вспушите въ Лиссабонъ, овладѣйте кораблями, и займите верфи.»

Вошь что было въ *тайныхъ инструкціяхъ*, данныхъ Наполеономъ Жюно, и написанныхъ подъ дикшовку его Г-мъ Менневалемъ.

Исполняя приказаніе: придши въ Лиссабонъ во что-бы то ни стало, Жюно отправился въ Байонну, сборное мѣсто разныхъ корпусовъ, кошорые должны были соспавить его армію. Сначала эша армія приняла названіе перваго наблюдательнаго корпуса въ Жирондѣ. Жюно выѣхаль изъ Парижа 28-го Августа и прибыль въ Байонну 5-го Сентября. 9-го, 10-го и 11-го пришли шуда и войска, пошому что Главнокомандующій первый пріѣхаль на сборное мѣсто. Генераль Луазонъ, Генераль Лабордъ, прежде бывшій командиромъ Жюно, когда онъ былъ въ знаменишомъ полку Кошь д'Орь, а Лабордъ начальшвоваль имъ послѣ смерти несчастнаго Казовиша, Генераль Келлерманъ, храбрый Генераль Траво, Генераль Кенель, пріѣхавшій въ Лиссабонъ гораздо позже (такъ-же какъ другой Генераль, кошорый сдѣлалъ-бы гораздо лучше, если-бы вовсе не ѣздилъ шуда), всѣ дивизіонные Генералы, такъ-же какъ и

другіе, не столько памятные мнѣ своими именами, находились подъ начальствомъ Жюно. Генераль Тиебо, сынъ того друга Великаго Фридриха, который оснавилъ намъ прекрасное сочиненіе о чудныхъ годахъ возвышенія Пруссіи, Генераль Тиебо, самъ человекъ превосходный, добрый другъ, и въ то-же время спрашенный на полѣ битвы для враговъ нашихъ, былъ Начальникомъ Шшаба въ обсерваціонной Жирондской арміи. Онъ-то описалъ баснословный переходъ нашей арміи, и въ сочиненіи его, которое могъ написать только Французъ, каждая строчка заславляетъ препешаетъ всѣ живыя струны сердца и души каждаго Француза. Это природа, прекрасная, великая, мужественная, умбющая спраданъ изъ любви къ опечесиву, такъ-же какъ и побѣдить для него.... О, я испынала счастье, успокоивши мои бѣдные глаза, покраснѣвшіе отъ слезъ, на этихъ умбщительныхъ спраницахъ, сколько истинныхъ, прямодушно истинныхъ!...

Принявши на себя важную обязанность, Жюно хотѣлъ оправдать довѣренность Императора, и рѣшился, чтобы этою походъ, *котораго всѣ тайны были известны ему*, осмался до-снопамятнымъ подвигомъ его жизни. По мѣрѣ того какъ войска приходили въ Байонну, онъ дѣлалъ имъ смолры, почти всегда самъ или поручая это кому нибудь изъ старшихъ Гене-

раловъ своего Шпаба. Здоровье его было тогда чрезвычайно разстроено, и хотя по виду онъ казался совершенно здоровъ, но въ самомъ дѣлѣ былъ очень боленъ. Это однакожь не мѣшало ему заниматься щцашельно, даже всѣми мѣлочами, копорья относились къ его арміи. Почетное свидѣтельство Генерала Тиебо служило достовѣрнымъ подтвержденіемъ этого: онъ скажетъ, что Жюно исполнялъ тогда свою обязанность, можетъ спастись, лучше нежели другой сдѣлалъ-бы это на его мѣстѣ. Онъ говорилъ солдатамъ и обращался не только къ ихъ личной выгодѣ, но и къ ихъ чести, къ ихъ душѣ, жадной славы, пошому что Французскій солдатъ никогда не бываетъ только машиной. Въ немъ есть рвеніе, есть энтузіазмъ, и въ искусной рукѣ онъ можетъ быть великимъ орудіемъ, что вскорѣ и доказалъ онъ. Жюно часто вмѣшивался въ ряды солдатъ и говорилъ имъ о славѣ арміи Германской и Италійской. Онъ рассказывалъ имъ все великое, что еще недавно было совершенно любимымъ сыномъ побѣды, копорый, увы! вскорѣ долженъ былъ лишиться этого названія въ первый разъ, на шомъ берегу, куда шли они за новою славою.

«Дѣти мои!» говорилъ Жюно своимъ солдатамъ. «Мы должны сдѣлать походъ большой и трудный, пошому что настаетъ зима. Но

это ничего. Я буду дѣлать съ вами шруды, а оидыхъ и выгоды доспанушя вамъ прежде меня (*).

Теперь уже доказано, что его дѣйствіямъ хопѣли помѣшашъ всеми возможными запрудненіями, и сдѣлашъ это пагубнымъ образомъ для арміи. Но всего больше могъ поспраданъ онъ. Кавалерія находилась не въ хорошемъ состояніи, и вскорѣ она сдѣлалась еще хуже отъ недоспашка въ фуражѣ, что очень обыкновенно въ этой часпи Пиренеевъ. Жюно опнесся объ этомъ съ жалобой. Денегъ, необходимыхъ для увеличенія запасовъ фуража, было недоспашочно; онъ пребовалъ прибавки шолько на шо время покуда кавалерія останешя въ Нижнихъ Пиренеяхъ. Ему опказали. Онъ написалъ самое пребоващельное письмо, объясняя, что лошади армейскія не могушъ жить какъ лошади шого скупаго, кошорый пріучалъ ихъ къ голоду пошепенно: онѣ непременно должны

(*) Жюно не говорилъ, что ими будешъ начальспвоващъ Массена, пошому что самъ онъ не могъ предполагать этого. Онъ не говорилъ имъ шакже о Португаліи, пошому что онъ *одинѣ* зналъ куда они шли. Но онъ говорилъ имъ о славѣ Французской арміи въ Калабріи и при осадѣ Гайешпы.

были подохнуть (*). Ему ошвѣчали на это приказаніемъ перевести кавалерію къ Верхнимъ Пиренеямъ. Приказаніе было получено 40-го Октябрю въ Байоннѣ, а 45-го, то есть черезъ пять дней, онъ получилъ приказъ вступить въ Испанію. Надобно было воровать кавалерію, и она, упомянутая, больная, была принуждена поспѣшь начать шрудный походъ безъ отдыха, сдѣлавши бесполезно около семидесяти лѣ... Истинно это жалось!

Во время этой первой части похода, армія пошерѣла уже многое. Я помню какъ Жюно со слезами въ глазахъ рассказывалъ мнѣ послѣ объ ужасныхъ лишеніяхъ, копорымъ подвергались его войска. Приходя на мѣсца, никогда не находили они ни кварширъ, ни пищи, а если и случалось имъ находить провизію, то обыкновенно гнилую, такъ что солдаты ложились спать не ѣвши. Большою частію кварширы, назначенныя имъ, бывали такъ ужасно не чисны,

(*) Вотъ событіе, о которомъ я не могу умолчать: въ это время Жюно далъ изъ собственныхъ своихъ денегъ 15,000 франковъ, для того чтобы могли снять всю опаву на лугахъ тѣхъ мѣсць, гдѣ спояла кавалерія. Онъ никогда не хотѣлъ говорить объ этомъ, и долгъ былъ включенъ въ его личныя издержки.

что они предпочитали спать на открытомъ воздухѣ или подъ какимъ нибудь навѣсомъ. Надобно замѣнить также, что дурное расположеніе чиновниковъ Правительсва было явно, между тѣмъ какъ почти энтузіазмъ одушевлялъ другіе классы общества, особенно въ городахъ. Видно было, что руководствуясь своими ложными сужденіями, Князь Мира хотѣлъ погубить Французскую армію на пуши ошъ Байонны въ Лиссабонѣ, хотя и не потому чтобы онъ дѣйствовалъ въ согласіи съ Португальскимъ Кабинетомъ, которымъ управлялъ человекъ низкаго происхожденія, находившійся въ величайшей милости у Бразильскаго Принца. Это *Лобато*, камердинеръ его. Но какой-то инспекторъ, злобно глупый и недалновидный, заснавлялъ Князя Мира ковать желѣзо для собственнаго своего пораженія, потому что Императоръ никогда не могъ забыть посшупковъ Мадридскаго Двора въ двухъ обшоятельсвахъ: во время похода Французской арміи, и во время прокламаціи Князя Мира. За каждаго человека, упавшаго въ пропасть или подъ ножемъ убійцы, должно было опомешить съ лихвою жизнью многихъ. Что касается до Князя Мира, ему осшавалось узнать Наполеона мшительнымъ, послѣ того какъ онъ видѣлъ его побѣдоноснымъ.

“Я перешшу здѣсь письмо Жюно, написанное

имъ пошчасъ по прїѣздѣ въ Лиссабонъ: оно дасъ поняніе, чѣмъ прешерпѣла его армія, и сколько шерпѣлъ онъ вмѣстѣ съ нею.

« Не лзя посбпгнущъ чѣмъ перенесли мы въ
 « Испаніи отъ вѣроломства Испанскаго Каби-
 « неша. Между нѣмъ не лзя предполагать,
 « чтобы Миниспръ-Король не понималъ всей
 « важности донесеній, которыя принужденъ я
 « послать къ Императору. Я пошерялъ много
 « людей отъ убійствъ, именно въ Вишноріи,
 « тогда какъ два погибшіе отъ Испанскихъ
 « навахастъ не были виноваты ни въ чемъ.
 « Вообще я могу только удивляться поведе-
 « нію нашихъ войскъ: ихъ не убило ничто. Ни-
 « когда не видалъ я, даже въ Италіи, во время
 « нашего перехода черезъ Альпы, такого по-
 « рядка и даже могу сказать дисциплины. Сол-
 « дамы очень часто не могли варить своего
 « супу по прибытіи въ городъ, потому что
 « вмѣсто кварширъ назначали имъ лачуги, на-
 « полненныя всякой нечѣстною, а хлѣбъ разда-
 « вали заплѣсневѣлый. Но эти самые люди и не
 « думали мстить за дурныя распоряженія Пра-
 « вительсва, хотя могли-бы принудить жише-
 « лей отшѣстновать за нихъ; напротивъ, они
 « были шерпѣливы и даже великодушны. Въ Дуэ-
 « настѣ, небольшомъ Каспильскомъ городѣ, за-
 « горѣлся монастырь, когда мы пришли туда.
 « Огонь распротранялся такъ быстро, что

« весь городъ могъ превратиться въ пепель.
 « Суевѣрные фанатики Испанцы не выдумали
 « ничего лучше, какъ спали молились и доз-
 « волили огню дѣлать что онъ хочетъ. Въ
 « нѣсколько часовъ огонь произвелъ такія опу-
 « шенія, что величайшая опасность гро-
 « зила одному изъ прекрасныхъ городковъ Ка-
 « сшилн. Мои солдаты, подъ руководствомъ
 « храбраго Дюлона, извѣстнаго шефъ, начали
 « работать съ усердіемъ, такъ что черезъ
 « семь часовъ усмирили наконецъ огонь и спас-
 « ли городъ. .

« Да, я писалъ объ этомъ Императору....
 « Кто не видалъ Французскаго солдата на
 « томъ пуши, кошорый мы сдѣлали, тотъ не
 « видалъ, каковъ онъ въ своемъ мужествѣ.
 « Сердце мое пронуто и шееръ когда я вспо-
 « минаю объ опасностяхъ, какимъ подверга-
 « лись они. Смерть отъ пули — это жребій
 « солдата. Но встрѣтивъ ее въ пропасти, въ
 « пошокѣ, на краю дороги, заблудившись въ
 « пустынь, или бышь заколонымъ во время
 « сна, вошь какая смерть ошврашительна и
 « страшна для солдата, и прошивъ нея-но
 « смѣло шли молодцы мои.

« Ты знаешь Португалію только по прекрас-
 « нымъ шѣнямъ Синшры и по цвѣтущимъ пусты-
 « нямъ Эшрамадуръ. Но ты не знаешь, что

« въ сѣверѣ ея такіа-же дикія пуспыни , какія
 « видѣлъ я въ степяхъ Польши. Тамъ крушыя ,
 « бесплодныя горы шянущя на многія льѣ и
 « нѣтъ слѣда жилищъ на нихъ. Эпо голая ска-
 « лы , безпрешанно загораживающія бурные по-
 « шоки безъ мосновъ и безъ всякихъ средствъ
 « къ перѣправѣ. Дороги нѣтъ ни какой , даже
 « своевольно пробишой погоньщикомъ муловъ ,
 « какъ въ Эспрамадурѣ , кромѣ немногихъ , сквер-
 « ныхъ пропинокъ , нашоцпанныхъ паспухами
 « во время лѣша. Помнишь-ли веншу въ Альма-
 « разѣ? Эпо Англійскій садъ въ сравненіи съ
 « шѣмъ , что перешли мы. Ни одного города ,
 « ни одной деревни ! Нѣсколько лачугъ разбѣ-
 « но на почвѣ неблагодарной и увлаженной шѣ-
 « ми ужасными дождями , кошорые ты знаешь.
 « Наконецъ Верхняя Беира , черезъ кошорую
 « принужденъ я былъ вести свою армію , пу-
 « спыня , такаа-же ужасная , какую видѣлъ я меж-
 « ду Каиромъ и Сень-Жанъ д'Акромъ. Но
 « шущъ вспрѣчаеися еще одно препяпшвѣе ,
 « гораздо больше шяжелое : эпо безлюдность ,
 « потому что жишели скрывающя. Они свирѣ-
 « ны , ненавидящъ насъ , и я долженъ былъ спра-
 « шившя ихъ шѣмъ больше , что при невообра-
 « зимой бѣдноспи , они конечно негоспспрім-
 « ны и должны бышъ разбойниками. Я не оши-
 « бался. Природа наградила Поршугалію шакими
 « мѣшшами въ эшой часши ея границъ , что шѣ-

« сича человекъ, вооруженныхъ простыми ружья-
 « ми, могутъ защитить Португалию въ этихъ
 « ужасныхъ шѣстидесятидневныхъ войнахъ, хотя-бы она
 « была вдвое многочисленнѣе моей. Необходима
 « была особенная осторожность, чтобы не дать
 « здѣшнимъ жителямъ ни какого повода къ воз-
 « сшанію; въ то-же время надобно было спѣ-
 « шить необыкновеннымъ образомъ, чтобы выйд-
 « ши на земли больше открытыя, прежде не-
 « жели Кабинетъ Лиссабонскій, котораго ме-
 « дленосность я зналъ, рѣшился-бы защищаться.
 « Въ самомъ дѣлѣ, я узналъ послѣ, что Донъ
 « Родригъ Суза предлагалъ это въ Совѣтѣ
 « Бразильскаго Принца. Да больше нечего было
 « и дѣлать. По крайней мѣрѣ это показывало
 « мужество и великодушную рѣшимельность.

« Особенно послѣ выхода нашего изъ Сала-
 « манки мы принуждены были перенести многое.
 « Солдаты мои гибли цѣлый день жолудями,
 « между шѣмъ какъ снѣгъ ледилъ и прои-
 « цалъ ихъ платье. Какъ будто сама природа
 « соединялась съ людьми, и хотѣла погубить
 « этихъ несчастныхъ! Чѣмъ дальше двигались
 « мы въ здѣшней несчастной странѣ, шѣмъ рѣ-
 « же становились все пособія, и скорѣе не ста-
 « ло ихъ совершенно. Убийства умножились
 « ужаснымъ образомъ. Тогда-то сдѣлалось по-
 « чти невозможно нисшимъ начальникамъ удержи-
 « вать солдатъ. Убийства, вмѣстѣ съ недослан-

« ками и спраданіями всякаго рода, совершенно
« вывели ихъ изъ шерпѣнія. Они не слушали ни
« чьего голоса и не хотѣли знашь обузданія.
« Промедши Сіудадъ-Родриго, гдѣ Комендантъ
« мерзавецъ, войска пришли въ такое раздра-
« женіе, что трудно было османовить ихъ.
« Можешъ бышь эшо предспавяшъ буншомъ
« въ арміи; но ничего не бывало: солдашы все-
« гда повиновались голосу своего Полковника
« или Генерала, когда шолько эши могли сами
« наблюдать за ними. Я очень доволенъ Гене-
« раломъ Тіебо: шы давно знаешъ его. Въ
« эшихъ шрудныхъ обспоятельсшвахъ, онъ дѣй-
« ствовалъ съ мужесшвомъ героя и съ добро-
« шой женщины. Онъ Начальникъ моего Шна-
« ба. Я не могу выразишь такого-же удоволь-
« ствія о нѣкоморыхъ другихъ начальникахъ.
« Если говорили о *неповиновеніи*, шо эшого на-
« добно искашь между Генералами, а не между
« солдашами. Не шо чшобы кино нибудь изъ
« нихъ не повиновался мнѣ: шы довольно зна-
« ешь меня. Если-бы кто изъ нихъ сказалъ мнѣ
« *нѣтъ*, шо черезъ часъ послѣ эшого онъ былъ-
« бы уже въ рукахъ кавалерійскаго прикршнія
« и возвращался во Францію, какъ солдашъ де-
« зершёръ. Въ такихъ обспоятельсшвахъ, какія
« окружали меня, надобно было удвоить силу
« моего характера, пошому что иначе я про-
« палъ-бы. Чшо касается до Генерала Лаборда,

« о немъ надобно-бъ было сказать, что онъ
 « заслужилъ признательность ошечества. Это
 « истинный герой!...

« Ты знаешь какъ я наспойчивъ въ своихъ
 « желаніяхъ и въ какомъ расположеніи ошпра-
 « вился я въ эшонъ походъ, которій, можно
 « сказать, Императоръ *принудилъ* меня взять
 « на себя, и *принудилъ* своею дружбою, потому
 « *что власти его было-бы мало*. Ошправляясь изъ
 « Парижа, я зналъ, что мы идемъ въ Лиссабонъ,
 « и эшонъ знакъ довѣренности Императора
 « неволилъ меня еще больше заботиться о сво-
 « емъ дѣлѣ. Но можно-ли достигнуть цѣли, ко-
 « гда измѣна и непрямодушіе союзники наши?
 « Не только вся дорога, ошъ Байонны до Аль-
 « каншары, была устѣяна затрудненіями со сто-
 « роны мѣстныхъ начальствъ, но и по прибы-
 « шии въ Альканшару, гдѣ я ожидалъ найдши
 « жизненные припасы, войска, военные снаряды...
 « словомъ, успокоеніе... я увидѣлъ вокругъ
 « себя только несчастную и бесплодную землю,
 « лишенную всего.... Никакихъ пособій.... *ника-*
 « *кихъ запасовъ*.... башаліоны Испанскіе непол-
 « ные, съ самымъ дурнымъ расположеніемъ, и
 « скорѣе готовые сражаться съ нами, нежели
 « служить намъ.... О, какъ тяжело было мнѣ
 « въ эшонъ ужасный день, когда истина ош-
 « крылась. Я увидѣлъ измѣну!.. намъ измѣнили..
 « и я допустилъ до эшого.... я былъ столько

« просишь со своимъ прямодушiемъ, что ввѣрил-
 « ся слову этого privado, который обязанъ
 « своимъ возвышенiемъ позору... Могъ-ли ша-
 « кой человекъ не играть своимъ словомъ, дан-
 « нымъ на ефесѣ шпаги, такъ-же какъ клятвою
 « на крестѣ Спасителя... Въ продолженiе нѣ-
 « сколько часовъ, моя бѣдненькая Лора, свой
 « другъ наспрадался больше нежели во всю
 « жизнь свою, уже довольно бурную. Были ми-
 « нуты, когда въ головѣ моей вѣселились спраш-
 « сныя мысли... Пошомъ я думалъ обо всемъ
 « что любило меня... о тебѣ, о моихъ дѣтияхъ...
 « однако, скажу-ли?... въ эти часы спраданiя
 « одна мысль господствовала у меня надъ все-
 « ми другими: мысль о судьбѣ сполькихъ людей,
 « ввѣренныхъ мнѣ. Я былъ обязанъ данъ имъ
 « опченъ въ моей жизни... Что сдѣлалось-бы
 « съ ними безъ меня?.. Конечно, должно было на
 « что нибудь рѣшиться, но шолько не умереть...
 « на это могъ-бы рѣшиться прусь.»

Это письмо, гораздо больше похожее на ре-
 ляцію, несравненно длиннѣе въ подлинникѣ...
 Но я ошановлюсь здѣсь и послѣ приведу еще
 собственныя слова Генерала Тiебо, изъ его
 достопамятнаго сочиненiя, называемаго: *Описа-
 нiе похода въ Португалiю.*

Я предославляю себѣ шакже упомянуть, въ
 первыхъ главахъ одиннадцатаго тома, о гру-
 быхъ ошибкахъ Полковника Ненира, который,

напримѣръ, полагаешъ четыре дивизіи во Французской арміи, тогда какъ въ ней никогда не было больше двухъ, съ нѣсколькими полками кавалеріи, кошоры назывались дивизіею, но въ самомъ дѣлѣ никогда не были ею. Впрочемъ, Г. Непиръ иностраниецъ; могу-ли я сердиться на него? Но переводчикъ его! переводчикъ могъ-бы осведомиться объ истинѣ. Онъ могъ также, прежде нежели рѣшился утвердить оскорбительныя слова, сказанныя противъ его военного бранна естественнымъ врагомъ нашимъ, онъ могъ не одинъ разъ очинить перо свое и дать себѣ время поразмыслить, такъ-же какъ и повѣрить въ архивахъ Военнаго Министерства, гдѣ проводитъ онъ большую часть своего времени, правду или нѣтъ говоритъ офицеръ Англійскаго Штаба.

Г. Непиръ ссылаешся на вѣдомость, найденную, говоритъ онъ, на полѣ битвы при Вимейро. Эту вѣдомость могъ пошерять только Главнокомандующій или Начальникъ Штаба арміи, а я могу удостоверить, что *ни тотъ, ни другой* не шеряли вѣдомостей, слѣдовательно это ошибка. Не сомнѣваюсь, что она сдѣлана безъ намѣренія, но все таки это ошибка.

Глава XIII.

Праздники въ Фоншенбло. — Новая любовная интрига. — Слухи о разводѣ. — Удивительныя прогулки. — Императоръ въ Манпуэ. — Люціанъ и свиданіе. — Братъ республиканецъ. — Ушоня. — *Я не продаю себя.* — Разбитый экранъ и распотшанные часы. — Такъ будете и съ вами. — Превосходное поведеніе Люціана.

Праздники при бракосочетаніи Короля Веспальскаго продолжались, и Дворъ былъ въ Фоншенбло гораздо блестяще нежели когда нибудь Дворъ Людовика XIV. Каждый день какой нибудь новый праздникъ, и всегда больше прежняго великолѣпный. Я жила въ Ренси, терфиливо ожидая конца своей беременности, когда получила приглашеніе или лучше сказать приказаніе пріѣхать въ Фоншенбло и провести тамъ нѣсколько дней. Я отправилась, но не хотѣла въ положеніи своемъ подвергаться случайностямъ и жить во дворцѣ. Я могла родить, и хотя срокъ казался ошдаленнымъ еще на нѣсколько недѣль, но я не хотѣла чтобы мнѣ

пришлось разбудить обитателей дворца, криком моимъ во время ночи. Впрочемъ, при мысли о преждевременныхъ родахъ, всего больше успрашалъ меня самъ Императоръ; но Дюрокъ сказалъ мнѣ *по секрету*, что они скоро отправляются въ дорогу; только онъ не прибавилъ куда. Я наняла небольшой домикъ, въ улицѣ, очень близко дворца. Всякой день носильщики переносили меня въ поршнѣзъ во дворецъ.

Что ни спали-бы мы рассказывать теперь, всё это не можетъ походить на дѣйствительную истину той эпохи. Великолѣпіе, волшебная роскошь всего, что окружало Императора, празднества, гдѣ блистали тысячи брилліантовъ, драгоценныхъ камней и цвѣтовъ, веселости, любовныя интриги, кошорья почивались очень скрывыми, тогда какъ онѣ были гораздо виднѣе нежели въ Тюльери, все это вмѣстѣ дѣлало Фоншенбло какимъ-то фаншаспическимъ, упоительнымъ жилищемъ. По-упрамъ, въ хорошую погоду (а въ эпоху годъ Октябрь и Ноябрь мѣсяцы были удивительны), ѣхали на охоту, въ лѣсъ, и завпракали шамъ. У всѣхъ женщинъ были мундиры, сначала ужасные, но въ это время уже прелестные, изъ казимира цвѣта серны, съ воронникомъ и олворошами амазоны, изъ зеленого сукна, вышитого серебромъ. Черная бархатная шляпа украшалась

большимъ букетомъ бѣлыхъ перьевъ. Ничего не можешь быть прелестнѣе того зрѣлища, когда, бывало, семь или восемь колясокъ, наполненныхъ женщинами въ эпихъ шляпахъ съ волнующимися перьями, въ изящномъ нарядѣ для верховой ѣзды, съ шѣсно сжатыми шаліями, быстро проѣзжали по аллеямъ Фоншенблоскаго лѣса, между шѣмъ какъ Императоръ и за нимъ многочисленная шолпа лешѣли мимо насъ, съ быспрошою спрѣлы, за какимъ нибудь оленемъ, кошораго вѣшвисные рога показывались на одну минушу гдѣ нибудь на скалѣ, поросшей мохомъ, и вдругъ мгновенно скрывались опъ своихъ преслѣдовашелей. У мужчинъ былъ прекрасный мундиръ для охоты : эшо фракъ изъ зеленого сукна съ золотыми и серебряными галунами, пришитыми въ видѣ брандебурговъ на груди и на карманахъ; ошвороты дѣлались изъ амараншоваго бархаша. Эшошъ охотничій нарядъ былъ парадный. Мнѣ гораздо больше нравилась полуформа для спрѣльбы.

Въ Фоншенбло говорили многое, но говорили очень шихо. Всѣхъ занимали событія насшоющія и будущія. Въ насшоющемъ, особеннымъ, важнымъ предметомъ были новыя любовныя инприги Императора. Прекрасная урожденка Генуи пользовалась тогда рѣшишельною благосклонноспію, и ей удалось наконецъ бышь предсшавленною ко Двору, чего никогда и ни одне

чпица не осмѣливалась даже просить. Императоръ обыкновенно не любилъ поддаваться никакимъ отношеніямъ, но показалъ на этотъ разъ большую слабость.

Другое, гораздо больше важное обстоятельство занимало умы всѣхъ, и было предметомъ всѣхъ искреннихъ разговоровъ, какъ скоро удалялись въ свои комнаты : это разводъ съ Императрицею. *Предназначенный для престола наследникъ* уже не существовалъ. Братъ его не могъ внушить Императору никакихъ-же надеждъ. Наполеонъ сдѣлался задумчивъ, мечтателенъ ; часто по-утрамъ онъ выѣзжалъ верхомъ, съ однимъ Жарденомъ, любимымъ своимъ берейспоромъ, честнѣйшимъ человекомъ, совершенно преданнымъ ему. Онъ углублялся въ лѣсъ, мечталь на свободѣ, въроянно о томъ, на что рѣшился ему.

— Какъ можете вы допускать, что Императоръ уѣзжаетъ почти одинъ въ этотъ лѣсъ? — сказала я Дюроку. — Это ничего не значить одинъ разъ; но какъ скоро узнаютъ, что онъ ѣздитъ туда обыкновенно, его могутъ тамъ выждать, и долго-ли до несчастія!

« Я не могу уговорить его чтобы онъ не выѣзжалъ безъ провожающихъ, » отвѣчалъ мнѣ Дюрокъ. « Я напоминалъ ему объ этомъ не одинъ

разъ : онъ не слушаетъ меня (*). Впрочемъ, какъ только онъ выѣзжаетъ, мнѣ сказываютъ объ этомъ, и я поспѣшь принимаю всѣ мѣры предосторожности. Но лѣтъ великъ : не лѣзя знашь въ кошорую спорону вздумаешся ему ѣхашь, и эпи уединенныя прогулки иногда очень беспокояшъ меня.

Вошъ ошвѣшъ на все, что было сказано въ иныхъ біографіяхъ о чрезвычайной заботливости, какую Императоръ окружалъ себя.

Въ эпошъ годъ Фоншенбло былъ испинно до-споинъ замѣчані множесшвомъ прелесныхъ женщинъ, кошорыя жили въ немъ. Принцесса Полина и Великая Герцогиня Бергская первенсшво-вали надъ этими хорошенькими и молодыми женщинами, принадлежавшими къ Императорскому Двору. Не смопра на новую любовь Наполеона къ Г-жѣ Г., онъ сильно привязался къ Г-жѣ Б..., кошорая, въ качесшв. Дамы Сопущ-

(*) Императоръ никогда не могъ перпѣшъ, чтобы за нимъ шли или ѣхали. Я видала въ Мальмезонѣ какъ онъ выѣзжалъ одинъ съ Бурьенемъ, или съ Жюно, съ Ранпомъ, но только съ однимъ къмъ нибудь, и это въ эпоху испинно опасную для него. Если онъ чувсшвовалъ шакое опшраценіе во Франціи, то можно судишъ каково было ему на оспровѣ Св. Елены, когда нарочно приспавленные Англичане *надзирали* за нимъ во всѣхъ его прогулкахъ!

ницы одной изъ Принцессы, бывала на охотѣ всякой разѣ и часто завпракала съ другими на сборномъ мѣстѣ. Императоръ очень занимался ею. Но ложно будно онъ имѣлъ когда нибудь успѣхъ. Я знаю все это дѣло. Знаю очень хорошо, что Императоръ даже писалъ къ ней, что довольно рѣдко случалось у него при эсихъ мимолетныхъ связяхъ, какую оспалась-бы и эта, если-бы Г-жа Б... не сохранила сколько благо-разумія, что успояла прошивъ ослѣпительнаго волшебства, съ какимъ являлся тогда Наполеонъ. Въ самомъ дѣлѣ, какое сіяніе славы, какое непрерывно свѣтлое облако носилось вокругъ него!... Впрочемъ, надобно было чтобы въ это время женщина любила, попому что иначе ни какой разсудокъ, ни какая добродѣтель не успояли-бы прошивъ этого обольщенія.

Императрица глубоко печалилась, не смотря на всѣ старанія ея казаться веселою и довольною. Слухи о разводѣ казались больше и больше основательными. Ей пересказывали все, и частые разѣзды курьеровъ къ нѣкоторымъ Дворамъ успрашали ее союзомъ съ кѣмъ нибудь изъ новыхъ друзей Наполеона. Она не смѣла говорить объ этомъ Императору, но однажды, когда я пріѣхала къ ней съ усренимъ визишомъ, сдѣлала мнѣ честь сказавши сама :

— Г-жа Жюно! они успокоятся только пог-

да, когда сгоняшь меня съ прона Франціи....
Они озлоблены прошивъ меня.

Она хопѣла говоришь о семействѣ Императора. Въ самомъ дѣлѣ, двѣ невѣстки ея и даже самъ Жеромъ, всѣ кпо хопѣлъ славы для Императора и для Имперіи, какъ увѣрили они, должны были непременно желать развода, уже необходимаго. Императоръ не говорилъ ничего. Но молчаніе его было для Императрицы гораздо ужаснѣ всякихъ славъ. Смерть молодого Принца Голландскаго явнымъ образомъ испровергла всѣ его планы..... Императрица заливалась слезами гляди на прелесные русые волосы ребенка, копорые велѣла она поспа-
вишь въ рамы, за спекло на черномъ бархашѣ..... Но кпо-бы могъ выразишь словами опчаяніе бѣдной мащери? Королева Горпензія еще жива, но эшо доказываешь толькo, что горестъ не убиваешь..... Императрица шакже спрадала жестоко: она шакже чувствовала мащеринскую горестъ, пошому что бабушка развѣ не по-же что мащъ?... Сверхъ шого, ужасныя безпокойства ея о разводѣ возобновлялись съ каждымъ днемъ болѣе. Дюрокъ былъ пошъ человекъ, копорого я уважала особенно, другъ, къ копорому я чувствовала самую искреннюю привязанность. Памяшь о немъ въ моемъ сердцѣ, наряду съ памяшью о моемъ брашѣ. Послѣ эшого меня не обвиняшь въ неспра-

ведливости, если я не удержусь упрекнуть его, что онъ спарался опмстить Императрицѣ, которая нѣкогда помѣшала его браку. Когда воспоминаніе объ эпомъ возвращалось къ нему, онъ не чувствовалъ уже ни какой жалости. Однажды, около времени развода, я указала ему на Императрицу, когда она вошла въ прониую залу, и взоръ ея, мрачный, опчаянный, какъ будто оспанавливался на каждомъ предметѣ и прощался съ нимъ навѣки.

— Какъ можете вы глядѣть на это безъ жалости? — сказала я ему.

Онъ долго смолчалъ на меня, не говоря ничего, и какъ-бы *упрекая меня за мой упрекъ*; потомъ, взявши мою руку, онъ сказалъ чтобы я поглядѣла на другой конецъ залы. Тамъ были двѣ женщины, одна подлѣ другой: одна стояла, другая сидѣла.

«Вглядишесь хорошенько,» сказалъ онъ мнѣ очень тихо. «Что? не правда-ли? это небо!... и адъ!... А кто сдѣлалъ все это?... развѣ не она?... Нѣтъ, я не могу ни сколько жалѣть о ней!

Я пересказала это потому, что Дюрокъ, со своею удивительною властію надъ Императоромъ, могъ-бы сдѣлать многое въ пользу Императрицы. Я увѣрена, что онъ никогда не дѣйствовалъ противъ нея; но если обстоя-

пельсва, въ кошорыхъ молчаніе бываешъ смертельно.

Однажды упромъ узнали, что Императоръ уѣхалъ ночью, въ чепыре часа; но цѣль и даже мѣсто этого пушешествія осмивались неизвѣстны. Впрочемъ, Императоръ не могъ ѣхать никуда кромѣ Италіи. Въ самомъ дѣлѣ, прежде всего онъ хохѣлъ побыванъ въ Миланѣ. Но одна изъ побудительныхъ причинъ этого пушешествія, почти неизвѣстная, была: желаніе его сблизиться съ Люціаномъ, котораго не видалъ онъ со времени второй его женитьбы. Императоръ чувствовалъ наконецъ, или лучше сказать никогда не сомнѣвался, что изъ всѣхъ братьевъ его только одинъ Люціанъ могъ понять его и идти съ нимъ по открытому имъ пути. Но характеръ Люціана былъ тяжель, и Императоръ, зная его, рѣшился самъ повидаться съ нимъ. Для этого оба брата назначили другъ другу съѣхаться въ Маншуѣ.

Люціанъ пріѣхалъ вечеромъ, около девяти часовъ. Онъ былъ въ дорожномъ берлинѣ, съ Г-мъ Бойе, двоюроднымъ братомъ своей первой жены, и Графомъ Шамильономъ, однимъ изъ своихъ друзей, жившимъ тогда у него.

— Не велише опиргашъ — сказала Люціанъ эшимъ господамъ: — можешъ бышь сегодня-же вечеромъ я опсправлюсь назадъ.

Онъ взошелъ къ Императору. Объ этомъ

доспомянутомъ свиданіи я знаю подробности съ двухъ сторонъ, и оба разсказа совершенно согласны одинъ съ другимъ.

Наполеонъ прохаживался въ большой галлерей, съ Принцемъ Евгеніемъ, Мюрашомъ, и Маршаломъ Дюрокомъ. Онъ пошелъ на встрѣчу къ своему брашу и протянулъ къ нему руку со всѣми знаками дружбы. Люціанъ былъ пронушъ. Онъ не видался съ своимъ брашомъ послѣ Аусперлицкаго похода, и вся слава Наполеона не шолько не возбуждала въ немъ зависти, но и казалась ему еще блисшашельнѣе и огромнѣе въ эшо время: она была въ самомъ дѣлѣ шаква, и благородное сердце его распрогалось. Нѣсколько секундъ оснавался онъ безъ опвѣща и сказалъ наконецъ Наполеону, какое счастье для него видѣнсья съ нимъ. Императоръ сдѣлалъ знакъ и всѣ бывшіе въ комнашѣ шопчасъ вышли.

«Ну, Люціанъ,» сказалъ Наполеонъ. «Какія у васъ шеперь предпріянія? Хошите-ли вы наконецъ идши однимъ со мной пушемъ?»

Люціанъ сначала взглянулъ на него съ изумленіемъ, пошому что эшотъ вопросъ о предпріяніяхъ, его предпріятіяхъ, конпорыхъ не замышлялъ онъ никогда, показался ему шпанымъ.

— У меня нѣтъ никакихъ предпріятій — опвѣчалъ онъ наконецъ. — Чшо-жь касается до пу-

ти Вашего Величества, то какъ вы понимаете его?

На кругломъ столѣ передъ ними лежала картина Европы, чрезвычайно огромная размѣромъ. Императоръ взялъ ее за одинъ конецъ, развернулъ самымъ пріятнымъ движеніемъ руки и бросилъ на столъ съ какою-то небрежностью.

«Выбирайте Королевство, какое вамъ угодно,» сказалъ онъ Люціану, «и я сію минушу обязываюсь словомъ брата и Императора отдать вамъ его и удержать въ вашихъ рукахъ... потому что я имѣю теперь довольно власти въ Европѣ. Понимаете-ли вы?»

Онъ остановился, и глядя на Люціана съ удивительнымъ выраженіемъ, прибавилъ :

«Люціанъ! вы можете раздѣлять со мной власть, которую имѣю я надъ людьми. Для этого надобно только идти путемъ, который я открыю вамъ для утвержденія моей системы, самой обширной и самой высокой, какую только изобрѣталъ человекъ. Но чтобы привести ее въ исполненіе, надобно помогать мнѣ, а это могутъ дѣлать только мои родные. Изъ моихъ братьевъ, только вы съ Юсифомъ въ сословіи оказали мнѣ дѣйствительныя услуги. Людовикъ упрямецъ; Жеромъ дитя безъ всякихъ способностей. . . . слѣдовательно только къ вамъ относятся всѣ мои надежды. Хотите-ли вы осуществить ихъ?»

— Прежде нежели пойдёмъ дальше въ этомъ объясненіи — опвѣчалъ Люціанъ — я долженъ предупредишь васъ, что я не перемѣнился ни сколько. Правила мои шѣ-же самыя, какія были въ 1799 и 1803 годахъ. Здѣсь, подлѣ Наполеона Императора, я шаковъ-же каковъ былъ на моихъ курульныхъ креслахъ 18-го Брюмера. Теперь разсмотримъ сами, брашь, угодно-ли вамъ продолжашъ.

« Вы говорите нелѣпость, » сказалъ Наполеонъ пожавши плечами. « Другое время, и другое направленіе идей... Ксшани-ли шеперь говорите о вашихъ республиканскихъ ушопіяхъ!... Надобно понять мою систему, говорю я вамъ.. идши моими путями!... и завпраже я сдѣлаю васъ главою великаго народа. Я признаю вашу жену своею сеспрою... корону ю ее вмѣстѣ съ вами... сдѣлаю васъ величайшимъ въ Европѣ послѣ себя... и возвращу вамъ всю мою дружбу— прибавилъ онъ послѣ эшихъ надушыхъ словъ, голосомъ ласкающимъ и сладоснымъ, шѣмъ голосомъ, кошорый я знала только у него, и кошораго сильныя и нѣжныя звуки пошрясали ваше сердце, заснавяя его бишься сильнѣе. Эшошь человекъ былъ весь оболъщеніе. Люціанъ зашренешалъ слушаю его.... сдѣлался блѣденъ.... онъ любилъ Наполеона.

— Я не продаю себя.... — сказалъ онъ вспревоженнымъ голосомъ.— Послушайте, мой

бращь! — продолжалъ онъ и голосъ его измѣнился. — Послушайте: эпомъ часть очень важень въ моей и вашей жизни... Я не хочу бытъ вашимъ Префектомъ... Если вы даете мнѣ Королевство, я хочу управлять имъ по своимъ идеямъ, и особенно соображаясь съ его потребностями... хочу чтобы народы, подвластные мнѣ, не проклинали моего имени; хочу чтобы они были счастливы, уважаемы, а не рабы, какъ въ Тосканѣ и во всей Италіи... Вы сами, вы не должны желать найдти въ вашемъ бранѣ молодущаго угодника, который за нѣсколько пріятныхъ словъ продастъ вамъ кровь своихъ дѣшей, пошому что народъ естъ не иное что какъ большое семейство, котораго начальникъ обязанъ дать отчетъ Богу за каждаго изъ его членовъ.

Императоръ глядѣлъ на Люціана нахмуривъ брови и со всѣмъ выраженіемъ глубокаго неудовольствія.

« Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ-же было пріѣзжать ко мнѣ? » сказалъ онъ наконецъ опривисто; « пошому что если вы упрямы, то я, вы знаете, по крайней мѣрѣ не меньше васъ!... Х-мъ!... Республика!... вы думаете о ней конечно не больше меня; и за что-бы вы любили ее?... Эпакъ Іосифъ вздумалъ однажды написать ко мнѣ письмо, невѣроятное! Ославъ я его спокойно занимаюсь *Королевскимъ дѣломъ*

его, говорилъ онъ мнѣ. Право, не досаждало ему только возспановишь *Королевскіе поѣзды*.

Она пожалъ плечами и презрительно улыбнулася.

—А для чего-же и не шакъ—сказалъ Люціанъ—если-бъ это было полезно для Государства? Это нелѣпность, согласенъ; но если-бъ это было для блага Неаполя, Іосифъ сдѣлалъ-бы хорошо, если-бы упорно осмался при ней.

Въ эту минуу многія ощущенія пробѣжали по лицу Наполеона и придали ему видъ странннй. Онъ быспро ходилъ по комнашѣ, повшоря съ шакимъ выраженіемъ, кошорое показывало сильную шревогу души :

«Все шопъ-же!... все шопъ-же!...» Вдругъ оборошвишись къ своему брапу, онъ закричалъ громовымъ голосомъ, ударя ногой въ мраморннй полъ галлерей.

«Повшорю вамъ еще разъ, м. г., зачѣмъ-же вы пріѣхали ко мнѣ?... для чего всѣ эти возраженія?... Вы должны повиновашься мнѣ, какъ своему онцу, какъ начальнику вашего семейства, и вы непременно сдѣлаете чшдъ я хочу.

Люціанъ начиналъ пылашь гнѣвомъ, и все благоразуміе, какое онъ обѣщаль себѣ сохранить, исчезало быспро, пошому что слишкомъ бурно вышло ихъ свиданіе, кошорое должно было рѣшишь не только будущій жребій его, но

можешъ быть и жребій Европы. Въ самомъ дѣлѣ, какъ знашь чшо случилось-бы, если-бы эпомъ челоуѣкъ, ишинно высокій, сдѣлался Королемъ какого нибудь обширнаго Государства ?

— Я не подданный вашъ ! — вскричалъ онъ въ свою очередь. — И если вы думаете наложишь на меня свое мѣдяное иго, вы ошибаетесь.... Никогда не наклоню я головы для него... Вспомните... вслушайтесь въ слова мои... вспомните чшо я говорилъ вамъ однажды въ Мальмезонѣ (*).

(*) Сцена, о которой напоминалъ Люціанъ, была въ Мальмезонѣ, не за-долго до провозглашенія Имперіи. Въ семействѣ уже знали объ эпомѣ провозглашеніи, и раздоры, произведенные женильбой Люціана, приняли опъ эпого характеръ тѣмъ больше мрачный, чшо Наполеонъ видѣлъ ошибку въ расчетѣ своемъ : онъ хотѣлъ сдѣлать Люціана однимъ изъ могущесивеннѣйшихъ своихъ *порутниковѣ*... Люціанъ надѣялся видѣть возрожденіе прекрасныхъ временъ форумъ, но видѣлъ полько времена Августа и былъ ужасенъ въ своихъ укоризнахъ. Онъ сказалъ прямо, чшо Императоръ не сдержалъ даннаго ему слова, чшо онъ поспунилъ съ нимъ *коварно*, словомъ, раздоръ сдѣлался ссорой и наконецъ жестокою бранью.

« Вы хотите убить Республику ! » вскричалъ Люціанъ въ бѣшенствѣ ; « хорошо, *завѣжьте ее*.... спаньте на ея шруцѣ и шруцѣ ея дѣшей.... Но выслушай-

Продолжительное молчаніе..... молчаніе ужасающее, почти спрашное настало за эпімъ взрывомъ великодушнаго гнѣва. Оба брата были другъ прошивъ друга . . . раздѣлены шолько споломъ, на копоромъ лежала Европа, эпа игрушка прихотливаго честолюбія Наполеона... Онъ былъ чрезвычайно блѣденъ. Сжашья губы его и почти мерзвенный цвѣтъ щекъ обличали сильное внупреннее движеніе. Онъ кидаль на Люціана бѣшеные взгляды, между шѣмъ какъ прекрасная фізіогномія эшого конечно была удивительна въ шакую бурную минушу. . . . Наконецъ Императоръ прерваль молчаніе первый: онъ умѣль укротить свое волненіе и даже спокойно сказалъ своему брату :

« Вы размыслите обо всемъ что я сказалъ вамъ, Люціанъ... Ушро вечера мудренѣе. Завпра

ше, что предсказываетъ вамъ одинъ изъ нихъ... Эпа Имперія, копорую воздвигаете вы силой и должны поддерживать насиліемъ, будетъ ими-же уничтожена. . . . и вы сами будете разбишы, раздавлены, вопъ какъ. . . . »

Онъ схватилъ экранъ, споявшій на каминѣ, и разбилъ его рукой, дрожащей отъ гнѣва. Пошомъ, какъ-бы желая сдѣлать гнѣвъ свой еще больше понятнымъ, онъ выхватилъ свои часы, кинулъ ихъ на полъ и раздавилъ каблукомъ своего сапога, повшоря : . . . « Да. . . разбишь. . . . раздавленъ. . . . вопъ какъ. . . . »

надѣюсь видѣшь васъ больше благоразумнымъ, для пользы Европы, если не для вашей собственной. Добрый вечеръ и добрая ночь, брагъ!

Онъ пропянулъ къ нему руку; Люціанъ взялъ ее и пожалъ съ чувствомъ, потому что душа его способна къ самымъ живымъ и самымъ сильнымъ впечатлѣніямъ, а мысль, которая господствовала имъ въ эту минуту, могла вызывать впечатлѣнія глубокія.

— Добрый вечеръ и добрая ночь, брагъ! — повторилъ онъ, все еще держа руку Наполеона въ своихъ. — Прощай!...

« Да завтра! » сказалъ ему Императоръ.

Люціанъ сдѣлалъ знакъ головой, хотѣлъ говорить.... но отворилъ дверь, бросился изъ комнаты, взошелъ въ карету, гдѣ ожидали его друзья, и въ шестъ-же часъ отправился изъ Маншуй.

Онъ увидѣлъ опять своего брата уже въ дни его несчастій.

КОНЕЦЪ ДЕСЯТАГО ТОМА.

30293e

Оглавленіе

ДЕСЯТАГО ТОМА.

Стран.

ГЛАВА I. Война 1807 года. — Жиды и великій санхедринъ. — Нѣшь больше многоженства. — Ворожба каршами у Императрицы Жозефины. — Предвѣщаніе. — Великая Герцогиня Бергская. — Необычайное посѣщеніе. — Камергеръ Принцессы Полины. — День св. Іосифа и 49-е Марша. — Комедія. — Г-жа Шампаньи. — Г-жа Барраль. — Г-жа Бреганъ. — Г-жа Шавбодуэнь. — Дворъ Принцессы. — *Севилскій Цирюльникъ* и праздничный кулешъ. — Лоло Дюбургъ.....

5

ГЛАВА II. Походъ 1807 года. — Испанія. — Донъ Евгенію Исквьердо. — Снисходительный хозяинъ. — Слѣдствие. — Диша любви у Герцогини Беррійской. — Ложный расчешъ. — Г. Араухо. — Маркизь Аморна. — Волшебникъ. — Предвѣщаніе. — Убитое диша. — Суевѣріе. — Письмо Г-на Араухо. — Списокъ запрещенныхъ Инквизиціею книгъ. — *Чортъ предсказатель*.....

40

ГЛАВА III. Посѣщеніе Архи-Канцлера. — Новый Герцогъ. — Двѣнадцать Перовъ Карла Великаго. — Слава и честь нашей прекрасной Франціи. — Народныя награды. — Ложное сужденіе о Наполеонѣ. — Калькрейць и 800 пушекъ. — Мус-

шафа и Янычары. — Революція въ Серафѣ. — Новая Герцогиня. — Швейцарь и прерванный слова. — Г-жа Фабръ де л'Одъ. — *Двадцать пятое дитя*. — Похищенный брилліантъ. — Г. Крамаель. — Директоріальный Король. — Жена добрая совѣшница и злая пешка. — Племянникъ учитель на гитарѣ. — Осужденіе къ смерти Пиренейскаго Полуострова. — Прокламація Князя Мира. — Донъ Евгенію Исквьердо. — Королева Эшрурская. — Генераль О'Фарилль. — Королева горбатая и безбокая. — Пяшилшній Король. — Прогулка въ карешѣ. — Маркизь Ла-Романа. — Мысль его объ Императорѣ. — Его бѣгство. — Перемешчикъ. — Самоубійца

68

ГЛАВА IV. Смерть Принца Людовика. — Сходство физическое и нравственное. — Пожаръ адмиральскаго корабля *Восток*, описанный Наполеономъ. — Высокая преданность сына Казабанки. — Королева Горшензія въ Пиренеяхъ. — Портреты. — Наполеонъ *меньше Корсиканецѣ* нежели думаютъ. — Генераль Левассеръ, привезшій мирныя практантъ съ Англією. — Жена его рождаетъ 24000⁷ плашинъ

90

ГЛАВА V. Продолженіе похода въ 1807 году. — Пуля пролетаетъ подлѣ уха Императора. — Слова Наполеона Маршалу Ланну. — Русскіе солдаты мужественны. — Фридландъ. — Императоръ подъ деревомъ. — Крестьянскій хлѣбъ. — *Онъ хорошъ*. — Раздѣлъ славы. — Маршалъ Ней, истинно *храбрый избъ храбрыхъ*. — Переодѣваніе на полѣ битвы. — Г. Гро. — Вдова солдаха. — Леонаръ Бондѣ. — Умершій живой. — Бѣдная мать. — Сирота. — Леонаръ Бондѣ, придавленный мершвыми. — Пльнникъ, садовникъ, влюбленный и мужъ. — Русскіе съ бородами. — Возвращеніе во Францію. — Печаль и сумасшествіе.

125

ГЛАВА VI. Возвращение Императора.— Г. Фоншань.—

Г. Сегье.—Наполеонъ плачетъ подъ шашромъ.—
Онъ истинный ошець народа.— Уменьшеніе на-
логовъ и подашей.— Герцогиня Ангулемская.—
Моя признашельность.— Жюно и Императоръ.—
Тягосный разговоръ.— Я предвидѣла его.—
Г-жа Мюратъ-дура.— Красная ливрея.— Мю-
рашъ.— *Дуэль на пистолетахъ.*— Военный брашъ
донощикъ.— Сшарый другъ отъ времяъ Ипаль-
янской арміи.— Кардиналь Мори.— Прекрасное
смадо.— Персидскій Посланникъ.— Полукаф-
шавье безъ кармановъ.— *Надежда, вѣра и бла-
готворительность.*— Г. Брокгаузенъ, Прусскій
Посланникъ.— Корнель и Расинь.— Сужденія
Императора.— Споръ съ Кардиналомъ Мори.⁶—
Великій Конде и Сершорій.— Смущники и спор-
щикъ.....

413

ГЛАВА VII. Глаза супруги Маршала Нея.— Персид-

скій Посланникъ при Дворѣ.— Онъ нездоровъ.—
Гг. Жоберъ и Бурдуа.— Оригинальная паншо-
мима, гдѣ главнымъ Г. Барбе-Марбуа.— Пре-
зидентъ ночши увлечень въ одно извѣстное
мѣсто.— Лавалешъ и Мармонъ.— Пророческая
началь этого послѣдняго.— Полуночная служба.
— Императоръ даешъ намъ урокъ.— Чувствва
его при видѣ народнаго восторга въ день 15-го
Августа.— Слова его о Маршалѣ Неѣ и Принцѣ
Евгени.— Анекдошъ.— Р. д'Алломи.— Праздникъ,
данный въ Городовомъ Собраніи.— Армія продол-
жаешъ побѣждашъ.— Прокламація.— Жюно на-
значень командиромъ Жирондской арміи.— Я
легко понимаю причину этого.....

418

ГЛАВА VIII. Г-жа Караманъ, крестная машъ.— Пись-

мо Дюрока.— Принцесса Виршембергская въ
Ренск.— *Решо*, наслѣдникъ Вашеля.— Пріѣздъ
Принцессы Екшеринны Виршембергской.— Порш-

решь ея. — Будущая невестка Императора, окруженная Французами. — Г-жа Люсе. — Поршрешь ея. — Поклоны и мѣщанинъ во дворянствѣ. — Г-жа Бриньоле. — Поршрешь ея. — Супруга Филиппа Сегюра. — Поршрешь ея. — Супруга Оскара Бонневаля. — Поршрешь ея. — Супруга Амедея Пишо. — Поршрешь ея. — Г. Виллушрь. — Г. Августъ Талейранъ. — Маршалъ Бессьеръ. — Завтракъ. — Посланникъ въ видѣ бога Терма. — Прогулка въ коляскѣ. — Ссора за эпикенъ. — Придворная дама и дама Императрицы-машери. — Принцесса безъ рубашки. — Принцъ *многоженецъ*. — Муаровое платье и шолсные руки. — Заботливосшь безъ любви. — *Анна, сестра Анна! не видишь-ли ты кого нибудь?* — Г-жа Лаллеманъ. — Воспоминаніе о Балшиморѣ. — Кардиналь Мори. — Приѣздъ Принца Жерома..... 213

ГЛАВА IX. Свиданіе Жерома Бонапарте съ Принцессою Екашеринною. — Горесшь Жюно. — Графъ Людовикъ Нарбоннъ. — Придворныя интриги. — Изысканія Г-на Кравфорда о Желѣзной маскѣ. — Баль у Герцогини Люинъ. — Поцѣлуй меня. — Г-жа Зайовчекъ. — Я рассказываю въ бѣлыхъ шелковыхъ башмакахъ и въ башмисшовой юпкѣ. — Для чего? — Зеленое пятно на моемъ бальномъ платьѣ. — Слова Герцога Лавала. — Г-жа Бальби. — Графъ Прованскій не Цезарь. — Г-жа Фламаранъ и 500 луидоровъ..... 215

ГЛАВА X. Продолженіе анекдотовъ о Г-жѣ Бальби. — Эта дама пишеть къ Г-ну Нарбонну. — Фарси, комическій слуга. — *Это отъ Графини.... вы знаете.* — Г-на Нарбонна преслѣдуютъ даже во Французскомъ Театрѣ и у Баронессы Спаль. — Добрый совѣтъ мнѣ. — Дѣвица Диллонъ, нынѣ супруга Генерала Бершрана. — Конецъ моего

разказа Императору о бѣль Герцогини Люинь.
— *Это грезьѣтаймо странно*..... 295

ГЛАВА XI. Ошѣвздъ Жюно.— Споры его съ Военнымъ Миниспромъ, Генераломъ Кларкомъ.— Измѣна всегда презришельна.— Наполеонъ никогда не уважалъ Кларка.— Императоръ уполномочиваетъ Жюно переписываться прямо съ нимъ.— Дурное устройство Жирондской арміи.— Жюно шеряетъ браслещъ.— Письмо Кларка.— Жюно глубоко оскорбляется имъ.— Императоръ моешь голову Военному Миниспру.— Новое письмо.— Жюно названъ въ немъ *Вашимъ Превосходительствомъ*. — Князь Мира.— Его увѣренія въ преданности..... 306

ГЛАВА XII. Непріяшности и досады Жюно.— Зависть и злоба вооружающя прошивъ него.— *Мѣшокъ съ тысячю франковъ* — Безприсраспіе Автора эмихъ Записокъ.— Убійснва.— Генераль Тиебо.— Карль X на высшавкѣ 1827 года.— Тайныя предписанія о походѣ въ Поршугалию.— Генералы Луазонъ, Лабордъ, Кенель, Казошшъ, Келерманъ.— Недосташокъ въ припасахъ для арміи.— Чшо шерпѣли солданы во время этого похода.— Письмо Жюно объ этомъ.— Ошибки Полковника Немира..... 327

ГЛАВА XIII. Праздники въ Фоншенбло.— Новыя любовныя инприги.— Слухи о разводѣ.— Уединенныя прогулки.— Императоръ въ Маншуъ.— Люціанъ и свиданіе.— Братъ республиканецъ.— Ушопія.— *И не продаю себя*.— Разбишый экранъ и расщопшанные часы.— Такъ будещъ и съ вами.— Превосходное поведеніе Люціана..... 352